

**КОНСТАНТИН
БУЛАНОВ**

**ВЫМПЕЛ МЕРТВЫХ.
БАЛТИЙСКИЕ
КОНДОТЬЕРЫ**

2016

К вниманию мореманов и просто любителей альтернативной истории. Уже написано немало произведений посвященных Русско-Японской войне 1904–1905 годов, но ведь и до нее в мире хватало конфликтов имевших немало шансов повлиять на восприятие Российской Империи "ведущими игроками". А уж если за коррекцию истории берется вооруженный знаниями о грядущем признанный мастер своего дела, которому на сей раз было суждено выжить, врагам Государства Российского остается только скрипеть зубами.

Буланов Константин Николаевич

ВЫМПЕЛ МЕРТВЫХ

БАЛТИЙСКИЕ КОНДОТЬЕРЫ

Пролог

— Как любит говорить мой отец — "Сбылась мечта идиота!" — не в силах скрыть расплывающуюся по лицу улыбку, пробубнил себе под нос тридцатилетний начинающий "капитан морского флота". Появившись на свет в семье с уходящими в глубь веков морскими традициями, он не смог пойти по стопам родителей и стать инженером-кораблестроителем, ибо взросление и становление личности пришлось на непростые девяностые и начало двухтысячных, являвшихся не самыми лучшими для людей подобной профессии временами. Да и мозги, откровенно говоря, подкачали в физико-математическом направлении. В военно-морской флот, по стопам деда и прадеда, тоже не сильно тянуло по все той же причине — каждый день хотелось кушать, а по новостям год за годом утверждали, что родная армия и флот не живут, а выживают. Именно по этой меркантильной причине в конечном итоге в качестве трамплина в светлое будущее был выбран экономический университет, оконченный через пять лет с красным дипломом. Вот только то ли трамплин оказался не сильно высоким, то ли погода не летной, но за двенадцать числившихся в трудовой книжке лет, едва удалось накопить на однушку в хрущевке да подержанный форд. И как бы не тянуло в море, осуществление мечты раз за разом приходилось откладывать на потом, уж больно много просили даже за самый скромный и небольшой катер. А ведь хотелось не небольшой. Хотелось такой, чтобы можно было и родню покатавать и друзей. Да и в отпуск на несколько недель смотаться по морям и рекам родины куда-нибудь. И вот, свершилось! Как его учили в университете, если будет спрос, то будет и предложение. А таких как он по стране оказалось немало, потому и нашлись люди, готовые исполнить их мечту за сравнительно приемлемые деньги.

В результате встречи двух таких людей старая спасательная шлюпка, успевшая послужить еще в советском торговом флоте и прихваченная кем-то шустрым при распиле этого самого флота, обрела вторую жизнь и получила вчетверо более мощный импортный двигатель, поскольку родной оказался скручен и продан в незапамятные времена. Естественно, переделке подверглось не только МТО, но и корпус с салоном.

И вот, к концу лета зарегистрированный в ГИМС катер класса река-море "Шмель" был спущен на воду. Новый владелец не захотел кардинально переделывать герметичный корпус, как ему предлагали, и лишь заказал установку новых больших иллюминаторов взамен потускневших от времени прежних недоразумений, так что катер со стороны все так же выглядел смешным толстячком. И дабы подчеркнуть его столь потешный вид, он получил соответствующее название с раскраской. Перемежающиеся желтые и черные полосы, а также прорисованные глаза и усики действительно делали его похожим на неторопливое и пухлое насекомое. Но если работы на корпусе по большей части ограничились косметическими изменениями, то салон преобразился кардинально, превратившись в весьма уютную жилую каюту.

Единственным недостатком заказа было место забора покупки — Калининград. Естественно, по согласованию с осуществлявшей ремонт фирмой, катер можно было

доставить в родной Санкт-Петербург, но такая услуга по цене чуть ли не равнялась цене самого катера и потому, подгадав на работе отпуск как раз к моменту спуска долгожданной покупки, Иван собрал чемоданы и на пароме рванул в Калининград.

К его величайшему сожалению, разбить о стеклопластиковый борт катера обязательную бутылку шампанского не представлялось возможным, но, тем не менее, брызги игристого вина окропили его корпус, так же как и осколки разбитой прицельно о якорь бутылки.

— Что же, примите мои искренние поздравления! — улыбнулся владелец небольшой семейной фирмы, которая собственно и осуществляла все работы. — Я как старый моряк понимаю вас как никто другой. Свое первое судно, как первая любовь — будешь помнить о ней всю жизнь.

— Спасибо, Виктор Борисович! Это ведь была не только моя мечта, но и всех моих предков. Жаль только, что дед не дожил. Зато теперь с отцом на всех выходных будем по Финскому заливу или Неве ходить!

— Что же, для начала неплохо. А там, глядишь, и на океанскую яхту заработаете! — подмигнул старик Ивану и хлопнул его по плечу, — Ну, идемте, оформим последние документы, да подскажу к кому обратиться насчет топлива и припасов. Кстати, с путем следования уже определились?

— Конечно! Я же к этому походу пол года готовился. Так что и в Литве и в Эстонии меня уже ждут, не дождутся.

— Это хорошо. А то был у меня года два назад один клиент, так его наши же пограницы чуть не расстреляли. Не поверите, ни одного документа не оформил, да еще и удирать принялся, когда его окликнули!

— Бывают же такие люди! — искренне удивился Иван. — И что с ним потом было?

— Что было, что было. Срок получил! До сих пор сидит! Так что с пограничниками лучше не шутить.

— Да я это как-то и раньше понимал. — усмехнулся Иван, — Вы лучше подскажите, где здесь можно за недорого эхолот для рыбалки прикупить, да куда лучше на экскурсию сходить. А то когда я еще здесь появлюсь...

На то чтобы подготовить катер к переходу в Санкт-Петербург ушел еще целый день, но двадцать девятого августа, огласив напоследок стоянку маломерных судов противным гудком, "Шмель", отдав швартовый, покинул город, где он обрел вторую жизнь. Под ногами мерно тарахтел откапиталенный дизельный 30-тисильный двигатель Volvo Penta MD2040, который мог бы показаться чересчур слабым для катера водоизмещением в 8,5 тонн, но как показал забег на мерной миле, он вполне обеспечивал максимальную скорость в 8 узлов и это при полных топливных баках на полтонны дизеля. Крейсерский же ход варьировался в районе 6 узлов, так что "Шмель" оказался именно тем, что и требовалось получить — непотопляемым в силу заложенных при рождении конструктивных особенностей, не загубленных проведенной модернизацией, неторопливым и экономичным летним домиком на воде, который позволял выбирать даже в прибрежные морские просторы.

Поначалу, поход в родной порт лишь радовал, давая возможность наслаждаться детской мечтой, но уже на подходе к Таллину былой энтузиазм остался далеко за кормой. Все же ходить в одиночку на такие расстояния оказалось не слишком весело. За девять дней пути единственным более-менее интересным событием была встреча с целой сборной солянкой европейских тральщиков. Чего они все забыли в литовских водах было неясно, но наличие под боком дюжины тральщиков навивало на не слишком веселые мысли о возможной

встрече с одной из 80 тысяч мин вываленных в эти воды за две мировые войны, с которыми даже через пятнадцать лет после окончания Великой Отечественной боролся еще его дед. Но рефлексии по данному поводу длились недолго и забылись через пару дней.

В Таллине Иван решил передохнуть перед последним рывком к родным берегам и с превеликим удовольствием погулял по городу, где посетил памятник установленный в память об экипаже пропавшего без вести сто двадцать лет назад броненосца "Русалка". Памятник благополучно пережил Первую Мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны и даже новые власти страны не посягнули на память русских моряков, даже подкидывали средства на содержание всей композиции в относительном порядке, что не могло не радовать. В конечно итоге, набравшись впечатлений и затарившись топливом и провиантом, он завалился спать, так как собирался выйти пораньше, чтобы попытаться добраться до Кронштадта за один день. Вот только неожиданно подвел будильник, и потому отдать швартовый удалось только в половину девятого утра.

Первый час пути прошел спокойно — тихое море и синее безоблачное небо грели душу и радовали глаз. И потому внезапное появление прямо по курсу натуральной стены из тумана оказалось настоящим шоком. Причем, создавалось такое впечатление, что туман, подобно живому существу, сам наползал на небольшой катер. Возвращаться назад в Таллин совершенно не хотелось и понадеявшись на недорогую спутниковую систему навигации прикупленную еще год назад, он вошел в туман, мгновенно осознав, что сильно переоценил свои способности — управлять, ориентируясь лишь по спутнику и не видя даже носа своего катера оказалось невозможно чисто с психологической точки зрения. Туман был настолько густым, что, казалось, его можно черпать ложкой. На некоторое время паника застила разум и чтобы не натворить бед, он решил остаться на прежнем курсе хоть тот и вел, чуть ли не напрямую в Хельсинки, а не к родному Санкт-Петербургу.

Глава 1. Живые и мертвые

Донимавшая его последний год головная боль вновь дала о себе знать с самого утра, и оттого настроение было препаршивым. Стук в дверь отдался в голове такой болью, будто он не отдыхал последние дни, а беспробудно пил. Причем пил исключительно горячительные напитки, от которых на следующий день неизменно навещает Бадун Иванович. С трудом поднявшись с кровати, он посидел несколько секунд, чтобы прийти в себя и наконец, смог заставить себя дойти до двери. Будучи не только командиром корабля Российского Императорского Флота, но и дворянином, Виктор Христофорович, тем не менее, никогда не имел в кармане лишних денег, и потому слуг в его семье не держали, что, впрочем, было в порядке вещей для большинства как флотских так и армейских офицеров живущих исключительно на положенное им жалование. Супругу же с детьми он отправил назад в Петербург еще несколько дней назад, потому, когда вестового не было под рукой, все приходилось делать самому, независимо от самочувствия. Удерживая на лбу намоченное холодной водой полотенце, он отворил дверь квартиры и увидел на пороге того самого положенного по занимаемой должности вестового.

— Ваше высокоблагородие, господин старший офицер послали за вами и велели напомнить, что мы должны сняться с якоря через два часа.

— Да, братец, помню. Все помню. — с тяжелым вздохом протянул капитан 2-го ранга и

пригласив матроса зайти в квартиру, вернулся в свои апартаменты. Чемоданы были уже собраны, оставалось только надеть мундир и присесть на дорожку. Окинув взглядом комнату, он помассировал виски и понял, что больше сюда не вернется. Тогда, в самом конце морской компании, при заключительных зачетных стрельбах у него произошел особенно сильный приступ, после чего пришлось надолго лечь в кровать. Все доктора, к которым он обращался, после продолжительных, но не приносивших результатов процедур, лишь разводили руками, советуя оставить мостик корабля и перейти служить на берег. Для капитана 2-го ранга, разменявшего четвертый десяток, это означало окончательно распрощаться с будущей карьерой и делом всей жизни. Однако, судя по тому, что, не смотря на болезнь, то и дело отправлявшей его на койку, никто не пытался поставить вопрос о его непригодности к службе на кораблях, командованию он виделся ценным офицером и незаменимым специалистом. Все же далеко не любого офицера ставили командиром корабля в учебно-артиллерийском отряде Балтийского Флота. Подобная должность давала немало, но и требовало многого. И всей своей жизнью он доказал, что был достоин своего звания и должности, если не большего. Морское училище, Морская академия, Михайловская артиллерийская академия, участие в кругосветном плавании и 22 года беспорочной службы — все это выделяло его среди сотен и тысяч офицеров РИФ имевших куда как более скромные познания в науках и материальной части, не говоря уже об опыте. Он прекрасно знал, что ввиду нехватки кораблей на флоте и избытка офицеров, вынужденных прозябать на берегу, на его должность мгновенно найдутся десятки желающих, стоит командованию принять решение о его списании на берег, и потому, не смотря на мучавшую его болезнь, из последних сил старался выполнять свои обязанности с максимальной эффективностью. Все же, в конечном итоге именно он отвечал за выучку и навыки тех, кому предстояло служить России на всех прочих кораблях Российского Императорского Флота, и потому оставить мостик на попечение недостаточно подготовленного офицера не имел никакого морального права. Но в последнее время мигрень накатывала все чаще и чаще, так что намерении он даже был вынужден подать рапорт на имя командовавшего учебно-артиллерийским отрядом Балтийского флота, контр-адмирала Бурачека Павла Степановича, с просьбой заменить его в предстоящем выходе. Составляя рапорт, он понимал — это конец. Командир, ослабший настолько, что не смог привезти свой корабль назад в Кронштадт, уже не мог рассчитывать сохранить свою должность на следующий год. А ведь для ценза столь необходимого для получения следующего звания требовалось проплавать хотя бы еще один год, после чего уже можно было подумать о списании на берег. Но в то же время он не имел никакого права рисковать кораблем и экипажем, и потому рапорт был составлен и подан. Однако, судьбе было угодно, чтобы броненосец вернулся на зимнюю стоянку под началом своего командира, поскольку назначенный для его замены капитан 2-го ранга Траубе внезапно слег с сильнейшей ангиной и еще долгое время вынужден был провести подальше от холодного моря с ветром и поближе к теплой кровати с микстурами.

В конечном итоге после продолжавшейся несколько дней переписки с контр-адмиралом и командиром канонерской лодки "Туча" выход был назначен на девять часов утра 7-го сентября. На Балтике уже начинался сезон штормов, и потому откладывать возвращение в Кронштадт становилось более невозможным.

Хлопнув по коленям, он резко поднялся с кровати и покачнулся — все поплыло перед глазами, так что пришлось ухватиться за спинку тяжелого, сделанного из дуба, стула чтобы не упасть. Простояв так с минуту, капитан 2-го ранга выдохнул и твердым шагом покинул

спальню.

Пока вестовой занимался размещением небогатого багажа своего командира, Иениш сидел с закрытыми глазами в пролетке и глубоко дышал, пытаясь привести сознание и тело в норму. Как он ни старался держаться молодцом, путь до порта удалось перенести с трудом, что лишний раз подтвердило его полную неготовность к выходу в море. И только чувство долга все еще держало его на ногах. Из-за того, что голова раскалывалась, ему даже пришлось совершенно отказаться от завтрака, так что на борт "Русалки" поднялся злой, голодный и мучимый болью человек, но никак не доблестный капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота.

Не смотря на то, что первый участок пути казался совсем небольшим — всего пятьдесят миль, для столь старых кораблей как "Туча" и "Русалка", не способных даже в далекой юности похвастаться скоростью более девяти узлов, он становился довольно продолжительным. Особенно это касалось броненосной лодки с ее совершенно изношенными механизмами. К тому моменту как "Русалка" на черепашьем трехузловом ходе выползла с рейда, ушедшая вперед канонерка уже шла как минимум вдвое быстрее и судя по тому, что на ней собирались поставить паруса, "Туча" вскоре могла прибавить еще пару узлов, став абсолютно недостижимой для броненосной лодки.

— Николай Николаевич, принимайте командование. — передать командование старшему офицеру было единственным, на что у Иениша хватило сил, после того как он прибыл на корабль. Из-за недомогания он даже не смог присутствовать на мостике, когда мимо проходил вельбот с командующим эскадры. Вновь показавшись на мостике после снятия с якоря, он кое-как продержался, пока "Русалка" выходила с рейда, но уже через час вновь был вынужден передать управление старшему офицеру, — Идем вслед за "Тучей", Николай Николаевич. Скорость у них, конечно, больше, но постарайтесь не отставать более чем на две мили. Судя по тому как колеблются показания барометра, нас по пути может серьезно потрепать шторм, так что следует держаться как можно ближе к "Туче". Все же когда чувствуешь под боком плечо товарища, становится немного легче.

— Постараемся не упустить их, Виктор Христофорович. Хотя, судя по тому как вокруг нас собирается туман, из виду мы их можем потерять и довольно скоро.

Передав командование старшему офицеру, Иениш с трудом добрался до своей каюты и буквально рухнул на небольшую койку. Ему и без "подарков" погоды было настолько плохо, что он даже не заметил заметно увеличившуюся со временем качку, предвещающую беспокойный путь его кораблю и команде. И только когда вестовой, по прямому приказу старшего офицера, буквально растолкал командира, тот ощутил, как сильно достается старому кораблю от разошедшихся вод Балтики. Поддерживаемый вестовым, он с трудом взобрался из темных недр "Русалки" на мостик, дважды при этом приняв бодрящий ледяной душ — время от времени волны перекатывались через низкий борт броненосной лодки и заливались во все встреченные на пути щели и отверстия, потихоньку затапливая корабль. Трап, ведущий на мостик, тоже не стал исключением и потому появившийся на нем капитан 2-го ранга выглядел совсем удрученно — к болезненному виду добавилась промокшая насквозь одежда и всклокоченная борода.

— Что случилось, Николай Николаевич? Непогода разгулялась? — пытаюсь перекричать шум разбивающихся о борт волн и гул ветра, Иениш чуть не ударил старшего офицера головой в нос, так близко он склонился к нему.

— И это тоже, Виктор Христофорович. — прокричал в ответ Протопопов, но затем указал в сторону левого борта и добавил, — Но я вас просил позвать по другому поводу. Вы только взгляните на это!

Проследив взглядом за рукой старшего офицера, Иениш с удивлением обнаружил идущую в четверти кабельтова необычную лодку. Выкрашенная в черно-желтые полосы, она напоминала большую отъевшуюся медом пчелу. Но что было более удивительно, лодка двигалась без какого-либо дыма. На ней вообще отсутствовала дымовая труба. А палуба, впрочем, как и просматривающаяся рубка, оказались полностью прикрыты со всех сторон, так что внутрь лодки не могла пробраться даже малая капля воды.

— Что это? Напоминает подводную лодку Джевецкого.

— Да, Виктор Христофорович, что-то такое есть. Но я попросил вас на мостик по другой причине. С нее фонариком постоянно передают один и тот же сигнал, который никто не может прочитать. У нас подобная комбинация точно не встречается. Видимо, иностранец. Не рассчитывал на такую непогоду, выходя в море, и увидав военный корабль, решил попросить помощи. Если у них там такой же педальный привод как у лодки Джевецкого, то люди наверняка уже выбились из сил. Мы сейчас даем пять узлов, а они от нас не отстают, если не нагоняют. Представляете, как надо крутить педали, чтобы так ходко идти да еще в такую погоду!

— Что же, сигнальте им, чтобы сближались. Попробуем взять на буксир. Хотя, в такую непогоду его может и сорвать. Но, по крайней мере, возьмем людей на борт. Если уж нам на "Русалке" приходится несладко в такую погоду, представьте себе, какого приходится людям на такой утлой скорлупке.

Пока офицеры обсуждали диковинную лодку, та, получив разрешение подойти, изменила курс и начала сближаться с броненосной лодкой. И хоть "Русалка" плохо управлялась на такой скорости, чудная лодка довольно ловко притерлась к борту, защитившему ее на время от волн. И как только ее перекаты на волнах вошли в унисон с броненосцем, на борту распахнулся внушительных размеров люк, из которого показался человек с явно различимым на бледном лице оттенком страха.

— Sorry sirs, I've lost orientation in the fog and afraid that I don't have enough experience and knowledge to gain the shore myself. Can I follow you ship until the fog is gone? — расплылся в нерешительной улыбке так и не покинувший своей лодки неожиданный гость.

— Англичанин, что ли? — поинтересовался Иениш у старшего офицера.

— Не думаю, Виктор Христофорович, уж больно коряво говорит. — тут же ответил Протопопов.

— О! Так вы говорите по-русски! — услышав родную речь, обрадовался Иван. — Вы русские?

— Конечно! Капитан 2-го ранга Иениш. — представился командир корабля

— Капитан 2-го ранга Протопопов. — представился вслед за ним старший офицер. — С кем имеем честь?

— Иван. Можно просто Иван. Владелец "Шмеля". — он похлопал борт своего катера. — Надеюсь, я не сильно отвлекаю вас? Видите ли, это мое первое плавание. Перегоняю свою попку в Кронштадт. — он вновь нежно похлопал борт катера, — И переоценил свои способности. Кто же знал, что на море опустится столь густой туман. А тут еще и спутниковая навигация вышла из строя. И рация молчит. Так что я совсем отчаялся, но внезапно увидел перед собой ваш корабль и понял, что вы — мой единственный шанс на

благополучный исход путешествия.

— Что же, кидайте швартовый, попробуем взять вашу лодку на буксир. Но при таком волнении трос может не выдержать, так что я бы посоветовал вам перебраться к нам на борт.

— Благодарю, но "Шмель" способен выдержать даже штормовые волны. Его специально проектировали для подобного. Да и буксир мне не нужен, я вполне могу дать и большую скорость, чем сейчас. Так что просто хотел получить разрешение идти поближе к вам, чтобы не потеряться в тумане. Как говорится, вместе веселее. Кстати, примите мое искреннее восхищение — ваш корабль настоящий шедевр реставрационных мастерских. Это надо же, даже силовая установка — паровая! Скажу честно — я первый раз в жизни вижу судно с настоящей паровой машиной. Да что там я, даже мой дед не успел застать на службе настоящих пароходов.

Воцарившуюся тишину нарушал только шум ветра игравшего с мачтами броненосной лодки, да рокот волн раз за разом пробувающих на крепость ее борта.

— Вот как? — нарушил затянувшееся молчание старший офицер "Русалки" и переглянувшись со своим командиром, на изможденном недомоганием лице которого явно читалось непонимание, поинтересовался, — И какие же силовые установки двигали корабли, на которых имел честь служить ваш дед?

— Дизельные двигатели, да паровые или газовые турбины. А какие еще то? — недоуменно пожал плечами неожиданный попутчик и чуть подумав, добавил, — На кораблях с атомными реакторами он точно не ходил. — Он хотел сказать еще что-то, но очередная волна, перекатившаяся через броненосную лодку, обрушилась на Ивана и увлекла его внутрь "Шмеля". Промокший насквозь он вскоре вновь появился в открытом люке, — Так я смогу следовать у вас под боком, господа? Я бы и рад пообщаться, но, боюсь, погода к этому совершенно не располагает.

— Конечно, можете следовать рядом с нами. — прокричал в ответ промокший насквозь старший офицер, поскольку капитана корабля, потерявшего всякие силы находиться на мостике, уже тащили вниз вестовой с одним из сигнальщиков. Конечно, ему хотелось бы продолжить беседу со столь непонятным человеком с целью прояснения многих неясных ему фраз, брошенных назвавшимся Иваном господином, но окружающая обстановка диктовала свои условия и потому разговор неизбежно откладывался на неопределенное время.

Следующие пару часов прошли в неравной битве со стихией. "Русалку" мотало на волнах, как пьяного по буеракам. Не отставала от нее и желто-черная лодка, пляшущая на поверхности моря подобно поплавку. Несколько раз Протопопов наблюдал, как она полностью скрывается под водой, встречаясь с действительно большой волной, но каждый раз вновь появлялась на поверхности, как ни в чем не бывало.

Трижды старший офицер посылал матросов к командиру, но тот никак не желал приходить в сознание, что бы те ни предпринимали. А ситуация тем временем ухудшалась с каждой минутой. Разошедшаяся стихия кидала старый корабль так, как ей было угодно. Слабая машина не могла дать достаточную мощь, дабы противостоять столь высоким волнам, что умудрялись перекатываться вдоль всего корабля. Нагоняя его с кормы и обрушиваясь на палубу и рубку, они спокойно доставали до самого носа, заставляя находящихся на мостике моряков трепетать в ужасе. Более современные корабли еще смогли бы справиться с налетевшей бурей, но построенная на заре появления стальных бронированных кораблей "Русалка", по сути, являлась пробным шагом и потому не могла

похвастаться достаточной живучестью. Перекачиваясь через корабль, волны не только разбивали и уносили в морскую пучину все, что не было намертво приклепано или прикручено, но также заливали лодку через многочисленные отверстия, заткнуть которые было нечем, так как все деревянные штормовые крышки люков оставили в Кронштадте еще в начале весны. Да и будь они на корабле, ставить их было никак нельзя, поскольку старенькая машина буквально задыхалась, не имея достаточной тяги, и закупоривание имеющихся отверстий непременно привело бы к затуханию топки и потере хода, что в сложившихся обстоятельствах являлось смертным приговором для корабля и всей команды. Но все больше прибывающая вода, с отводом которой имеющиеся помпы никак не могли справиться, также приближалась к топке, не оставляя кораблю шанса на спасение.

— ...Виктор Христофорович, да проснитесь же! "Русалка" гибнет! — наконец, вырвавшийся из уст лейтенанта Бурхановского крик души добрался до сознания командира, и тот резко приподнялся на своей койке, будто ничего и не было. — Виктор Христофорович, вы очнулись! Слава Богу!

— Лейтенант Бурхановский? Что случилось? — не удержавшись, Иениш крепко приложился головой о стену каюты, — Эка меня мотает. — потеряв ушибленную голову, он тяжело вздохнул, — Все же пора подумать о списании на берег.

— Да это не вас мотает! Это всех мотает! Мы попали в шторм! Корабль заливают! Помощник старшего инженера говорит, что еще десять минут и прибывающая вода зальет топку! — не смотря на то, что лейтенант старался говорить как можно более сдержанно, его губы заметно подрагивали, да и в голосе нет-нет, да проскакивали истерические нотки.

— Проводите меня на мостик. Я должен сам ознакомиться со сложившейся ситуацией. — ухватившись за плечо лейтенанта, Иениш с трудом поднялся с койки.

— На мостик никак нельзя, Виктор Христофорович. Да туда и не пробраться — вода смывает вниз всех, кто пытается подняться. А те, кто находятся на мостике, намертво привязаны к поручням, чтобы их не смыло.

— Тогда ведите в машинное отделение. — не смотря на то, что лодку нещадно болтало, они все же смогли спуститься по узким переходам к стальному сердцу "Русалки", где тут же убедились в масштабе трагедии — колышущаяся в машинном отделении вода почти вплотную подступала к открытой топке, в которую чумазые, как черти, кочегары, выбиваясь из последних сил, закидывали остатки относительно сухого угля.

Разглядев механика, колдовавшего у надрывающейся машины, Иениш, спустившись по колено в воду, принялся пробираться к нему, — Ян Карлович! — убедившись, что его заметили, он продолжил, — У нас есть шансы?

— Никаких. Тяга упала настолько, что все водоотливные помпы встали. Так что недолго нам осталось барахтаться, Виктор Христофорович. Минут десять и топки зальет.

— В таком случае поддерживайте пары еще семь минут, а после закрывайте топки и покидайте отсек. Я прикажу спускать шлюпки.

— Слушаюсь! — выкрикнул, услышавший командный, не подразумевающий отказа, голос Иениша, механик.

— А теперь, лейтенант, идем на мостик!

— Слушаюсь, господин капитан 2-го ранга! — взбодренный уверенностью командира, лейтенант вытянулся по струнке смирно, хотя во мраке машинного отделения этого было и не видно.

Преодолевая встречный поток воды, раз за разом обрушивающийся на голову, и

перешагивая через пытающихся скрыться в недрах корабля от разбушевавшейся стихии матросов, они с большим трудом смогли выбраться на мостик, где страховавшие офицеров двое матросов тут же принялись приматывать обоих офицеров канатами к поручням. И сделали это они весьма вовремя, так как очередная обрушившаяся на корабль волна сбила с ног всех находившихся на мостике и если бы не страховка — непременно утащила кого-нибудь в море.

Убедившись, что непогода и не думает отступать, Иениш полностью осознал, что как только машина встанет, счет жизни корабля пойдет на минуты, и потому более не сомневался, отдавая приказ.

— Всем внимание! — стараясь перекрычать рев ветра и волн, завопил во всю мощь своих легких и голосовых связок капитан 2-го ранга, — Корабль обречен! Приказываю спускать шлюпки! И постарайтесь передать нашему попутчику просьбу о помощи. — Иениш кивнул в сторону только что зарывшейся в очередную волну необычной шлюпки. — Может, сможет взять хоть кого-нибудь на борт.

— Слушаюсь! — с трудом развязав промокший насквозь канат, лейтенант скатился с открытого мостика и исчез внутри корабля.

— Теперь вся надежда только на чудо. — тихо проговорил Иениш и покрепче ухватился за поручень. Больше от него не зависело ровным счетом ничего. С этого момента все было в руках божьих.

Вскоре на палубе появились первые вылезшие из недр броненосца матросы. Цепляясь за все что еще не было смыто за борт, они принялись пробираться к двум оставшимся на борту шлюпкам и последнему весельному катеру. Куда делись еще три шлюпки и катер правого борта, можно было легко догадаться, наблюдая за тем, как очередная волна, прокатившись вдоль всего броненосца, чуть не утащила с собой двух матросов.

Не смотря на противодействие погоды, команде удалось довольно скоро спустить по шлюпке с каждого борта и в них уже начали грузиться первые счастливчики, когда к правому борту подошла черно-желтая лодка и оставаясь метрах в десяти от борта броненосца, чтобы избежать столкновения, уравнила скорость, оказавшись напротив мостика. Примерно через минуту из распахнувшегося люка на палубу броненосца полетел канат. Первая, впрочем, как и вторая и третья попытки оказались неудачны, и канат то и дело заканчивал свой путь в водах Балтики.

Тем временем забитая до отказа шлюпка начала отходить от правого борта "Русалки". Матросы даже успели опустит немногочисленные сохранившиеся весла в воду, когда очередная нагнавшая броненосец волна кинула корабль на лодку и та с жутким треском набора и костей моряков разлетелась в щепки от последовавшего страшного удара. Из двух десятков матросов, что успели занять в ней места, на поверхности осталось не более половины, да и тех с каждой новой волной становилось все меньше.

Наблюдавшие с мостика "Русалки" за разыгравшейся трагедией смогли насчитать лишь троих счастливчиков, кому повезло уцепиться за прилетевший к ним из идущей рядом лодки трос и быть по очереди втащенными в нее. Еще двоим не повезло. Уже находясь рядом со спасительным люком, они не смогли удержать окоченевшими в холодной воде пальцами трос, и были утащены коварными волнами. Остальные же скрылись под водой еще раньше.

Тем временем в шлюпку и катер левого борта уже успели погрузиться не менее полусотни человек, когда все находившиеся на мостики почувствовали, что машина "Русалки" встала. Старый броненосец благодаря инерции еще с минуту смог бороться со

стихией, но потом все же полностью потерял управление, хотя и до этого с большим нежеланием слушался руля и принялся разворачиваться бортом к волне, что окончательно подводило черту к его существованию.

— Всем покинуть корабль! — вновь взревел Иениш и на удивленный взгляд старшего помощника все еще стоящего на мостике добавил, — Немедленно выполнять! — для наглядности указав на последний шанс к спасению, бывший о левый борт броненосца.

— Господин капитан 2-го ранга, — появившийся из недр корабля матрос вцепился в поручень и пытаясь перекричать рев стихии, принялся докладывать, — машинное отделение и артиллерийские погреба полностью затоплены. Господин помощник старшего инженера велел передать, что "Русалка" набрала слишком много воды и продержится от силы еще пять минут.

— Понятно. Ты вот что, братец, передай всем, кто остался внизу, чтобы выбирались на палубу и по способности спасались.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — проорал матрос и вместе со следующей волной скрылся в недрах "Русалки".

— Виктор Христофорович, вам бы тоже не мешало подумать о переходе в шлюпку. Все же ваше здоровье... — старший офицер хотел сказать еще что-нибудь, но, наткнувшись на жесткий взгляд командира, тут же осекся.

— Командир на корабле — первый после Бога и последний, кто имеет право покинуть его борт. Так что, Николай Николаевич, вы, пожалуйста, ступайте, а я еще немного задержусь на мостике моей "Русалки".

— Пожалуй, я тоже задержусь. — усмехнулся в ответ старший офицер и проследив взглядом за тем, как очередная волна смыла с борта пытавшегося добраться до лодки матроса, обратился к рулевому, — Ты, братец, тоже ступай. Мы с Виктором Христофоровичем сами тут справимся.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие. — закивал матрос и только принялся отвязываться от поручня, как вновь накрывшая корабль волна переломила мачту. С хрустом та обрушилась прямо на мостик, придавив рулевого и отбив руку старшему офицеру, так что единственным не пострадавшим остался только сам Иениш.

Подставивший волне борт корабль раз за разом принялся получать ощутимые удары, раскачивающие его все больше и больше. В результате последние средства спасения были вынуждены отвалить от броненосца, чтобы не перевернуться или не разбиться о его борт в щепки подобно своей менее везучей товарке, оставляя на произвол судьбы остальной экипаж. При этом несколько успевших выскочить на палубу матросов не добравших до спасательных шлюпок считанные метры от отчаяния принялись прыгать в воду, дабы вплавь добраться до кажущихся единственным шансом к спасению деревянных суденышек, но оказались отброшенными накатившей волной на борт корабля и мгновенно ушли под воду. Но даже тем счастливицам кому повезло найти место в спасательных средствах, оказалось не по силам бороться с разошедшейся стихией, не смотря на прилагаемые нечеловеческие усилия и трещащие от натуги весла. Очередная накатившая волна подхватила шестиметровый ял и кинула его прямо в борт развернувшегося броненосца. Пройдя над скрывшимся под волной бортом броненосца, шлюпка разлетелась вдребезги, столкнувшись с кормовой башней главного калибра. Возможно, кинь кто-нибудь взгляд на корму "Русалки" в этот момент и его вывернуло бы наизнанку от жуткого зрелища насаженных на ствол, закрепленных на башнях главного калибра, орудия противоминного калибра тел двух

матросов. Но пару последовавших следом волн мигом смыли малейшие упоминания о произошедшей трагедии, выскоблив корпус броненосной лодки до зеркального блеска.

Катер же, имея вдвое больше весел и изрядно мотивированных жутким зрелищем матросов налегавших на них, увлеченный той же волной смог проскочить в считанных сантиметрах перед носом броненосца и теперь три десятка находившихся в нем человек, неистово молясь, изо всех сил старались удержать катер по волне. Оставшаяся же на "Русалке" без малого сотня душ после отхода последней возможности на спасение оказалась предоставлена самим себе.

Понимая, что раненный старший офицер, который с большим трудом смог отвязаться от поручня, не в состоянии в одиночку вытащить из-под обломков мачты потерявшего сознание рулевого, командир все же оставил свое место на мостике и помог Протопопову вызволить матроса и стащить с заливаемого волнами открытого мостика вниз, где им удалось укрыться от сшибающих с ног волн за носовой башней главного калибра. Там уже прижимались к холодной броне двое матросов из артиллеристов с надеждой в глазах неотрывно следящих за двуцветным катером, который, преодолевая штормовые волны, сантиметр за сантиметром приближался к борту агонизирующего корабля.

С катера в очередной раз постарались добросить канат до броненосца, но сильная качка и ветер здорово сбивали направление его полета. Один раз канат даже лег на палубу "Русалки", но очередная волна сбила его обратно прямо из-под рук кинувшегося к канату матроса, едва не утянув моряка за борт. Лишь с четвертой попытки, когда броненосец вильнул на очередной волне и приблизился чуть ли не вплотную к лодке, вылетевший из ее нутра канат оказался достаточно близко к башне, где был тут же подхвачен двумя парами рук и принайтован к чудом сохранившемуся ограждению.

Стоило подтащить лодку к борту броненосца, как в ее распахнутый люк тут же нырнули первые матросы — из тех, кто помогал ее подтаскивать.

Следом, чудом удержавшись на ногах, офицеры едва успели передать в открытый люк потерявшего сознание рулевого, как сзади ударила очередная волна, буквально вбившая их вслед за рулевым внутрь катера. Сзади ударила зная попутчикаровало спасение. Судя по всему шторм и не думал утихать, так что шанс уцелеть был минимальным. дв

Прошло всего пара секунд, и не успевших оклематься от непредвиденного полета офицеров буквально протащило вглубь салона катера хлынувшей сзади волной матросов. Черные от угольной копоти с красными от раздражения глазами и пышущим от тела жаром кочегары, последние кто имел возможность спастись при гибели корабля, выглядели как черти из преисподней и в любое другое время могли напугать своим внешним видом кого угодно. Вот только здесь и сейчас у набившихся в катер людей имелось куда как больше дел, чем бояться выходцев из преисподней. В данный момент они испытывали настоящий животный трепет перед разбушевавшейся стихией и не желали отвлекаться на что-либо иное. Даже старавшийся держать себя все это время в руках Иениш, было смирившийся со скорой гибелью и оттого воспринимавший происходящее как последнюю возможность сделать лишний вздох или кинуть последний взгляд на небо, не смог побороть накативший страх, стоило только осознать себя в относительной безопасности.

Буквально влетевший в шлюпку последним лейтенант Бурхановский резанул по трещащему канату кортиком, отчего тот лопнул как натянутая струна, и невероятным образом изогнувшись, захлопнул люк, отрезая спасшихся от ударов стихии.

— Все покинули борт? — проорал чудом удерживающий сознание Иениш, обращаясь к

опалевшему от своих действий лейтенанту.

— Не могу знать, Виктор Христофорович! Я добрался до машинного, чтобы передать ваш приказ и сразу кинулся в кормовую башню. Но одно могу сказать точно — когда я выбрался на палубу за мной уже никого не оставалось. — едва успел прокричать тот в ответ, как был чуть ли не размазан по только что задраенному люку навалившейся толпой не удержавшихся на ногах моряков.

Последняя в жизни "Русалки" волна перевернула броненосную лодку вверх килем и та, зацепив краем мостика борт "Шмеля", попыталась утянуть катер под воду за компанию с полусотней оставшихся в ее бронированном нутре людьми.

Раскрашенный под пугающее насекомое катер на какие-то секунды накренился на левый борт и полностью скрылся под водой, но уже через мгновение выпрыгнул обратно, выравниваясь на киле подобно неваляшке. Рассчитанная некогда на тридцать человек, бывшая спасательная шлюпка, не смотря на значительную перестройку внутреннего пространства, смогла вместить двадцать восемь членов экипажа погибшего броненосца, но всего три человека придавленные товарищами к иллюминаторам смогли увидеть последние мгновения жизни их старого корабля. "Русалка" за считанные секунды скрылась под водой.

Еще три часа шторм испытывал на прочность "Шмеля", но тот показал себя с лучшей стороны, за что все его пассажиры готовы были молиться на создателей столь крепкой скорлупки. И даже холодная вода плескающаяся внутри катера и добирающаяся до середины голени не портила морякам настроение — они выжили в сущем аду, и это было главным. О будущих простудах никто и не думал, тем более что вычерпать воду из катера не представлялось возможным.

Проведением божьим спасшиеся люди, наплевав на все условности, жались друг к другу в попытке согреться, не взирая на должности и звания. Лишь потерявших сознание Иениша и рулевого Медведева постарались разместить с относительным комфортом, уложив их на единственную лежанку и накрыв шерстяным одеялом, которое, впрочем, довольно скоро промокло насквозь из-за непрекращающейся болтанки.

Воцарившаяся в лодке духота и сырость грозили превратить борт катера в натуральную парилку, если бы не прохладная вода плескающаяся под ногами. Тем не менее, скопившийся конденсат намертво закрывал обзор из небольших иллюминаторов и только Иван в ходовой рубке, постоянно протирая своей футболкой лобовое стекло, имел возможность наблюдать за не передаваемой смертельной красотой разыгравшейся стихии. Пару раз в крохотную ходовую рубку протискивался старший офицер броненосца, но, понимая, что ничем не может помочь их спасителю и дабы не отвлекать того от управления катером, которое, надо сказать, осуществлялось весьма необычно, капитан 2-го ранга Протопопов, лишь молча наблюдал и морально поддерживал заметно нервничающего Ивана. Причем зачастую он даже не мог сообразить, что именно делает их новый знакомый. Тот время от времени стучал ладонью и даже кулаком по непонятному прибору, светящемуся холодным синеватым светом, да ругался себе под нос, видимо от того, что наносимые удары не приводили к желаемому результату. Также, щелкая небольшими рычажками на очередном неизвестном устройстве, он подносил ко рту черную коробочку соединенную витым шнуром с этим самым прибором и раз за разом запрашивал помощь, повторяя непонятное сокращение из трех букв, как будто пытался дозвониться до кого-то, причем находясь в море!

— СОС, СОС. Меня кто-нибудь слышит? Катер "Шмель" запрашивает помощь. СОС СОС.

— Прошу простить меня, Иван. — вспомнив имя их спасителя, обратился к тому Протопопов, — Но что вы делаете?

— Как что? Сами что ли не видите? Пытаюсь вызвать помощь. Но, по всей видимости, рация накрылась медным тазом. Сколько я ни старался, так и не смог ни до кого докричаться. Сплошные шумы в эфире. Сами послушайте. — Иван крутанул на рации одну из ручек и в рубку ворвался непонятный шорох, какой капитану 2-го ранга прежде слышать не доводилось. — И так на всех каналах! — удрученно продолжил хозяин катера, — Вдобавок система ориентации вышла из строя. Нет сигнала связи со спутником. Так что я даже не представляю, куда забросил нас этот шторм. Хорошо хоть компас в порядке. Если в ближайшие десять минут не смогу ни до кого докричаться, возьму курс на юг — мимо прибалтийского побережья всяко не промажем. А уж там доберемся до какого-нибудь городка, да сообщим о случившемся полиции. Чем быстрее власти начнут спасательную операцию, тем больше шансов у ваших товарищей на спасение. — море уже начало заметно успокаиваться и потому стало возможным попытаться подойти к берегу и при этом не быть размазанными по прибрежным скалам.

— Да, да. Вы, несомненно, правы! Просто я никогда не сталкивался с подобным устройством. Это что-то новое? Кто-то сумел решить проблему передачи данных беспроводным методом, да еще соединив получившееся устройство с телефоном?

Недоуменно воззрившись на своего собеседника, Иван, наконец, смог как следует изучить его с ног до головы и закрыв глаза, потряс головой.

— Да не. Бред какой-то. — едва слышно пробурчал он себе под нос. — Точняк реконструкторы. — добавил он после недолгого размышления.

— Кстати, прошу прощения, я же так и не представился должным образом. Все же ситуация не располагала. — распрямившись, насколько это позволяла высота крохотной закрытой рубки, одернув все еще мокрый и оттого липнувший к телу китель, офицер слегка кивнул головой, щелкнув каблуками, отчего по переливающейся под ногами воде пошли круги и отрекомендовался, — Протопопов, Николай Николаевич. Капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота. Старший офицер броненосной лодки "Русалка".

— О-Очень приятно. — нервно сглотнул Иван и перекрестился. Подождав некоторое время и убедившись, что это не глюк, и человек представившийся офицером царского флота не исчез, Иван решил уточнить, — А не подскажете, Николай Николаевич, какое сегодня число?

— Седьмое сентября 1893 года.

— Вот как? 1893 год. — нервно усмехнувшись, повторил Иван, — А на моих часах. — он постучал пальцем по экрану ноутбука, к которому был присоединен GPS навигатор, — Седьмое сентября 2013 года. И насколько я знаю, броненосная лодка "Русалка" пропала без вести вместе со всем экипажем 120 лет назад. И обнаружили ее совершенно случайно лет десять назад — в 2003 году. Так что прошу перестать шутить, Николай Николаевич, если конечно это ваше настоящее имя, и сообщить мне кем вы являетесь на самом деле. Я все понимаю, шторм, стресс, катастрофа, гибель вашего судна и товарищей. Но не стоит столь сильно вживаться в выбранную для себя роль, как бы вы не любили исторические реконструкции. Все же ситуация не располагает к глупым шуткам.

— Не имею представления, о чем вы говорите, но я действительно Протопопов, Николай Николаевич, старший офицер броненосной лодки "Русалка". — растерялся офицер, не ожидавший услышать нечто подобное.

— Хорошо, хорошо. Как вам будет угодно. Только полицейским потом этого не говорите. Мне то все равно, а вас за подобные речи вежливые люди в белых халатах в один момент в желтый дом определяют. Глазом моргнуть не успеете.

— В желтый дом? — с каждым словом речь собеседника становилась все более непонятной для капитана 2-го ранга, но сумасшедшим тот не выглядел, хотя говорил о невероятных вещах.

— Ну да. В психиатрическую клинику. Если вы и дальше будете представляться человеком, пропавшим без вести 120 лет назад.

— А, по вашему мнению, сейчас 2013-й год? — стараясь не выдать мимикой или интонацией пренебрежение к явно психически больному человеку, поинтересовался Протопопов.

— Вообще-то да. — усмехнулся в ответ Иван. — И если вы не верите мне, то прошу удостовериться самостоятельно. — открыв на ноутбуке календарь, он повернул компьютер экраном к своему собеседнику, — Видите, техника врать не будет. 7-е сентября 2013 года. Три часа двенадцать минут. Еще бы связь со спутником была. Эх. Но, чего нет, того нет. Не надо было покупать GPS и рацию китайского производства. Первое плавание, а уже все вышло из строя.

— Что это? — пропустив мимо ушей все, что говорил ему собеседник, капитан 2-го ранга вперился взглядом в экран ноутбука.

— Ноутбук. Что же еще? — и видя не наигранное непонимание в глазах своего собеседника, принялся перечислять, — Портативный компьютер. Электронная вычислительная машина. Как вам еще то объяснить?

— Вычислительная машина? Что-то вроде механической вычислительной машины Холлерита или арифмометра Однера? Но к чему она здесь? На каких принципах работает? И вообще что она может доказать?

— Тяжелый случай. — глядя на своего собеседника, вздохнул Иван. — Вы, прошу прощения, из какой пещеры выбрались, Николай Николаевич? Даже самые малые дети в отдаленных африканских деревнях знают, что такое компьютер. А вы мне тут про какие-то арифмометры рассказываете. Я, конечно, человек не глупый и знаю, что такое арифмометр. Но подобные механические машины прекратили использовать еще пол века назад. Сейчас нечто подобное только в музеях и можно найти. Но мы что-то отвлеклись от темы. Сейчас на дворе 7-е сентября 2013 года. И это есть факт по той простой причине, что мне уже 30 лет, а родился я в 1983 году. Логично? Да и все это оборудование никак не могло быть произведено в 19 веке, поскольку технологии позволяющие изготовить их появятся не раньше второй половины 20 века. Так что давайте заканчивать этот фарс. Время поговорить у нас еще будет, а сейчас нам надо добраться до ближайшего берега. Кстати, как там остальные? Раненых нет?

— Многие сомлели от духоты. Наш командир и рулевой лежат без сознания. Рулевого оглушило обрушившейся мачтой. Мы ему обмотали голову относительно чистой рубахой и кровь вроде уже не идет. А командир весь последний год жаловался на постоянные головные боли и особенно сильно сдал в последнее время. Я и еще трое отделались ушибами. Остальные же просто промокли насквозь и оттого продрогли. Неплохо было бы проветрить салон, но открывать дверь без вашего дозволения я не рискнул. Кстати как там снаружи? Вроде болтанка стала тише.

— Вы правы. Шторм потихоньку стихает. А что касается проветривания, то как бы все

не заболели. — покачал головой Иван. — У меня ведь и предложить для согреву нечего. Разве что пара сменных рубах, если они еще не промокли. Да пара бутылок рижского бальзама. Полагаю, пара глотков не помешают сейчас никому.

— Никогда не слышал о подобном напитке, но если он поможет согреться, то конечно. — не стал спорить Протопопов, который и сам был не против опрокинуть стопку другую чего-нибудь покрепче.

— Сейчас все будет. — понятиливо кивнул Иван. Убрав газ и оставив двигатель работать на холостых оборотах, он вслед за Протопоповым пробрался из рубки в жилой отсек, где все же смог с трудом протиснуться к койке, в ящике под которой хранились все небогатые припасы. Правда, чтобы достать их, пришлось потревожить лежавших на ней людей, но те даже не очнулись, когда стоявшие рядом матросы приподняли лежанку.

Помимо сухой одежды, до которой вода так и не добралась и двух тут же пошедших по рукам бутылок, Иван вытащил аптечку и первым делом сменил эрзац повязку у пострадавшего рулевого на нечто более-менее достойное называться таковой. Следом растолкал Иениша и скормил ему пару таблеток аспирина. Еще с четверть часа ушло на обработку многочисленных ссадин у всех прочих собравшихся в лодке, благо запасов обеззараживающих средств, бинтов и пластырей в аптечке вполне хватало. Также, убедившись, что воды Балтики, наконец, уgomонились, Иван позволил ненадолго открыть оба люка "Шмеля". Ворвавшийся внутрь свежий прохладный воздух, буквально вдохнул жизнь в людей, уже пару часов как дышавших с немалым трудом. Однако, этот приятно охлаждающий освежающий ветерок вполне серьезно грозил подорвать здоровье моряков и потому через минуту под огорченные вздохи моряков оба люка были вновь задраены.

Еще через час катер, наконец, достиг берега и приткнулся к ближайшему небольшому галечному пляжу встреченному по пути вдоль побережья, недалеко от которого виднелись крыши домов. Стоило киллю катера заскрежетать по отполированным за миллионы лет набегавшими волнами камням, как из распахнувшихся люков с обоих бортов хлынул поток истерически смеющихся людей. Игнорируя изрядно холодную воду, матросы, поднимая тучи брызг и погружаясь в воду почти по грудь, один за другим покидали вытащившую их с того света скорлупку, и едва выбравшись, на берег, тут же падали на колени и со слезами на глазах припадали губами к твердой земле. Наверное, только тот, кто уже успел распрощаться с жизнью и чудесным образом умудрился уцелеть в морской катастрофе, мог понять какого это — просто стоять на земле. Какое это непередаваемое счастье.

— А вы что же не присоединитесь к своим знакомым? — обратился Иван к двум оставшимся на борту мужчинам, облаченным в форму капитанов 2-го ранга образца начала прошлого века.

— Невместно командирам показывать слабость перед нижними чинами. — ответил за обоих Протопопов.

— Да-а-а. — протянул Иван, — Видно, серьезно вас по голове приложило. Такое пережить, а все продолжать играть комедию с вживанием в роль царского офицера.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался недавно пришедший в себя Иениш все еще продолжавший занимать койку.

— И вы туда же? — ужаснулся Иван, — Только не говорите мне, что вы тоже капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота!

— Но это именно так. А вас чем-то не устраивает общество русских офицеров?

— Нет, что вы! Общество русских офицеров меня вполне устраивает. У меня много

бывших одноклассников стали офицерами, да и среди друзей имеются офицеры армии и полиции. Так что с этой стороны все в порядке. А вот общество не совсем адекватных людей мне не слишком импонирует. Вы уж не обижайтесь. — улыбнулся своим гостям Иван.

— И что же позволяет вам считать нас неадекватными? — чувствуя себя очень неплохо после принятых таблеток, продолжил интересоваться Иениш.

— Да хотя бы причисление себя к флоту исчезнувшему вместе со страной почти век назад. — пожал плечами Иван. — Я, конечно, слышал о реконструкторах, что время от времени обыгрывают сражения давно минувших войн и для того собирают те немногие сохранившиеся вещи и вооружение, в том числе оставшиеся с царских времен. Но, право слово, не стоило столь сильно вживаться в свою роль. Хотя, если вы не пожалели денег на постройку судна повторяющего очертание древнего броненосца, то я со своими советами, наверное, ни разу не к месту. Правда, то, что оно утонуло так же как и ее оригинал, заставляет задуматься о существовании злого рока. Это надо же! В точности повторить судьбу броненосца "Русалка"! В голове не укладывается! А я как раз вчера посещал мемориал возведенный в память об экипаже "Русалки", когда был в Таллине.

— Мемориал? — удивился Протопопов, — И где это такой город — Таллин? Никогда о таком не слышал.

— Ну да, мемориал. Тот самый, на котором высечены имена всех членов экипажа пропавших без вести вместе с броненосцем. А Таллин — это столица Эстонии, если вы запомнили, господа. Хотя в царские времена он, вроде, назывался Ревель. Но да кому я это рассказываю! Такие как вы должны знать о нем куда больше моего!

— А не могли бы вы описать, как он выглядит? — Иениш вновь взял разговор с их спасителем в свои руки.

— А чего там описывать? Давайте лучше фотографии покажу. — и начав пробираться обратно в рубку, Иван еле слышно пробормотал, — Может хоть они вам мозги прочистят.

Фотографии народ впечатлили. Фотографии народ поразили. Фотографии народ погрузили в ступор. Впрочем, как и сам цифровой фотоаппарат. А уж когда Иван случайно перелистнул дальше и нечаянно показал фотографии со своего отдыха, где он позировал на фоне огромного парома, следующие пол часа ему пришлось провести в качестве гида, рассказывая о том, что народ видел на каждой новой фотографии. Особенно сильно его новых знакомых впечатлили изредка попадавшиеся на заднем фоне автомобиля и девушки в бикини, то и дело мелькавшие на фотографиях сохранившихся в памяти со времен последнего отпуска. Никакого вуайеризма! Исключительно эстетическое наслаждение!

— А что такого? — невозмутимо ответил он на два вопросительных взгляда, обладатели которых к тому же могли похвастаться покрасневшими ушами. — Девушки то вон какие красивые! Грех было не заснять такую то красоту!

— Так значит то, что вы говорили мне, было правдой, и вы в самом деле попали к нам из 2013 года? Немыслимо! — глазами размером с блюдца уставился на Ивана старший офицер погибшего броненосца.

— Что? Как из 2013-го? — дернулся на кушетке Иениш, бывший не в курсе первой беседы Протопопова с их спасителем.

— Да хватит уже придуриваться! — наконец, не выдержал Иван. — Я, конечно, все понимаю. Гибель судна, друзей и знакомых — это, несомненно, немалый стресс! Но все должно быть в меру! И групповое помешательство в том числе! И вообще, если уж вы решили, что я провалился к вам из будущего, то рассмотрите еще и возможность того, что

это вы попали в 2013-й год! А теперь прошу меня извинить. Пойду, попробую опять вызвать спасателей. Может, рация все же соизволит заработать.

К величайшему сожалению Ивана железный ящик все так же продолжал выдавать лишь хрип вперемежку со скрежетом, а мобильный телефон и GPS-навигатор не могли поймать сеть. Оставалось надеяться, что сошедшие на берег матросы уже смогли добраться до местных жителей и вызвали помощь.

От занимательного слушания фонового шума, от которого уже начала побаливать голова, Ивана отвлек показавшийся в рубке Протопопов.

— Прошу прощения Иван, не знаю вашего отчества. — слегка смутился офицер

— Иванович. Да, да! Не надо на меня так смотреть! Я — Иванов Иван Иванович! Отец свое время пошутил, а я теперь всю жизнь мучаюсь. — пробурчал последние слова Иван.

— Я и не думал... — сказать, что же он не думал, Протопопов так и не смог, будучи не в силах подобрать слово, которое не обидело бы их спасителя, и потому просто повертел рукой, пытаясь изобразить жестом то, что именно он не думал.

— Ну, я так и понял. — хмыкнул в ответ Иван, полюбовавшись эволюциями кисти своего собеседника.

— Так вот, Иван Иванович. Не могли бы вы еще уделить нам толику вашего внимания? Один из матросов только что сообщил, что местные рыбаки приняли в дома всех выживших и теперь отогревают их всеми доступными средствами. К тому же староста послал гонца за полицейским. Так что рано или поздно, но помощь придет. А пока не могли бы вы утолить наше любопытство?

— Почему нет? — пожал плечами Иван. — Все лучше, чем слушать этот шум. — он кивнул на хрипящую рацию.

— Иван Иванович, как бы для вас это дико не звучало, но мы действительно офицеры Российского Императорского Флота. — дождавшись, когда их собеседник присядет на кушетку, взял слово Протопопов, заодно сообщая командиру как зовут их спасителя. — Я очень прошу вас дослушать нас до конца и только после этого делать выводы. — Дождавшись утвердительного кивка, капитан 2-го ранга продолжил, — Я не знаю, как вам доказать сие в настоящий момент. Все наше имущество и бумаги ушли на дно вместе с "Русалкой". Но стоит нам оказаться в ближайшем городе, как вы сами убедитесь, что сейчас на дворе 1893 год от рождества Христова. — переведя дух и переглянувшись с Иенишем, он продолжил, — В то же время мы готовы поверить, что вы попали к нам из будущего. Все те устройства и картинки, что вы продемонстрировали нам, в самом деле являются немислимыми. Но куда более интересным является информация о будущем. Не могли бы вы ознакомить нас хотя бы в общих чертах с тем, что может произойти вскоре. А также, почему вы упомянули, что Российская Империя перестала существовать.

Тяжело вздохнув, и внутренне поморщившись, Иван, тем не менее, решил, что уж лучше хоть о чем-то поговорить с его невольными гостями, чем тупо сидеть в тишине.

— Ну что же, я не очень силен в истории. Изучал, конечно, в школе и университете. Но не могу назвать себя большим специалистом.

— Может, озвучите хотя бы самые крупные события?

— Что же. Насколько я помню, в следующем году начнется война Японии с Китаем. Закончится она в 1895 году полным разгромом Китая. В том же 1895-ом императором России станет Николай II. Честно скажу, не помню, что и когда случится с Александром III но коронация последнего российского императора точно будет в 1895 году. В честь этого

события еще будет выпущен юбилейный серебряный рубль. Я это точно знаю, так как один мой знакомый нумизмат хвастал, что достал такой в идеальном состоянии. По 1896-му году не помню ничего. В 1897 году утонет броненосец "Гангут". Правда, обойдется без жертв. Все успеют покинуть тонущий корабль. В последующем году начнется Испано-Американская война. Американцы перетопят часть испанского флота и отберут у них какие-то колонии. Какие — точно не помню. В 1899 году начнется Англо-Бурская война, в результате которой Англия получит контроль над территорией содержащей огромные запасы золота и алмазов. В 1900 году в Китае произойдет так называемое "Боксерское восстание", когда китайцы попытаются выдворить из своей страны всех колонизаторов. Но сводные силы европейских стран, а также России и Японии, разобьют их довольно быстро. В 1903 году американцы, братья Райт, осуществят первый полет на аппарате тяжелее воздуха, что станет началом развития самолетостроения. А в начале 1904 года Япония незадолго до официального объявления войны нападет на нашу тихоокеанскую эскадру. Несколько броненосцев и крейсеров будут выведены из строя минными атаками и не потонут только потому что их успеют выбросить на мели. Затем Японцы запрут наш флот в Порт-Артуре и начнут высаживать десант, который разгромит все наши сухопутные части. Все попытки прорваться из Порт-Артура для соединения с подкреплением отправленным с Балтики провалятся. В результате, когда последние боеспособные корабли Балтийского флота после тяжелейшего перехода встретятся с японским флотом, произойдет самое позорное сражение в истории нашего флота. Несколько наших броненосцев и крейсеров будут потоплены, а остальные спустят флаги. Из всей эскадры останется лишь один легкий крейсер да пара эсминцев, которые смогут убежать от преследователей. После этого остатки тихоокеанской эскадры будут затоплены экипажами в Порт-Артуре и крепость сдастся.

— Как? — еле слышно выдавил из пересохшего горла Иениш. — Как такое могло произойти? Какие-то японцы громят наш флот! Да кто вообще слышал хоть что-нибудь о японском флоте! Один старый казематный броненосец, что чуть моложе нашей "Русалки" и десяток относительно современных крейсеров! Все остальное — сплошная рухлядь. Как они смогли одержать верх над нашим флотом!?

— Факторов на самом деле было много. Неудачные проекты наших кораблей. Дрянное качество их постройки. Не взрывающиеся снаряды. Отсутствие достаточного опыта у экипажей. Нехватка дальномеров. Скорая и трагическая гибель тех немногих адмиралов, что пытались сделать хоть что-нибудь. Но самое главное, наверное, то, что японцы годами готовились именно к войне с Россией. А мы, как всегда, делали вид, что служим. В результате десятки погибших кораблей и десятки тысяч павших солдат и моряков, а также полное политическое унижение как страны в целом, так и власти. Что, в конечном итоге, привело к настоящей трагедии.

— К настоящей трагедии? — изумился Иениш. — Да что может быть более страшным!?

— К примеру, гражданская война.

От последней фразы Ивана оба офицера вздрогнули как от удара током.

— Боже. — прошептал Иениш.

— Да вас же немедленно надо доставить к императору! — чуть ли не выкрикнул вскочивший со своего места Протопопов.

— Смеетесь? — воззрился на него Иван. — Даже если предположить, что я все таки провалился в прошлое, во что я не верю, то мне еще не надоело жить. Вы хоть представляете себе, что станет с человеком обладающим знанием будущего? — посмотрев на недоуменный

взгляд офицера, Иван тяжело вздохнул, — Да меня уже через час, как котенка, утопят в ближайшем озере, море или ведре — зависит от того, что окажется под рукой. Я ведь обладаю информацией о том, какие ошибки наделали сильные мира сего, и к каким трагическим результатам это привело. Если хорошо покопаться в памяти, я могу вспомнить, кто из министров или великих князей был шпионом того или иного государства. Кто кого собирается убить, кто планирует государственный переворот. Да и вообще... Одним словом, долго я не проживу. Да и император, возмись он вычищать авгиевы конюшни, тоже долго не протянет. Что-что, а убийство императоров — это наша национальная забава. Своей смертью разве что Петр Великий умер, да и тот в результате болезни. Всем остальным либо помогли, либо не мешали уйти.

— Да как вы можете такое говорить! — вновь вспыхнул Протопопов. — Чтобы кто-то поднял руку на императора!

— Совершенно спокойно. — сказал, как отрезал, Иван. — Ведь все это — древняя история. Архивы рассекретили. Информация была предоставлена населению. Изучай — не хочу.

— Вы сказали, что Никой II будет последним императором. Что с ним случится? — задавив тяжелым взглядом старшего офицера, готового взорваться очередным негодованием, поинтересовался Иениш.

— Расстреляют вместе со всей семьей. В подвале дома купца Епатьева. Если мне не изменяет память, произойдет это в Екатеринбурге. В 19 веке он назывался Царицын.

— Всех?

— Да. И жену и дочерей и единственного сына. Даже прислугу не пожалеют.

— А что же великие князья Георгий Александрович и Михаил Александрович?

— Это братья Николая II? — уточнил Иван, проигнорировав недовольно скорченные лица офицеров, услышавших подобное явно пренебрежительное обращение к членам царской семьи. — Если память не изменяет, Георгий умер от какой-то болезни задолго до революции. А Михаил отречется от престола вслед за братом, после чего также будет убит. Вроде солдаты подняли его на штыки. Или это они кого-то из генералов на штыки подняли? — задумчиво потер подбородок Иван, пытаясь припомнить прочитанное лет десять назад.

— Прошу прощения, Иван Иванович, но как офицер Российского Императорского Флота, я не могу не донести данную информацию до государя императора. — официальным тоном сообщил Иениш, сверля настороженным взглядом собеседника.

— Так доносите. — усмехнулся Иван. — Только обо мне попрошу не говорить ни слова. И когда будете доносить, советую удостовериться, что лишние уши вас не услышат. Вообще, советую общаться исключительно записками, после чего все их непременно сжечь. Так будет надежней. А после, сразу хватайте всю свою семью в охапку и бегите. Бегите в столь забытые богом края, где вас никто никогда не подумает даже искать. Или вы хотите подписать смертный приговор своей семье? — И тут неожиданно для всех Иван рассмеялся, — Ну надо же! Я всерьез рассуждаю о том, как выжить в прошлом, будто я поверил, что произошло перемещение во времени! До чего дошел!

Ошарашенный Иениш смотрел на сидевшего перед ним молодого человека и пытался собрать мечущиеся в голове мысли. С одной стороны долг перед императором и отечеством обязывал его немедленно скрутить их спасителя и в кратчайшие сроки доставить непосредственно к государю. С другой стороны, Иван Иванович был абсолютно прав.

Считать божьими агнцами сидящих в верхах людей было чрезмерно наивно. Даже на флоте гуляли такие интриги, что можно было диву даваться. Адмиральские погоны желал примерить каждый мичман. Но мичманов были тысячи, а адмиралов единицы. Вот и открывались год за годом не самые лучшие стороны многих знакомых офицеров, цепляющихся за возможности получить очередное звание и достойное назначение. До убийств конкурентов, конечно, не доходило. Во всяком случае, Иениш хотел в это верить. Все же каждый год не один морской офицер отходил в мир иной задолго до достижения старческого возраста. Но подсидеть или выставить дураком — могли, как бы не пытались замалчивать подобные случаи, дабы не выносить сор из избы. И если подобное творилось во флоте, то, что уж было говорить о масштабе всей империи, а то и мира! Тут уж точно не обладающие должным влиянием и связями люди были обречены, обладай они столь невероятными знаниями. И как правильно заметил их спаситель, даже императоры не были защищены от "несчастных случаев или смертельных заболеваний". Причем, если самого Иванова еще могли умудриться как-то сберечь, то всех успевших оказаться рядом с ним могла постигнуть незавидная участь. Все это он и высказал своим собеседникам, но только после того как лично задраил единственный остававшийся открытым люк.

— И что вы прикажете делать? Служить дальше как ни в чем не бывало и смотреть на то как гибнет родина? — все так же излишне эмоционально воскликнул Протопопов.

— Несомненно, нет, Николай Николаевич. Но, как правильно сказал Иван Иванович представь мы его как гостя из будущего, и наш спаситель может оказаться под ударом. Однако, имеющаяся у Ивана Ивановича информация, несомненно, должна быть доведена до его императорского величества. Может, у вас имеются какие-либо идеи как это организовать, не подставляя вас, Иван Иванович?

— Имеются. Но пока я не удостоверюсь, что действительно попал в прошлое, озвучивать их не стану, чтобы впоследствии не считать себя идиотом. А сейчас предлагаю вам сойти на берег вслед за остальными и позаботиться о своем здоровье. Все же в отличие от вас я уже переделался в сухое, и мои шансы заработать простуду куда как меньше ваших.

— Ваша правда, Иван Иванович. — согласно кивнул Иениш. — Вон, тот же капитан 2-го ранга Траубе, что должен был заменить меня в этом выходе, слег с сильнейшей простудой и хорошо, если не дойдет до воспаления легких.

— Да уж — последнее — верный смертный приговор. — поежился Протопопов и шмыгнул носом. — Было бы глупо спастись с гибнущего корабля и умереть дома в кровати от простуды. Не такая смерть должна быть у офицера военно-морского флота.

— Ничего страшного. — отмахнулся Иван и сходя в рубку, вернулся с ярко-красной сумкой аварийной судовой аптечки, — У меня тут и горчичники и капли для носа и анальгин есть. Если в деревне лекарств не найдется, у меня все равно на всех хватит. Будем бороться с вирусами на ранней стадии заболевания, чтобы не доводить до тяжелых случаев. Идемте, господа, как говорится — раньше сядем, раньше выйдем.

— Ну и шуточки у вас, Иван Иванович. — покачал головой Иениш, внутренне содрогнувшись, поскольку за потерю корабля и гибель большей части экипажа он вполне мог оказаться если не за решеткой, то в Сибири.

Деревенька оказалась совсем небольшой — полтора десятка весьма старых, но содержащихся в приличном состоянии домов образовывали единственную улицу. Командовавший размещением моряков лейтенант Бурхановский встретил начальство на подходе, выскочив из крайнего дома. Он уже успел сменить свою промокшую насквозь

форму на застиранную, но сухую и теплую деревенскую одежду, отчего испытывал явный дискомфорт. Особенно, давая рапорт в подобном виде.

— Господин капитан 2-го ранга, все спасшиеся распределены по двое на каждый дом. В настоящее время местные бабы пробуют их врачевать всем, что имеется, а мужики затапливают бани. Данный дом отведен вам и господину старшему офицеру. — лейтенант указал на дом старосты и неожиданно даже для самого себя чихнув, продолжил доклад, — Всего спасшихся двадцать восемь человек, включая вас. Вот список.

— Благодарю, Григорий Васильевич. А теперь приказываю вам идти отдыхать и лечиться. Наш спаситель, господин Иванов, выявил желание помочь и с врачеванием, поскольку имеет в наличии необходимые средства и начнет он, пожалуй, с вас.

Вид деревни и местных жителей с первого взгляда сильно поколебали уверенность Ивана в том, что он все же находится в своем времени. Домотканая одежда старых фасонов, отсутствие следов электричества, телевидения и даже радио. Даже привычного вездесущего мелкого мусора и того нигде не было! Ни бычка от сигарет, ни смятой пивной банки — вообще ничего. Да и убранство первого же посещенного им дома никак не соответствовало 21 веку, а вот 19-му вполне.

Тяжело вздохнув и чертыхнувшись про себя, он решил временно откинуть всякие мысли и принялся за оказание медицинской помощи. Помимо лейтенанта Бурхановского в доме оказался помощник старшего инженера-механика Лев, до последнего пытавшийся выжать из машины погибшего броненосца максимально возможную мощность. Вообще, то, что он сумел выбраться из самых низов "Русалки" было из разряда фантастики, но, тем не менее, он уцелел. Однако, долгое нахождение в холодной воде после жара машинного отделения не замедлило сказаться на здоровье и сейчас, укутанный сразу в несколько одеял, он заходился в сухом кашле. Впрочем, примерно в таком же состоянии оказались практически все моряки, за исключением пары особо сильных организмов, подкрепленных уже в деревне крепким самогоном.

Следующие три часа слились для Ивана в сплошной конвейер: померить температуру, наложить пару горчичников, предотвратить попытки их сорвать, закапать в хлюпающий нос капли и скормить таблетку анальгина. Некоторым помимо стандартного набора доставался разведенный в воде колдрекс или облегчающие откашливание средства.

День уже шел к закату, когда изрядно уставший Иван опустился на лавку перед тарелкой с исходящей паром наваристой ухой. Забыв обо всем на свете, он на пять минут погрузился в мир грез, пока тарелка не показала дно, а деревянная ложка не оказалась вылизана до блеска. Сытный суп не только заткнул ворчавший уже пару часов желудок, но и растекаясь приятным теплом по всему телу. Тут же захотелось прилечь куда-нибудь на часик-другой, но у судьбы в лице двух офицеров Российского Императорского Флота имелись совсем иные планы на выжатого морально и физически времяпроходимца.

— Иван Иванович, не уделите нам с Николаем Николаевичем еще толику вашего внимания? — обратился Иениш к начавшему клевать носом спасителю.

— Конечно. — тут же вскинулся Иван и растер лицо ладонями, чтобы прогнать сонливость. — Только не здесь. Сами понимаете, господа.

— Несомненно, Иван Иванович. Может, пройдем в баньку? Мы с Николаем Николаевичем уже успели оценить всю ее прелесть. Да и вам не мешало бы погреться. Все же вы тоже несколько часов вымокали в холодной балтийской воде, и лишь смена белья вряд ли может полностью уберечь от простуды. Хотя, ваши волшебные таблетки и порошки

буквально вдохнули в меня новую жизнь! Давно я себя столь легко не чувствовал.

— Банька — это хорошо! — тут же согласился Иван, — Только мне надо наведаться в катер за сменой белья и полотенцем. Заодно и аптечку в нем оставлю, чтобы под ногами не мешалась.

Взбодрившись пробежкой в холодной воде до катера и обратно, Иван буквально пулей влетел в небольшую потемневшую от времени баньку и со стоном наслаждения растянулся на лежаке. Дав Ивану минут пять просто погреться, офицеры проследовали в парилку следом ним.

— Вас веничком попарить, Иван Иванович?

— Если вам не трудно, Николай Николаевич.

— Ни в коей мере. — достав из бадьи замоченные веники, Протопопов стряс с них лишнюю воду на каменку, отчего баня мгновенно заполнилась приятно покусывающим паром, и принялся потихоньку нагонять тепло к спине и ногам Ивана, захлестывая его вениками от потолка.

— Знаете, господа, — нежась от окутавшего тело тепла, посмотрел на офицеров Иван, — походив по деревне, я готов поверить в тот факт, что на дворе отнюдь не мое время. Слишком многих вещей ставших привычными даже в самых глухих деревушках моего века я не смог найти здесь. И это сразу бросается в глаза. Посему я готов принять за данность свое попадание в 1893-й год. И, скажу честно, от этого мне становится страшно. Ведь это значит, что я потерял абсолютно все. Родители, родные и друзья, всё знакомое мне осталось где-то там — многие года вперед. Если, конечно, это самое будущее вместе со всем в нем сущим не исчезло в момент моего появления здесь.

— Отчего же оно должно было исчезнуть, Иван Иванович? — поинтересовался Иениш.

— Вы знаете, в будущем будет создано множество художественных произведений и фильмов на тему путешествий во времени.

— А фильмы это, простите, что такое? — уточнил раскрасневшийся от жара и махания вениками Протопопов.

— Сейчас это называется синематограф или кинематограф. Если он, конечно, уже существует. Я, честно признаться, не помню, когда именно появилась эта сфера развлечений.

— Не приходилось слышать ни о чем подобном. — покачал головой Иениш. — А что этот кинематограф из себя представляет?

— Если объяснять в двух словах, представьте себе, что каждое действие, к примеру, человека, было запечатлено на фотографии, а после десятки тысяч фотографий сложили вместе и начали перелистывать их с такой скоростью, что складывается впечатление реального действия.

— А! Понял! Что-то вроде волшебных панорам. Только они все рисованные, а не фотографические. Но все равно, занятное зрелище, стоит сказать.

— Занятное! — хмыкнул Иван, поняв, что именно его собеседник имеет в виду. — Интересно, что бы вы сказали про фильмы созданные в цвете и длящиеся несколько часов, при том, что картинка на экране выглядит в точности как реальность. А на экране в этот момент творят волшебство, сражаются многотысячные армии или сходятся в бою флоты.

— Это, должно быть, невероятное зрелище. — представив себе описанную картинку, согласился Иениш.

— Именно так и есть. — подтвердил Иван. — И вы сможете оценить хотя бы пару

подобных фильмов, поскольку они хранятся у меня на ноутбуке, и я смогу вам их продемонстрировать. Но это чуть позже. Возвращаясь же обратно к теме нашего разговора, могу сказать что фантасты, писавшие книги и сценарии, выдвигали огромное множество идей и версий взаимодействия прошлого и будущего в случае ситуации подобной моей. И мне очень хорошо запомнилось следующее — "Будущее не предопределено". То есть тот факт, что вы остались живы, уже изменил знакомый мне ход истории. В результате, может случиться так, что любой или каждый из тех, кому не суждено было выжить в моем прошлом, привнесут в реальность какое-либо действие или знание, что изменит ход истории. Вот, к примеру, вы, Виктор Христофорович. Оставшись в живых, вы сможете продолжить службу и к началу Русско-Японской войны иметь уже адмиральские погоны. Значит, вы сможете стать командующим одной из эскадр и не совершить ошибок тех, кто вел эскадры в бой в известной мне истории. Но можете совершить другие. В результате опять же выживут те, кто должен был умереть, а погибнут те, кто должен был выжить. Они в свою очередь совершат или не совершат того, что было в моем прошлом. И так далее. Принцип домино, понимаете? Был даже один такой фильм, назывался "Эффект бабочки". В нем группа ученых зарабатывала тем, что отправляла экскурсии в прошлое. На сотни тысяч лет назад — во времена динозавров. Они точно знали место, которое должно было быть уничтожено скорым взрывом вулкана и потому могли не бояться осуществлять в нем какие-либо действия. Но однажды один из туристов споткнулся и раздавил сидевшую на дереве бабочку. И это тут же стало отражаться на их времени. Ведь эта бабочка не должна была погибнуть в том извержении. Она должна была улететь и опылить цветок или росток. Этот росток должен был вырасти в дерево, которое, прожив многие века должно было, к примеру, сломаться от старости и упав, раздавить хищника за долю секунды до того как тот собирался разорвать свою жертву. Выживший зверь совершил еще что-то повлиявшее на течение истории. В результате, за тысячелетия накопилась такая волна изменений, что их настоящее начало меняться на глазах. Буквально ниоткуда принялись появляться неизвестные ранее растения и животные, принявшие уничтожать человечество. Представьте себе — погибла всего лишь одна маленькая бабочка, но в результате человечество едва не было полностью уничтожено! Естественно, в фильме доблестные ученые смогли вновь пробиться в прошлое и предотвратить гибель этой самой бабочки. Но вы то все не бабочки, а значит и ваше воздействие на мир будет куда масштабнее и быстрее отражаться в ходе мировой истории! Что уж говорить обо мне! Я ведь вообще могу перевернуть весь мир с ног на голову! Однако, тут вступает в конфликт тот простой факт, что если мы изменим известную мне историю, мои родители, а до них мои деды и бабки так и не встретятся и в результате я не появлюсь на свет. А если я не появлюсь на свет, как я смогу попасть в 7-е сентября 1893 года и спасти вас?

— Это же получается какой-то замкнутый круг. — спустя минуту размышлений выдал Иениш.

— Вот именно! Одно радует, я еще не начал исчезать, буквально растворяясь в воздухе, а значит, вселенная приняла факт моего появления в этом времени. Во всяком случае, хочется в это верить. — рассказывать же о сюжетах фильмов серии "Пункт назначения" он не стал, дабы не делать из людей параноиков.

— И что вы намерены делать?

— Наверное, осуществлять мечту всех книжных попаданцев, как авторы-фантасты у нас стали называть людей попавших в прошлое. Буду помогать родине в силу своих знаний и

возможностей.

— Весьма отрадно такое слышать, Иван Иванович. Но если вы не желаете раскрывать себя, как же вы сможете помочь?

— Я уже размышлял об этом и пришел к выводу, что смогу составить доклад для Александра III о шагах предпринимаемых Англией по постепенному ослаблению и дальнейшему разделу Российской Империи. Все же я обладаю рядом знаний, которые сейчас не известны, но могут быть проверены и подтверждены. И если сопоставить вместе несколько подобных примеров, картинка сможет сложиться в одно целое. Данный доклад я, к примеру, попрошу передать императору одного из вас, если у вас появится возможность попасть на аудиенцию к владельцу земли русской.

— Англия, конечно, постоянно пыталась давить на Россию. Стоит только вспомнить войны с Османской империей. Но отчего вы желаете выдать в качестве основного врага именно ее? Все же самая вероятная кандидатка в невесты наследника престола — внучка английской королевы.

— А это как раз один из тех факторов, что я упомяну в своем докладе. Заполучить подобного агента влияния — да это же мечта любой службы разведки! Кто, как не супруга будущего императора, сможет в конечном итоге влиять на принятие им тех или иных решений? А что касается вопроса — почему именно Англия. Так именно потому, что она как раз и осуществляет все то, что я буду описывать. Просто, в силу отсутствия у России должной службы разведки, данная информация не попадает на стол императора. А ведь Александр III один из немногих русских правителей, кто имел достаточно как личной, так и государственной силы, чтобы дать по рукам зарвавшимся островитянам.

— Иван Иванович, а когда вы сможете предоставить данный доклад и как вы его залегендируете. Сами понимаете, обвинения подобного масштаба — это не базарная клевета. Просто так на слово никто не поверит.

— Не поверит. — тут же согласился Иван. — Именно поэтому я собираюсь использовать знания из будущего о событиях, которые будут иметь место в скором будущем, чтобы убедить императора в правдивости изложенных в докладе сведений. Сам же назовусь, к примеру, вольным стрелком, которому в один не очень прекрасный день посчастливилось захватить дилижанс с сейфом, но внутри вместо ожидаемых звонких монет оказался архив какого-то англичанина. Большая часть бумаг из него были сожжены за ненадобностью в костре вместо дров, а вот папка с надписью "Россия" оказалась в моих руках, поскольку, будучи русским по рождению, я решил поинтересоваться ее содержимым.

— Но ведь в таком случае данная папка должна была оказаться у вас на руках. — Протопопов тут же указал на самую видимую брешь в плане собеседника.

— К сожалению, сама папка и все бумаги оказались уничтожены во время произошедшего шторма. Попавшая в катер вода размывала чернила и превратила бесценную папку в комок никому ненужной расплывающейся бумаги. Так что информация сохранилась только здесь. — Иван постучал себя пальцем по лбу. — Надеюсь, ваша честь офицеров позволит вам донести до императора правдивую информацию именно в подобном ключе, не вдаваясь в детали моего происхождения?

— Но в таком случае как же представлять вас?

— Голым, с шашкой в руке и верхом на белом коне! — не сдержался Иван от бородатой шутки и от души рассмеялся, увидев полное недоумения лицо старшего офицера. — Шутка! Ха-ха-ха-ха! Расслабьтесь, Николай Николаевич.

— Ну и шуточки у вас, Иван Иванович. — покачал головой Протопопов и тяжело вздохнув, отложил веники. — С вашего позволения, я немного передохну. А то упарился.

— Конечно, Николай Николаевич. Честно говоря, вы и меня совсем упарили. — усмехнулся Иван.

— Но чем же вы намерены заняться? — вопросительно уставился на собеседника Иениш.

— Если говорить о ближайшем времени — добычей первоначального капитала. И я рассчитываю на вашу всемерную помощь и поддержку, господа. Тем более что я вполне готов поделить по справедливости.

— И чем же именно вы готовы поделиться, Иван Иванович? Несметными древними сокровищами, которые намерены отыскать? — рассмеялся Протопопов, и чуть было не подавился, услышав ответ.

— В точку, Николай Николаевич! Вам ведь, насколько я понимаю, не удалось заработать несметных богатств во время службы? Так может я смогу помочь вам немного в данном деле? — В ответ на вопросительный взгляд офицеров, Иван, устроившись поудобнее, продолжил, — Помните, я рассказывал вам про ноутбук?

— Ваш портативный компьютер, как вы его еще обозвали. — уточнил Иениш.

— Совершенно верно. Так вот, в этой черной коробочке находится масса информации, Виктор Христофорович. К сожалению, немалая ее часть является неактуальной, в виду времени, в котором мы с вами живем. Но, тем не менее, и для нас имеется кое-что интересное. В свое время при подготовке к плаванию мне удалось раздобыть так называемый атлас погибших кораблей. В двух словах — это карта Балтики с указанием точных координат лежащих на дне кораблей, что были когда-либо обнаружены. — Убедившись, что ему удалось заинтересовать собеседников, Иван продолжил, — Как я уже говорил, большая часть данной информации для нас не актуальна, поскольку многие из указанных судов и кораблей еще не утонули, а то и не построены. Но и для нас имеются несколько очень любопытных объектов. Подскажите, на какой глубине могут работать водолазы в нынешние времена?

— Пятьдесят метров — максимум. И то, опускаться на подобную глубину весьма нежелательно. Есть, конечно, индивидуумы способные на большее, но подавляющая часть ниже спуститься не смогут.

— Этого вполне хватит. — удовлетворенно кивнул Иван. — Я еще раз проверю имеющуюся информацию, и может смогу найти еще что-нибудь интересное. Но как минимум одно судно лежащее на глубине в 40 метров ждет не дождет новых хозяев его сокровищ. Поэтому, Виктор Христофорович, Николай Николаевич, для вас будет первое партийное задание — раздобыть водолаза, а лучше двух со всем необходимым снаряжением, самого грамотного штурмана, пару небольших паровых судов и набраться терпения. Будем искать сокровища погибших кораблей!

— Значит, у вас имеются координаты, по которым на дне лежат корабли с сокровищами. — поглаживая растрепавшуюся бородку, задумчиво произнес Иениш, — Это весьма интересно!

— Да! Пусть там и не залежи золота с бриллиантами. Но нам должно хватить.

— Вы так говорите, будто знаете, что именно в трюмах этих кораблей.

— Примерно знаю про груз одного судна. — в улыбке змея искусителя расплылся Иван. — Имущество императорской фамилии, что так и не доплыло до нового владельца еще

во времена Екатерины II. Как вы полагаете, если вдруг на рынке появятся сокровища, исчезнувшие в морской пучине более века назад, у нас возникнут проблемы с императорской семьей?

— Ну и вопросы вы задаете, Иван Иванович. — покачал головой Иениш. — Не поверенного я не учился и потому не имею ни малейшего представления о принадлежности кладов подобного рода. Хотя, с другой стороны, право нашедшего бесхозный корабль в международных водах на само судно и весь его груз пока еще никто не отменял. В случае же с территориальными водами, нашедший может рассчитывать на половину. Но тут не абы какой купчина. Тут императорская семья! А потому привычные правила в данной ситуации неуместны.

— Ну да, ну да. Мы все равны, но кое-кто все же равнее. — усмехнулся Иван. — Эта истина не потеряет актуальности никогда. С другой стороны, даже если император повелит вернуть сокровища его семье, он вряд ли откажет нашедшим в достойном вознаграждении. Во всяком случае, хочется на подобное рассчитывать.

— Честь императорской фамилии превыше презренного металла. — пробурчал со своего места упаренный Протопопов.

— Ага. То-то большая часть великих князей за звонкие монеты, отчеканенные из этого самого презренного металла, готовы активно сотрудничать с разведками иностранных государств или разворовывать богатства родины. И это факт, господа!

— Ох, Иван Иванович, будь на вашем месте кто другой, я бы уже приложил такого наглеца кулаком. — осуждающе покачал головой Иениш.

— Ну, мараться о меня целому капитану 2-го ранга никак не стоит. — усмехнулся Иван, — Все равно никакого пиетета перед императорской фамилией я не испытываю. Как бы дико для вас это ни звучало. Хотя, как человека, нынешнего императора я уважаю. Все же на фоне остальных он далеко не худший из правителей нашего многострадального отечества.

— Потому и не бью. — улыбнулся в ответ Иениш. — Ведь это не ваше непосредственное пренебрежение к достойным людям, а результат воспитания в иные времена и при иных правителях.

— Может и так. — не стал спорить Иван. — Но вернемся к нашим сокровищам. Сможете достать все необходимое?

— В ближайшее время нас ожидает разбирательство по поводу гибели "Русалки" и возможно, суд. Так что непосредственно находиться рядом с вами мы вряд ли сможем. Однако, у меня имеется немало знакомых и потому водолазное снаряжение мы совершенно спокойно сможем позаимствовать в Кронштадтской водолазной школе, вместе с обслуживающим персоналом. Но в подобном случае они рано или поздно узнают, что мы обнаружили.

— А если пообещаем поделиться? — потеряв подбородок, уточнил Иван. — Все же одних водолазов будет недостаточно. Мало ведь будет найти судно, его еще потом вскрывать и очищать трюм от песка и ила, что скопились внутри за столетия. Понадобятся насосы, кран, лебедки. Много чего!

— В принципе, все перечисленное у них имеется. Единственной проблемой является отсутствие судна. А договориться проводить учебные погружения водолазов в интересующем нас квадрате вполне возможно. Но делиться придется. Причем со многими.

— Со многими — это скверно. Самим бы хватило. — пробурчал Иван. — К тому же нам пока и делиться-то нечем. Сперва, надо найти само судно.

— Ну, координаты у вас имеются. Глубину знаете?

— Сорок один метр.

— И глубина известна. Остается протралить этот участок моря и все.

— А у вас уже и тралы имеются? Просто историей развития минного вооружения я не интересовался и не в курсе развития средств борьбы с минами.

— А чего там сложного? — пожал плечами Иениш, — Между двумя судами протягивается длинный трос, утяжеленный посередине свинцовыми грузами и неспешно буксируется вслед за идущими параллельно судами. Если какой объект на дне будет, трос непременно за него зацепится.

— Н-да, такими методами мы провозимся не один год. К счастью у меня имеется куда более совершенное средство обнаружения подводных объектов. Покупал для рыбалки, но и для поиска затонувших кораблей он должен сгодиться. Во всяком случае, производитель гарантировал четкую картинку на глубинах до трехсот метров. Правда, в пресной воде. Но будем надеяться, что на сотню метров вглубь Балтики он тоже достанет. Все же вода здесь не сильно соленая.

— И что же это за средство такое интересное?

— Называется — эхолот. Он посылает в воду звуковой сигнал, и когда тот отражается от дна, ловит его и на основе расчета времени отсылки и приема сигнала на основании данных по распространению звуковой волны в воде, выводит на экран все встреченные на пути звуковой волны объекты. Правда, аппарат у меня совсем небольшой. Отец у меня с удочкой всегда любил посидеть, вот для него и брал. Так что обследуемый участок тоже не сильно широким будет. Но, на мой взгляд, это все же лучше предложенного вами способа. Единственная проблема в том, что для его работы нужно электричество определенного напряжения и силы тока, которое в настоящее время можно получить только на моем катере. Вот только в силу особенностей моего катера, мы вряд ли сможем использовать его в поисковых работах — его топливные баки отнюдь не бездонны и как минимум треть я уже потратил. А дизельное топливо еще вряд ли известно.

— Я о таком топливе и не слышал. Что оно из себя представляет?

— Это относительно тяжелые фракции оставшиеся после переработки нефти и выделения из нее бензина и керосина. Но все же более легкие, нежели битум. К тому же там еще целый цикл очистки требуется, чтобы не засорять двигатель и топливопровод всяким шлаком.

— Керосин и бензин — вещи известные. А вот про остальное не слышал. Видимо, действительно еще не изобрели. — подтвердил догадку Ивана Протопопов. — А если ваш катер буксировать за пароходом?

— Это можно. — кивнул Иван. — Топливо, конечно, будет расходоваться при зарядке батарей того же эхолота, но не столь сильно как при поддержании самостоятельного хода.

— Значит, понадобится нанять два парохода. Или пароход и паровой катер. — подвел черту под коротким рассуждением Иениш. — Аренда небольшой паровой яхты на месяц встанет рублей в триста. Снаряжение одолжим в водолазной школе. А водолаз у нас и свой имеется. Один из спасенных вами матросов как раз был водолазом на "Русалке". Полагаю, ни заработать лишний червонец, ни отблагодарить своего спасителя он не откажется. Что касается финансирования, то тысяча рублей у меня найдется, так что с наймом судов проблем встать не должно.

— Я тоже смогу предоставить четыреста рублей. — подтвердил Протопопов. — К

сожалению, большими накоплениями не располагаю.

— Ну а с меня только информация. — развел руками Иван, — Поскольку все мои невеликие финансы сейчас не стоят ровным счетом ничего. Таких денег еще в природе не существует.

— Ничего страшного, Иван Иванович. Ваш вклад в любом случае наиболее ценен.

— Ну и отлично! А теперь давайте ка обсудим, на чем еще мы сможем заработать, чтобы успеть подготовиться к грядущей войне с Японией. Все же такой шанс дать по носу Англии и при этом изрядно подзаработать упускать нельзя!

— И на чем вы собираетесь зарабатывать в грядущей войне?

— Конечно же, на старом добром каперстве! Вы хоть представляете себе, сколько судов и грузов мы сможем прибрать к рукам за полтора года войны, если успеем подготовить небольшую эскадру каперов? Это же миллионы фунтов стерлингов! Ну и, естественно, помощь нашим войскам. Куда уж без этого. Главное, успеть построить достаточное количество небольших и быстроходных кораблей, а также озаботиться базой и рынком сбыта. А потому, уже сейчас наш путь должен лежать в Азиатско-Тихоокеанский регион! Кстати, вы не в курсе, что сейчас творится на Курилах и Сахалине?...

Затянувшийся на долгие часы разговор был прерван старостой, сообщившим их благородиям о прибытии полицейского. Но поскольку солнце уже давно скрылось за горизонтом, а со свечами и керосиновыми лампами в деревне было туго, все разбирательства было решено оставить до утра. Тем более что полицейский, получив подтверждение от офицеров, что в деревне расположились на постой спасшиеся с утонувшего броненосца матросы Российского Императорского Флота, обещал появиться с утра в более представительной компании.

Естественно, всю ночь Иван провел в беседе с Иенишем и Протопоповым. Слишком многое следовало успеть обсудить до появления нежелательных свидетелей. На сей раз в качестве укромного места был выбран стоявший на якоре "Шмель". Правда, всем опять пришлось промочить ноги, но, оказавшись на борту, переговорщики растерли их прихваченным самогоном и замотали свежими портянками, так что о холоде можно было не беспокоиться. И только разбухшая от влаги деревянная обшивка салона источала неприятный запах, но на него перестали обращать какое-либо внимание довольно скоро.

Лишь когда стрелки на часах засвидетельствовали наступление половины десятого утра 8-го сентября, к деревне подкатила целая кавалькада из телег и кибиток, сопровождаемая двумя десятками конных. Иван не разбирался в существующих типах войск, но Протопопов, кинув один лишь мимолетный взгляд, авторитетно заявил, что это драгуны.

Наблюдая за тем как разодетые в вековой давности костюмы и мундиры многочисленные члены прибывшей делегации мгновенно разбрелись по деревне, а частью направились к пляжу, в сопровождении спешившегося эскорта, Иван чертыхнулся про себя и повернувшись к все еще находящимся на борту офицерам, — Похоже, пора заканчивать наш затянувшийся разговор?

Пробравшись к люку и бросив быстрый взгляд на берег, Иениш устало кивнул, — Да, дорогой наш Иван Иванович.

— В таком случае, не стоит затягивать с прощанием. Где меня искать вы знаете. Сами составляли все инструкции. Так что, ни пуха вам, ни пера и до скорой встречи, господа.

— К черту, Иван Иванович. — первым крепко пожал протянутую руку Протопопов и закатав штанины, прыгнул из люка в воду.

— До встречи, Иван Иванович. — последовал примеру старшего офицера Иениш, — Я не знаю, как скоро смогу быть свободным в перемещениях после всего произошедшего, но как только появится возможность, непременно тут же приеду к вам. А до тех пор следуйте утвержденному плану. И верьте, ни я, ни Николай Николаевич не выдадим вашей тайны. Клянусь честью!

Махнув на прощание рукой, Иван задраил люк и, пробравшись в рубку, довольно споро отчалил от берега. Кинув напоследок взгляд на пляж, он хорошо рассмотрел, как собравшиеся на нем люди принялись размахивать руками, стараясь привлечь его внимание, а вышедший из воды Иениш отдал ему честь и тут же поспешил обуться, дабы не застудить ноги — впереди имелось немало неотложных дел и валяться в кровати с простудой он себе позволить никак не мог.

Глава 2

Сокровища погибших кораблей

Весть о гибели броненосца вызвало натуральную бурю в обществе. Два месяца со страниц газет не сходили материалы о "Русалке" и ее жертвах. Публиковались некрологи со сведениями о погибших. Выдвигалась инициатива подготовить брошюры с портретами офицеров и нижних чинов, чтобы вырученные деньги направить их семьям. Гибель броненосца стала наиболее обсуждаемой темой года и потому привлекла к себе немало внимания. И все без исключения газеты задавались одним и тем же вопросом — по какой причине герой, сумевший вырвать из рук смерти немногих счастливых из экипажа погибшего броненосца, скрылся и не дал о себе знать даже после опубликования информации о назначении немалой денежной награды. Каких только предположений не высказывалось по этому поводу. И то, что он мог быть контрабандистом, и то, что в спасении участвовало какое-то новое секретное военное судно с секретным двигателем, поскольку кто-то из матросов обратил внимание на отсутствие в лодке паровой машины. Но, более всех остальных общавшиеся с решившим остаться неизвестным героем офицеры "Русалки" хранили гробовое молчание на любой вопрос о личности героя.

Одновременно с неумолкающими газетчиками по старой русской традиции принялись искать виновных в гибели корабля и большей части экипажа. Так военно-морской суд, собранный по прямому указу Александра III, разбиравший в октябре 1893 года "Дело о гибели броненосца береговой обороны "Русалка"", признал командовавшего учебно-артиллерийским отрядом контр-адмирала Бурачека виновным в том, что все распоряжения по совместному плаванию броненосца "Русалка" и канонерской лодки "Туча" он сделал не лично, а через своего флаг-капитана, также в вину ему вменяли недостаточную осторожность в выборе погоды отправления кораблей в поход, а также противозаконное бездействие власти и слабый надзор за подчиненными. Но отделался он довольно легко — объявлением выговора в приказе. Иениша обвиняли в том, что он вышел в поход, будучи изрядно больным, что привело к невозможности полноценного командования вверенным ему кораблем. Спасло капитана 2-го ранга только то, что он заранее подавал рапорт с просьбой заменить его, но единственно возможный сменщик сам слег в кровать с тяжелым заболеванием, не оставив Иенишу иного выхода. Так что по распоряжению императора Виктор Христофорович получил следующий чин, не выплаванный ценз и был

выпнут в отставку по состоянию здоровья. Командира канонерской лодки "Туча", капитана 2-го ранга, Лушкова обвиняли в оставлении своего флагмана в условиях плохой видимости и в назидание остальным сняли с должности командира корабля, а после отрешили от должности с потерей прав службою приобретенных, без права в течение трех лет вновь поступать на службу. Хорошо еще что чин, ордена и другие знаки отличия ему сохранили. Одним словом, макнули многих лицом в грязь, но, дабы не выносить сор из избы, следственная комиссия в своем окончательном выводе отнесла погодные условия к основным причинам гибели броненосца наравне с конструктивными особенностями и возрастом корабля.

Правительство распорядилось выдать вдовам и детям погибших моряков полную пенсию по первому разряду раненых. Месячная пенсия вдовам офицеров устанавливалась в 500 руб., матросов — 60 руб., детям-сиротам по 150 и 40 руб. соответственно. Добровольные пожертвования шли отдельно под надзором специального комитета. На этом официальная часть и закончилась.

Однотипную с "Русалкой" броненосную лодку "Чародейка" проверили на техническую годность и убедившись, что корабль в относительном порядке, не стали исключать из списков флота по причине острой нехватки даже учебных кораблей, тем более что в этом году погиб на камнях броненосный фрегат "Витязь" и были списаны четыре последних деревянных парусно-винтовых корвета, а количество офицеров достигших звания, с которым уже было необходимо занимать должности на кораблях 2-го ранга только возросло. К тому же, в строю все еще оставались куда более старые и менее мореходные мониторы, списание которых могло поставить крест на карьере многих офицеров, не смотря на околонулевую боевую ценность данных плавающих раритетов. Протопопова и всех остальных спасшихся перевели во флотский экипаж, после чего и сдали дело в архив.

Одновременно с судебными разбирательствами были организованы поисковые работы. Старший офицер "Русалки" смог определить примерные координаты гибели корабля и в означенном районе вскоре появилось не менее десятка кораблей Балтийского флота, принявшихся протраливать дно в надежде зацепить ушедший под воду броненосец. Знай они, что "Русалка" упокоилась на недостигаемой в нынешние времена глубине в 74 метра, поиски, несомненно, были бы окончены во избежание трат средств, которых как во все времена и так не хватало. Но, единственный располагающий данной информацией человек в это время был слишком занят, чтобы докучать своими советами господам офицерам Российского Императорского Флота, тем более что выслушать его согласились бы разве что трое из них, непосредственно обязанных ему своими жизнями.

Три дня прождал Иван в указанной Иенишем небольшой бухте. Немногочисленные продукты закончились уже на второй, и потому старого отставного моряка принесшего помимо весточки от Иениша корзину с нехитрой снедью он встретил хоть и настороженно, но с радостью. Да и натянутые струной нервы отпустило — все же капитан 2-го ранга не стал сдавать его никому и сейчас его не вязали жандармы, а угощали еще теплым черным хлебом, копченой рыбой да вареными яйцами под домашний квас.

Старик ушел из флота по выслуге лет вслед за своим последним командиром, давним другом отца Иениша, у которого служил деньщиком, да так и остался у того в услужении.

— Чудная у вас лодка, вашбродь. — поцокал языком старый моряк, осматривая небогатое убранство "Шмеля". — Ни парусов, ни весел не видно. Паровой машины тоже не видать. Как ходить-то на ней?

— Да какое я благородие, Степан Архипыч. — отмахнулся, чуть ли не давящийся ароматным деревенским хлебом Иван, — Так, голь перекатная. Из всего имущества только этот катер и остался. Да и дворян в своих предках не припоминаю. Иваном кличте, не обижусь. А что касается машины, то имеется такая. Новейшая разработка! Потребляет жидкое топливо взамен угля и не требует пара для работы.

— Чего только не придумают. — вновь цокнул языком старик. — Я когда службу начинал, пароход дивом дивным казался, а теперяча куда ни глянь, только трубы дымят. Парусов все меньше и меньше на горизонте видно. Бывает так, придешь в порт или прогуливаешься по набережной, дабы на море одним глазком глянуть, а ни одного паруса не видать. Только гарь гроздьями висит.

— Время идет. Техника развивается. — пожал плечами Иван. — Кто знает, что будет лет через пятьдесят? Может люди уже на летучих кораблях ходить по небу будут.

— Это как же? Как птицы? — удивился моряк.

— Не думаю что столь элегантно. — усмехнулся Иван, — Но явно быстрее.

— Хотелось бы увидеть. — мечтательно улыбнулся старик.

— Может и сподобимся.

— Хотелось бы. — вновь вздохнул старик и с кряхтением поднялся на ноги. — Подсоби ка мне, Ваня, с яхты твоей сойти. Дряхлый я стал, чтобы по люкам таким ползать. Это в юности я мог по реям, как мартышка африканская, скакать, а сейчас не каждая прогулка с легкостью дается.

Низкосидящий "Шмель" во время отлива ложился на усеянное галькой дно, потому Иван спустил кормильца на не успевшие просохнуть камни, протянув следом опустошенную корзину.

— Ты, Ваня, завтра меня не жди. Только послезавтра вновь наведаюсь. Как раз твой проводник прибыть должен.

— Хорошо бы. — поежился Иван, — А то я тут уже все, что можно, в костре спалил. Ночью так вообще холод до костей пробирает.

— Ну ничего. Сейчас кистью поработаешь и согреешься. — каркаяще рассмеялся моряк. — Работы, конечно, не много. Но хоть какое-то разнообразие.

Кинув взгляд на сгруженные с телеги бочонки с белилами и три грубых кисти, он лишь кивнул. Забавная раскраска под шмеля показалась слишком весомой уликой, по которой его могли найти и потому прежде чем вести катер в какой-либо порт, сперва, требовалось привести внешний вид "Шмеля" в менее привлекающий взгляды. С той же целью была привезена сколоченная на скорую руку прямоугольная конструкция, призванная имитировать дымовую трубу после окраски и крепления на выступающей рубке катера. К сожалению, заказать изготовление округлого муляжа из стали за столь короткий срок не представлялось возможным.

Начав с днища, чтобы дать белилам хоть какое-то время подсохнуть до начала прилива, Иван, заляпанный краской с ног до головы, закончил с работой лишь к полудню 12-го сентября. Еще через пять часов в бухту, пыхтя высокой дымовой трубой, вполз небольшой паровой катер, на носу которого восседал Степан Архипыч.

Иван, не имея на катере кормовых люков, прозевал этот момент и когда в борт постучали, приложился головой о фанерную панель потолка, дернувшись от неожиданности. Лишь донесшийся снаружи знакомый голос успокоил готовое выпрыгнуть из груди сердце.

— Ваня, ты внутри?

— Да, Степан Архипыч. Сейчас выйду. — подскочив с лежанки, Иван высунулся в приоткрытый люк и тут же уперся взглядом в покачивающийся у кормы "Шмеля" паровой катер. Помимо уже знакомого деда на нем находились еще трое: бородатый рулевой, чумазый от угольной пыли кочегар и к величайшему изумлению Ивана — статная дама. Катер не мог подойти ближе, чтобы не сесть на камни и потому пришлось кидать на него швартовый трос, чтобы тот сдернул "Шмеля" с камней, благо из-за начавшегося прилива на камнях покоился только нос.

Многочисленные потуги стащить "Шмеля" увенчались успехом только через час, когда прилив еще немного приподнял его над дном. Угрюмо запыхтев, паровой катер в сгущающихся сумерках на четырех-пяти узлах принялся буксировать "Шмеля" в сторону Ревеля, но через полтора часа пристал к обветшалому деревянному причалу у небольшой рыбацкой деревушки.

Перебравшийся с катера на пристань старик, принял брошенный Иваном линь и одним забитым в мышечную память движением привязал его к деревянной тумбе. Зафиксировав "Шмель", он бросился обратно к паровому катеру и помог сойти на причал даме, после чего, бурча себе под нос, долго отсчитывал заскоружлым пальцем засаленные мятые рубли так же бурчащему рулевому. Стоило священнодействию расчета окончиться, как катер, более не задерживаясь, дал ход и поднял дальше в сторону Ревеля.

— Здравствуйте, дорогой Иван Иванович. — к мнущемуся у люка "Шмеля" Ивану подошла сошедшая с катера дама. — Меня зовут Иениш, Мария Алексеевна, супруга Виктора Христофоровича. — сделав книксен, она тепло улыбнулась ему и протянула затянутую в белоснежную перчатку руку.

Слегка приложившись к руке, как это показывали в фильмах, Иван представился в ответ, не смотря на то, что дама уже знала его имя и отчество, — Иванов, Иван Иванович — просто хороший человек.

Показав доброжелательной улыбкой, что оценила шутку, Мария Алексеевна слегка покачала головой, — Вы себя недооцениваете, Иван Иванович. Для моей семьи, вы не просто хороший человек, вы ангел-хранитель, что присмотрел за моим дорогим супругом в момент крайней нужды. И за сие я и наш сын будем обязаны вам по гроб жизни. Мой супруг просил оказать вам всю возможную поддержку до тех пор, пока будет идти разбирательство по факту гибели "Русалки", и пока он сам не сможет нанести вам визит. К сожалению, мои возможности не сильно велики, но будьте уверены, всем, что окажется нашей семье по силам, мы вам поможем.

— Благодарю, Мария Алексеевна. Приятно осознавать, что здесь и сейчас мне есть на кого надеяться. Я полагаю, Виктор Христофорович сообщил вам, что в силу ряда причин я не имею возможности стать публичным лицом. Да и мое нахождение на территории Российской Империи временно не следует афишировать.

— Да, супруг особенно упирал на тот факт, что самостоятельно вы не имеете возможность действовать или показываться где бы то ни было под своим истинным видом. Правда, не означил причины подобной необходимости. Однако, я прекрасно понимаю, что у флота имеются свои тайны, которые не следует знать никому лишнему.

— Пусть оно именно так и остается, Мария Алексеевна. Хотя бы в течение месяца.

— Можете полностью на меня рассчитывать, Иван Иванович. Нигде и никому я не пророню ни слова о вашей персоне.

— Степан Архипыч, на ваше молчание я тоже рассчитываю.

— Что же мы, не разумеем? Тайна, она и есть тайна, чтоб никто о ней не ведал.

— Благодарю вас обоих за понимание. — слегка склонил голову Иван. — А теперь, если не возражаете, к делу. Сперва, требуется скрыть данный катер от лишних глаз. И желательно вообще вытащить его на берег и запереть в сарае. Степан Архипыч, полагаю, что данный вопрос именно по вашей части.

— Это можно. — кивнул отставной моряк. — Здесь же и можем оставить. — он махнул рукой в сторону берега, где на покрытом водорослями песчаном пляже притулились семь рыбачьих баркасов. — Деревенька тут тихая. Лишних никого не бывает. Тут моей сестры семья живет, так что будет кому присмотреть за вашим катером. А вот что с сараем делать, даже и не знаю. Ежели строить, то рублей пятнадцать только на доски потребуется. Плюс работа. А у нее семья и так немалая. Каждая копейка на счету. — как бы извиняясь, развел руками старик.

— Не беспокойтесь, Степан Архипыч. И за работу и за материал я заплачу. — тут же успокоила принявшегося чесать затылок моряка Мария Алексеевна.

— Ну, ежели так, то все устрою. И лошадок для вытягивания катера на берег и постройку сарая. Не сомневайтесь.

— В таком случае хотелось бы встать на побывку в какой-нибудь дом. Желательно, хорошо отапливаемый. А то за последние пять дней я изрядно продрог, проводя день и ночь в катере. Да и помыться бы не мешало.

Поняв, отчего под конец замешкался новый знакомый, Мария Алексеевна извлекла из ридикюля изящный кошелек и протянула Ивану сложенную вдвое пачку банкнот, — Вот, Иван Иванович, возьмите. И даже не думайте отказываться! — женщина грозно погрозила пальчиком замямшемуся Ивану. — Вы ни в коей мере не находитесь на чьем-либо содержании. Это лишь скромная благодарность за спасение моего супруга и его подчиненных. К тому же, всем доподлинно известно, что вы имеете полное право получить назначенную самим государем премию за спасение "Достойных сынов отечества". — дама явно процитировала слова из речи Александра III, что была опубликована во всех российских газетах. — А там, если мне не изменяет память, говорилось о сумме несравненно более высокой. Потому ваша честь может быть спокойна. Если вы все же посчитаете себя обязанным возместить данные средства, что лично я сочла бы за оскорбление, вы будете иметь на это все возможности.

— Благодарю, Мария Алексеевна. И все же, не смотря на ваши слова, произнесенные, несомненно, от души, я сразу верну вам затраченные средства, как только представится такая возможность. Я помогал попавшим в беду людям не за награды, а потому, что не мог поступить иначе. Впрочем, как и любой другой приличный человек. — взяв протянутые деньги и не считая, убрав их во внутренний карман куртки, Иван вновь обратился к своим собеседникам, — Должен сказать, что я не был в России, очень давно. Десятки лет. И за прошедшее время полностью утратил возможности отслеживать реалии жизни на родине. Не могли бы вы меня проконсультировать по вопросам цен, моды, принятого стиля общения? Хоть последние годы я и жил среди русских, но в тех краях царили весьма свободные нравы, и потому мне не хотелось бы попасть впросак из-за какой-либо мелочи.

— Конечно, Иван Иванович. Как я уже говорила, можете полностью рассчитывать на мою поддержку.

— Мария Алексеевна правильно говорит, Иван. — кивнул стоящий рядом с ней старик, — Ты человек правильный, такому грех не помочь. Помогу чем смогу, подскажу все,

что сам ведаю. А теперь давайте ка собираться. Нечего здесь на ветре торчать. Застудитесь еще. Пройдемте в дом моей сестры. Там разговор вести куда сподручней будет. Заодно и ухи наваристой отведаете. Уха у Аглаи больно добрая выходит!

За четыре дня, что Иван провел в деревеньке Костиранна, местные мужики, кто не был занят в морском промысле, с удовольствием подзаработали на нежданно свалившемся на голову барине. "Шмеля" не только вытащили на берег, но и водрузили на подпорки, вокруг которых вскоре вырос добротный сарай, поскольку, смекнув, что навсегда катер на их берегу не останется, а сарай лишним точно не будет, не стали экономить на строительстве, тем более что самим ни за что платить не пришлось. Иван же отмылся, отогрелся и отъелся, так что вскоре был вновь готов к труду и обороне. А трудов впереди виделось немало. И в числе первых, помимо легализации, стояли деньги. Причем не деньги, а ДЕНЬГИ! Уж ежели какая-то высшая сила предоставила ему шанс оказаться в прошлом, чем в его время грезили сотни писателей, то почему было бы не испытать своих сил на ниве попаданчества.

Немало книг о подобных персонах было прочитано им со времен студенчества, так что примерный список первоочередных дел обязательных к исполнению был составлен еще во время робинзонаты в небольшой бухточке. Составлен, отредактирован, обсмеян и сожжен. К величайшему сожалению без денег и связей нечего было и мечтать оказать какое-либо влияние на судьбу России и мира. Да и технических знаний для революций в техническом прогрессе в голове не имелось. Какие-либо основы и общие сведения — да, а мелочей, в которых, как известно, завсегда и скрывался дьявол — нет. И даже то небольшое имущество, что попало сюда вместе с ним на катере, не могло особо помочь по причине отсутствия производственной и научной баз необходимых для их не только производства, но даже изучения.

Ноутбук тоже не мог порадовать обилием сверхсекретной и сверхнужной информации. Десяток книг, фотографии, пара-тройка фильмов, сотня-другая песен, которые вряд ли могли прийтись к данному времени, за исключением единиц и то только после определенной переделки. Стандартный офисный набор и немногочисленные игры, бесполезные без дисков за исключением бессмертных сапера и пасьянса. К тому же уносить ноутбук от катера не имело смысла, поскольку батарея обеспечивала от силы два часа работы, а вечно сидеть в небольшой деревеньке было бесперспективно.

Единственным полезным приобретением оставался скаченный когда-то давно атлас кораблекрушений, на котором ученые-энтузиасты указывали координаты и наименования, обнаруженных на дне Балтики погибших кораблей. Скачивал он его в надежде соединить с навигационной программой, но сие оказалось невозможно, а вычищать компьютер от ненужной информации, когда на нем оставалось еще немало свободного места, не имелось никакого желания. И хоть большая часть изученных данных оказалась пока еще необъективна по причине отсутствия этих самых судов и кораблей на дне и даже в ближайших планах производства, несколько точек, поставленных на карте и сопровождающихся скухими данными, оказались настоящим подарком небес. Ведь напротив каждой из подобных точек неизвестные составители атласа указывали особый статус древних парусников, как носителей сокровищ. Награбленные или купленные произведения искусств и сундуки с монетами делали их желанной добычей для черных археологов, и потому данным местам крушений придавался особый статус охраняемых зон, появление в которых запрещалось всем гражданским судам.

Вот именно на разграблении данных, пока еще никем не обнаруженных и

соответственно не тронутых судов Иван и планировал собрать первоначальный капитал. Что именно везли суда особенным образом отмеченные на карте, он не знал, но собирался это вскоре выяснить. И помощь Иениша в этом деле была более чем необходима. Осень во всю вступала в свои права и Балтика становилась все более недоступной для человека, а ждать пол года до весны, сидя на шее у семьи капитана 2-го ранга, чье будущее пока что выглядело довольно туманно, ему не хотелось. К тому же требовалось перебраться с территории будущей Эстонии, на территорию будущей Финляндии, поскольку именно в ее территориальных водах покоились все три "билета" в обеспеченное будущее. А, не имея каких-либо документов, сделать это оказалось весьма затруднительно. И даже паспорт крестьянина, выкупленный у семьи недавно почившего рыбака и слегка подделанный с помощью конопляного масла и сажи, дабы привести год рождения в паспорте в соответствие с внешним видом Ивана, не позволил бы беспрепятственно передвигаться по территории огромной империи. Лишь наличие дворянки Иениш Марии Алексеевны, готовой подтвердить, что крестьянин Виринус состоит у нее в услужении, позволило перебраться из Ревеля в Гельсингфорс, где Ивана поджидала двадцатиметровая паровая яхта и большой паровой катер с водолазным снаряжением и двумя водолазами — Виктор Христофорович, не смотря на дела связанные с расследованием гибели броненосца, смог организовать наем потребного Ивану оборудования и водолазов. Причем, оба водолаза оказались военными моряками и одного из них Иван уже знал — матрос 1-й статьи Иван Репин являлся одним из немногих счастливчиков оказавшихся на борту "Шмеля" после гибели "Русалки". Тот, по всей видимости, был особо проинструктирован Иенишем насчет их общего спасителя и потому не кинулся сразу обниматься, а лишь горящим взглядом, да крепким рукопожатием выдал свою радость от встречи и одновременно выказал благодарность этому человеку. Еще один водолаз — матрос 1-й статьи Арсений Коротаевский оказался лучшим инструктором Кронштадтской водолазной школы, которая сейчас в полном составе, включая снабженцев и врачей, занималась поиском погибшего броненосца. Лишь давнее знакомство Иениша с врачом водолазной школы Шидловским Францем Ивановичем позволило ему выдернуть хотя бы одного водолаза получившего по официальной версии сильное переохлаждение и оттого отправленного на излечение. Чего это стоило капитану 2-го ранга, когда каждый водолаз был на счету, Иван не знал, да и знать не хотел. Для него главным был результат. А результат как раз сейчас стоял перед ним и ждал распоряжений. Конечно, он ждал распоряжений не от крестьянина Вирируса, а от встретившего на борту арендованной яхты свою супругу капитана 2-го ранга Иениша, в распоряжение которого он поступал на целый месяц.

Вырвавшийся из столицы буквально на два дня, Иениш смог уделить встречи с супругой всего пару часов, чтобы успеть на поезд идущий обратно в Санкт-Петербург. Именно это мог бы подтвердить возможный наблюдатель, будь такой представлен к офицеру. На тот же факт, что супруга морского офицера прибыла в сопровождении слуги, мало кто обратил бы внимание, особенно если был плохо знаком с четой Иениш не державшей доселе никого в услужении. Но никаких наблюдателей не было и в помине, а потому некому было удивляться, отчего капитана 2-го ранга Российского Императорского Флота вместо того, чтобы уделить все свое немногое время общению со своей второй половинкой, последние пол часа шептался о чем-то с ее слугой.

Прежде чем заняться непосредственно поисками, Иван на арендованной яхте сходил за своим катером, немало обрадовав жителей рыбацкой деревеньки, что свежеизготовленный

сарай поступает в их полное распоряжение и лишь проверив эхолот в действии, приступил к своим основным обязанностям в поисковом отряде — пялиться в экран.

Поднятый на палубу небольшой яхты водолаз благодарно принял в руки кружку обжигающе горячего чая и припал посиневшими губами к живительной влаге. Тепло, ухнувшее с первым же глотком в желудок, мгновенно принялось растекаться по всему организму, пробиваясь к успевшим окоченеть, не смотря на шерстяные штаны, носки и перчатки конечностям.

— Нашел! — расплылся в улыбке матрос 1-й статьи Репин, — Парусник! Старый! Саженой двенадцать в длину! Точно не разобрать. Муть сплошная! Лежит почти на ровном киле, чуть завалившись на правый борт. Палуба вроде чистая, так что можно попробовать проникнуть внутрь.

— Молодец Репин! — хлопнул матроса по плечу Иван, — Сейчас отдыхай. А часа через два спустишься еще раз вместе с Арсением. Попробуете пробраться внутрь. Получится — хорошо, не получится — да и черт с ним. Лебедкой люк подцепим и дернем. Зря что ли ее с собой везли?

— Слушаюсь, Иван Иванович. — кивнул водолаз, и как только его полностью извлекли из костюма, отправился греться в машинное отделение яхты, где для них с Коротаевским уже давно была устроена кушетка. Все же без малого две недели день изо дня обоим приходилось по несколько раз спускаться в не самые теплые воды Балтики, стоило эхолоту вывести на экран нечто, напоминавшее лежащий на дне корабль.

При новом погружении сдернуть люк трюма ему так и не удалось. А вот двери в ютовую надстройку легко поддались ломику и при свете ручного водолазного электросветильника, который Репин не держал в руках со времен выпуска из водолазной школы, довольно скоро обнаружил в капитанской каюте несколько десятков золотых табакерок, что хранились во вскрытом им сундуке.

Эйфория, нахлынувшая на водолаза, чуть не стоила ему жизни. Стараясь захватить сразу все, он забыл об осторожности и едва не порвал тянувшийся следом за ним шланг. Лишь наличие напарника спасло водолаза. Тот, заметив зацепившийся в дверном проеме шланг, успел дернуть Ивана назад, предотвратив разрыв. Лишь ощущение прошедшей близости тени смерти позволило матросу справиться с золотой лихорадкой.

Прихватив каждый по паре золотых табакерок и сложив остальное обратно в сундук, водолазы потихоньку покинули внутренние помещения судна, постоянно контролируя состояние друг друга. Теперь-то они знали, где и что надо искать в следующий спуск и потому размер очередной добычи обещал быть куда солиднее. Оставалось только найти сумку покрепче да побольше.

Никогда еще Ивана Репина не качали на руках. Разве что мамка баловала его сим действием в первый год после рождения. Но после подъема, стоило ему предъявить первые доказательства успеха их мероприятия, восемь рук мгновенно подхватили его и под троекратное "Ура" принялись подбрасывать над палубой. В конечном итоге, чуть не утопив водолаза, собравшиеся на палубе шесть человек с блеском в глазах принялись разглядывать заигравшие на солнце коробочки из чистого золота.

— Там их несколько десятков. — кивнул на находящуюся в руке Ивана табакерку водолаз, — Я сперва хотел сразу все захватить, но складывать было некуда. Пришлось все обратно в сундук убрать. И рядом еще один сундук стоял. Но я его еще не вскрывал.

— Ничего, и до него руки дойдут! Никуда не денется! — усмехнулся Иван, — А трюм не

поддался?

— Нет. Люк разбух — с места не сдвинуть.

— Вырвем. Теперь-то точно вырвем! — усмехнулся он и, любовно огладив табакерку, передал ее в руки следующего.

Как Репин с Кортаевским ни рвались, в очередной спуск под воду, их отпустили только через два часа, но на сей раз, снабдив немалых размеров котомками. Так, до конца дня они успели сделать еще три захода, полностью опустошив оба сундука в капитанской каюте и добавив к табакеркам два десятка золотых и серебряных часов.

На следующий день с помощью лебедки уже к полудню удалось сорвать трюмный люк и поднявшиеся после очередного погружения водолазы, путаясь в словах и размахивая руками, принялись обрисовывать степень своего удивления от лицезрения кареты из чистого золота.

— Не думаю, что она сделана из золота. — спустил с небес на землю разошедшихся матросов Иван. — Представляете, сколько бы она весила, будь изготовлена из чистого золота? Да ее земля не держала бы. Так что, скорее всего это просто позолота. Но и ее мы в любом случае поднимем. Только не сейчас. А еще что там было?

— Ящики с посудой. — пожал плечами его тезка. — Кружки, тарелки. Белые с узорами.

— Битые?

— Вроде нет.

— Фарфор. Тоже, небось, для императорской семьи везли, так что и цены должен быть не малой. Особенно теперь!

— Так что, будем поднимать тарелки?

— Конечно! Только не сами. А то замучаетесь туда-сюда мотаться. Сейчас утяжелем ваши котомки, хотя бы тем же углем и будем спускать их вниз. А вы аккуратно, по одному предмету за раз, будете укладывать в них тарелки, кружки и вообще все что под руку попадется. Долго, конечно, провозимся. Но зато наверняка ничего не разобьем.

Уже через три дня небольшой салон арендованной яхты и ненамного большие салоны катеров напоминали антикварный магазин. Сотни столовых приборов и фарфоровых статуэток, на прокладку которых ушла абсолютно вся одежда, кроме вещей, что были надеты на моряков, заняли все свободное пространство. В результате, на вечернем совещании было принято решение сходить в Турку для разгрузки и пополнения запасов. Причем паровой катер должен был оставаться на месте и отгонять местных рыбаков, что уже пару раз совались поинтересоваться, кто это хозяйничает в их вотчинах. И только военно-морская форма водолазов, находившихся на яхте, мгновенно притупляли их любопытство. Лезть в дела военных дураков было мало.

День ушел у Ивана на перевозку находок в снятый Иенишем для проживания супруги дом. Причем наиболее ценные находки из драгоценных металлов были сразу свезены ею в банк и упрятаны в сейф для лучшей сохранности. Не смотря на то, что средства Иениша и Протопопова заметно сократились, их вполне должно было хватить еще на месяц поисковой работы, и потому Иван не рискнул соваться к имевшимся в городе ювелирам с предложением о покупке одной из табакерок. Да и масштаб давней столицы княжества Финляндия не внушал надежд на хорошую цену. Подобные вещи следовало продавать исключительно в Санкт-Петербурге или, в крайнем случае, в Москве.

Спустя два дня к двум покачивавшимся на волнах бочкам и стоявшему неподалеку катеру подошла все та же яхта тянущая на буксире "Шмеля", но уже с палубой полностью заставленной ящиками с паклей. Иван опасался возможности начала очередного шторма, что

могло уничтожить все результаты их работы по поиску судна, но на сей раз Балтика оказалась милосердна к его планам.

Еще пять дней ушло на подъем и доставку на берег драгоценного груза со "Святого Михаила" пока единственным, что еще можно было поднять, не осталась карета. Причем обнаружение под конец работ нескольких килограмм золотых украшений для мебели в двух ящиках запрятанных в трюме оказалось приятной неожиданностью. Все же если даже брать золото по весу, это соответствовало нескольким тысячам рублей. А такие деньги лишними быть никак не могли.

Но все хорошее когда-либо заканчивается. Подошло к концу и терпение природы — на Балтике начался сезон штормов и даже участвовавшие в поиске "Русалки" суда свернули все работы и расползлись по своим портам. Теперь вести какие-либо подводные поиски можно было начать только будущей весной.

Иениш все еще был занят разбором произошедшей катастрофы и потому оставшиеся до начала ноября дни Иван прожил в снятом капитаном 2-го ранга доме, изображая из себя слугу, сторожа и истопника — всех в одном лице. Компанию ему составляла лишь Мария Алексеевна, взявшая на себя роль кормилицы, не смотря на замечания Ивана, что он и сам может о себе позаботиться. Она же взяла на себя заботы по покупке продовольствия, видя, как тяжело давались выходы в город Ивану. Все же, не имея достойных документов удостоверяющих личность, тот чувствовал себя не в своей тарелке. Правда, шиковать особо не приходилось — большая часть средств ушла на премии экипажу яхты и водолазам, которые, получив на руки по полугодовому жалованию, изъявили желание сходить на поиски и в будущем году, если у господ нанимателей появится такое желание.

Выдавшееся свободное время Иван потратил на составление отчета, что должен был лечь на стол императора и написание дневника будущего. За пару дней натренировавшись орудовать пером и при этом не ставить особо много клякс, Иван с головой ушел в свой труд и прерывался только на еду, да дела по дому требовавшие грубой мужской силы. Мария Алексеевна, привыкшая за долгие годы проводить время в одиночестве, не мешала Ивану в написании его трудов и лишь изредка журила, если тот засиживался допоздна.

Иениш появился только в первых числах ноября. По его внешнему виду было видно, что последние месяцы теперь уже бывший офицер Российского Императорского Флота провел не на курорте. Ввалившиеся щеки и мешки под глазами вкупе с общей бледностью, наглядно демонстрировали усталость стоявшего перед Иваном человека.

— Добрый день, Иван Иванович. Прошу прощения, что не появлялся ранее. Но, к сожалению, я не имел ни малейшей возможности вырваться из столицы. — поздоровался с открывшим дверь Иваном Иениш.

— И вам здравствовать, Виктор Христофорович. Можете не утруждать себя объяснениями. Газеты я читал каждый день, так что в курсе событий. И скажу честно, вы счастливчик. В иные времена за подобное расстреливали. Да вы проходите, чего в дверях стоять.

— Умеее вы, Иван Иванович, человека поддержать. — грустно усмехнулся Иениш и закрыв за собой дверь, принялся снимать пальто, — А что, в ваши времена и правда за такое расстреливали?

— В мое уже нет. Срок дать могли — это да. А вот во времена моего деда — легко. И за меньшее расстреливали.

— Суровые видать были времена. — покачал головой Иениш.

— Не то слово!

— Расскажите?

— Нет. Лучше налью вам чаю. Самовар как раз подоспел. Мария Алексеевна вышла купить свежей выпечки, а я над ним священнодействовал.

— Чай будет весьма кстати. А то погода теплом не радует. — устроившись на старом скрипучем стуле и сделав первый глоток из поданной чашки, Иениш осмотрелся в комнате, — А вы как здесь поживаете? Не скучали?

— Мне скучать было некогда. — пожал плечами Иван, — Творил! Можно так сказать. А вот Марии Алексеевне пришлось убивать время изучением добытых нами с глубин Балтики фарфоровых изделий. Полагаю, что теперь она знает каждую трещинку и завитушку на их узорах. Что же вы так, Виктор Христофорович? Почему не позволили вернуться супруге в Санкт-Петербург? Тем более у вас там сын без присмотра!

— Не беспокойтесь, Иван Иванович. Сын сейчас в кадетском корпусе, так что родительский пригляд ему не был особо нужен, а будь моя супруга дома, она лишь сильнее волновалась, видя меня ежедневно в подобном состоянии. Оттого я и телеграммы всего пару раз присылал. Незачем ей лишний раз нервы портить.

— Ну, теперь то вы свободны распоряжаться своим временем, и я бы посоветовал провести его с супругой, дабы нагнать упущенное за долгие годы службы. Надеюсь, ваши дела позволят вам подобное времяпрепровождение?

— Благодарю, дела с учетом всего случившегося весьма неплохи. Пусть и списали, но очередное звание и пенсию дали. Так что позаботиться о семье я смогу. А что касается моего будущего времяпрепровождения, то кому как не вам лучше об этом знать?

— А мне то откуда знать? — удивился Иван. — Я не пророк. Будущее людей не вижу. Тем более что в моей истории вы пропали вместе со своим кораблем.

— В таком случае, может, подскажите к чему мне теперь стремиться? Куда направлять свои силы? Все же кто как не вы, обладатель сакральных знаний, может дать дельный совет?

— Что же, возвращаясь к нашему давнему разговору. То, что вы выжили, естественно, не сильно повлияет на скорое будущее в масштабе всего мира. Но, к примеру, уже лет через десять выживший артиллерист с "Русалки" сможет удачно поразить корабль противника и тем самым поспособствовать его уничтожению. Уничтоженный корабль противника позволит одержать верх в битве. Выигранная битва позволит изменить ход войны. И так далее и тому подобное. И уже через пол века будущее может быть полностью отличным от того, что известно мне. Это как концентрические круги на воде от брошенного камешка. Первая волна в первый миг своего существования вполне скромная и простирается на небольшую площадь, но за ней следует вторая, третья, четвертая. И в тот момент как образуются последующие волны, первая распространяется уже на куда большую площадь. Вот и в нашем случае вполне возможно подобное воздействие на развитие истории.

— Если смотреть с такой стороны, то все ваши знания о будущем и в самом деле более не смогут быть неизменными. Вы поэтому не желали знакомить нас с подобной информацией?

— В том числе.

— А если бы вас попросил рассказать о будущем государь император? — глядя прямо в глаза собеседника, поинтересовался Иениш.

— Лично?

— Да.

— Я бы ни в коем случае не стал бы давать ему советы как поступать. Информацию бы предоставил — это да, а вот советы оставил бы при себе.

— Отчего же так?

— Это ваше время, Виктор Христофорович. Это его страна. Императора с малых лет учили управлять огромным государством в современных условиях. Как, по вашему, что может насоветовать такому человеку обычный приказчик, пусть и из будущего? Да я ведь не разбираюсь даже в самых простых вещах, которые для вас являются привычными! Поэтому, я все же предпочел бы отделаться докладом о кознях англичан. Но, как я понимаю, подобный доклад возможно передать исключительно из рук в руки.

— Вы совершенно правы. К сожалению, мне не удалось добиться аудиенции у его императорского величества. Мою персону не желают видеть в ближайшее время. Но если бы мне удалось?

— Хм. В таком случае мне было бы, что предложить почитать Александру III. Вот только современная мне орфография весьма отличается от принятой в настоящее время. Может ли это быть проблемой?

— У вас в будущем изменился язык? — уточнил слегка удивившийся Иениш.

— Скажем так. Упростился. Были упразднены лишние буквы из алфавита. Изменились правила построения предложений. Так что там все понятно, просто, поначалу будет непривычно и казаться безграмотным. Мне ведь тоже, сперва, оказалось тяжело читать газеты. Но ничего. Привык. Если желаете, могу дать вам ознакомиться с рядом записей.

— Это было бы весьма кстати.

— Сейчас принесу. — вернувшись из своей комнаты, Иван положил перед гостем стопочку в десяток листов.

— Концепция развития линкоров. — прочитал вслух Иениш и кинул вопросительный взгляд на собеседника.

— Они придут на смену броненосцам. — тут же пояснил Иван.

— Вот как? — тут же уткнувшийся в текст Иениш более не проронил ни слова, пока не дочитал все до последней буквы. — Так вот какие корабли покоряют морские просторы в ваше время?

— Нет, Виктор Христофорович. В мое время развитие оружия достигло таких высот, что броня более не спасает корабли. Поэтому броненосных кораблей ни у кого не осталось. Их стало слишком невыгодно строить и эксплуатировать. То, что я описал, воевало в последний раз в середине 20 века.

— И какой же основной класс кораблей в ваше время?

— Эскадренные миноносцы и фрегаты. Есть еще крейсера, но далеко не у каждой страны.

— У России есть? — не смог сдержаться капитан 1-го ранга в отставке.

— Имеются. Причем, самые мощные в мире. Вот только их большую часть давно пора списывать в утиль. А новые строить нет ни финансовых, ни физических, ни научных возможностей. Это сейчас за год-два-три можно разработать проект крейсера. В будущем же это может затянуться и на десяток лет, если не больше. Да потом еще на строительство от пяти до десяти лет.

— Так долго? Да у нас броненосцы быстрее строят! Что же вы там, в будущем, напридумывали, что корабли столь долго строятся?

— Много чего, Виктор Христофорович. Всего и не упомнишь. Но, насколько я помню,

основными проблемами помимо регулярного финансирования были вооружение, системы разведки и целенавешения, а также силовые установки. А непосредственно корпус могли закончить и за пол года.

— Ну, в наше то время ситуация складывается примерно так же. Пока доставят машины из Англии или Германии, пока выточат орудия главного калибра. Годы и проходят! А корпус того же крейсера и сейчас могут построить пусть не за пол года, но за год точно. В результате корабль устаревае еще до того как выходит со стапеля. Взять тот же погибший у берегов Кореи "Витязь", на котором я имел честь ходить артиллерийским офицером. Не прошло и трех лет со дня принятия в состав флота, как изменившаяся концепция бронепалубных крейсеров мгновенно превратила его в представителя устаревшего класса.

— Вот и в наше время точно такие же проблемы, разве что наши крейсера по водоизмещению превосходят современные броненосцы, а эскадренные миноносцы будут побольше нынешних крейсеров.

— И зачем же минным кораблям такие размеры! — вновь не смог скрыть удивление Иениш.

— В наше время эсминец — это основная боевая единица любого развитого флота. Можно сказать — многоцелевой корабль, способный выполнять любые задачи на приемлемом уровне. А название класса сохранилось исторически.

— Боже, сколько же всего интересного содержится в вашей голове, Иван Иванович!

— Вот тут я возражать не буду. И потому хотелось бы сохранить эту самую голову на плечах.

— Не беспокойтесь. Мы о вас никому ничего лишнего не выболтали. Клянусь честью!

— Это радует. — забрав свои рукописи, Иван вернул их в свою комнату и обновил чашки душистым чаем. В этот момент скрипнула входная дверь и в комнату буквально влетела Мария Алексеевна.

В очередной раз поговорить мужчинам удалось только вечером. И то завершилась беседа о развитии судостроения весьма быстро, стоило Ивану передать Иенишу папку со своими записями, что он предполагал предоставить императору. Тот потратил на ознакомление с материалами и обсуждение с Иваном тех или иных фактов часа три, после чего был уведен супругой спать, что с давно пошатнувшимся здоровьем ему было крайне необходимо.

Лишь в полдень следующего дня, обдумавший полученную информацию Иениш, постучался к Ивану для продолжения прерванной беседы. В отличие от доклада для императора, в беседах Иван зачастую давал свою оценку событий и выдвигал порой невероятные предложения, абсолютно не свойственные современнику Иениша. Чего только стоила идея организации первой в мире официальной частной военной компании. Причем, выслушав все приведенные собеседником доводы, Иениш склонен был согласиться, что подобная организация не только в короткие сроки могла окупить свое создание и позволить ее учредителям занять интересы во многих уголках мира, но и неизменно помочь укреплению обороноспособности Российской Империи. В той же грядущей Японо-Китайской войне нанятый одной из сторон конфликта рейдер мог рассчитывать на невероятно богатый улов. В мирное же время крепкие, способные постоять за себя мужики, имея за спиной в качестве поддержки солидную военизированную организацию, вполне могли заниматься той же золотодобычей, обживанием дальневосточных регионов России, где, по словам Ивана, находились огромные запасы морских ресурсов. На одних рыбных

ресурсах Камчатки и золоте Клондайка и Юкона, о которых, к удивлению Ивана, еще никто ничего не слышал, люди, не чурающиеся тяжелого физического труда, могли заработать миллионы. И уже эти миллионы можно было смело пускать в организацию производства всевозможных товаров имевших фурор в будущем. Дело оставалось за первоначальным капиталом, разрешением властей на организацию подобной компании и непосредственно подборке людей и техники.

Весь ноябрь Иван так и прожил в съемном доме под присмотром четы Иениш, которые с энтузиазмом взялась за облагораживание своего гостя и придания ему подходящего интеллигентному человеку облика, поскольку для широкой публики была придумана легенда о вернувшемся из Африки соотечественнике, прожившим на черном континенте десятки лет. Под эту легенду вполне успешно ложился непривычный язык, изобилующий множеством непонятных фраз, незнание норм приличий принятых в обществе и жизни в России в целом. Вечерами же Иван тренировался, развлекая своих строгих и упертых педагогов рассказами о жизни в Африке, главным образом составленных на воспоминаниях о приключениях Алекса Квотермейна. Все равно проверить всю ту ахинею, что он нес с умным видом, не представлялось возможным.

После таких вечеров Мария Алексеевна на полном серьезе даже предлагала ему попробовать себя на литературном поприще, настаивая на том, что, имея столь богатую фантазию, Иван смело мог рассчитывать на несомненный успех.

Немало бесед Иениш с Иваном имели по поводу информации, которой в конечном итоге предстояло попасть на стол российского самодержца. Порой, оба увлеченно принимались за раскрытие аспектов того или иного исторического факта или события и просто-напросто теряли ход времени, прерывая свои посиделки далеко за полночь. А бывало и так, что мнения собеседников становились диаметрально противоположными. В такие дни оба к вечеру хрипели сорванными голосами, как старый граммофон и пару раз Марии Алексеевне даже приходилось выступать в роли миротворца, вновь сводя вместе, двух упертых и не желающих более общаться друг с другом мужчин.

Также Виктор Христофорович за этот месяц дважды наведывался в столицу, выступая в качестве сопровождающего ценного груза, что был с немалым трудом поднят со дна Балтики. Благодаря огромному количеству соломы и ветоши, которыми прокладывали приборы, до конечного пункта назначения удалось довести абсолютно все, не смотря на попытки грузчиков уронить или с кхеканием закинуть в вагон или телегу очередной ящик с драгоценным, но хрупким содержимым. Золотые же изделия были вывезены в конце месяца, когда Иениш в сопровождении слуги покинули Гельсингфорс.

И уже в начале декабря 1893 года столицу Российской Империи взбудоражила очередная новость. В салонах ведущих антикваров и ювелиров Санкт-Петербурга появились считавшиеся давно утерянными предметы мейсенского фарфора и табакерки работы известных французских мастеров Пьера Жаррена и Франсуа Марто. Первая же партия состоящая из половины всех находок, была выкуплена столичными антикварами в общей сложности за немыслимые сто тысяч рублей, так что вложившиеся в дело Иениш и Протопопов в одно мгновение превратились в весьма состоятельных людей. Не забыли офицеры и водолазов, на которых у них имелись вполне определенные планы на будущий год. Обоим вдобавок к предыдущей премии презентовали по пятьсот рублей, отчего матросы прежде никогда не державшие в руках таких деньжищ поначалу немного растерялись. Хорошо хоть Иениш подсказал им как с умом потратить свалившееся на голову богатство, а

не кидаться во все тяжкие.

В связи с наступающим рождеством столь редкие подарки, неожиданно появившиеся в продаже, мгновенно нашли новых владельцев. Всего за три недели столичные антиквары распродали сданные Иенишем сокровища с немалой выгодой и с нетерпением ожидали его появления в их конторах после окончания празднеств, поскольку работать в праздники людям их уровня и достатка считалось моветоном.

Многие знатные семьи получили в подарок целые сервизы старинного фарфора, но более всех остальных могла похвастаться именно императорская чета. Не чуждый прекрасного и всю жизнь занимавшийся сбором произведений искусств Александр III, как и Мария Федоровна, по достоинству оценили редчайшую коллекцию фарфоровых статуэток невероятной красоты и пару изящных золотых табакерок, украшенных драгоценными камнями.

Тем большим было удивление императора, когда доверенные люди сообщили, что столь ценный презент был передан от имени капитана 1-го ранга Иениша Виктора Христофоровича. После такого не принять попавшего в связи с гибелью "Русалки" в опалу офицера не единожды просившего об аудиенции, выглядело бы высшей мерой пренебрежения. К тому же в высшем обществе ходили слухи о якобы найденном Иенишем затонувшем корабле набитым сокровищами, откуда тому посчастливилось достать немало богатств, подтверждением чего могли служить золотые табакерки старых французских мастеров и наборы редчайшего старинного фарфора.

Если бы слухи оказались правдой, о чем можно было поинтересоваться во время аудиенции, у того же Иениша можно было присмотреть еще что-нибудь для пополнения коллекций Зимнего, Аничкова и Гатчинского дворцов. Вот только серьезной могла быть просьба капитана 1-го ранга для хотя бы озвучивания которой, он, человек не богатый, не пожалел презентовать в качестве подарка ценностей на как минимум десять тысяч рублей?

Празднества, продлившись до середины января, закончились для Александра Александровича сильной простудой, отложившейся на травмы, полученные при крушении поезда, и потому самочувствие самодержец всероссийский имел неважное. Тем не менее, забросить государственные дела не представлялось возможным, да и список просителей заметно разросся за время, взятое императором для отдыха в кругу семьи.

Приглашение на аудиенцию к императору было доставлено на квартиру Иениша двадцатого января, а уже двадцать пятого он, обряженный в мундир капитана 1-го ранга, выделанный из лучшего материала, что смогла найти в столице Мария Алексеевна, стоял перед ростовым зеркалом, придирчиво разглядывая себя в последний раз.

— И все же мне кажется неверным ваше решение, Иван Иванович. — наконец, удовлетворившись увиденным в зеркале, Иениш повернулся к пришедшему проводить его Ивану.

— Виктор Христофорович, мы же с вами не единожды обсуждали данный вопрос, и вы все же согласились, что такому необычному путешественнику как я лучше исчезнуть без следов, дабы избежать охоты на ведьм.

— Да вы ведь буквально вытрясли из меня это согласие! И теперь я буду вынужден откровенно лгать, смотря своему императору прямо в глаза, при этом, стараясь убедить его, что мне можно и даже нужно верить! А ведь рано или поздно все тайное становится явным! Вы хоть представляете себе, какие слухи пойдут обо мне в обществе? Это не говоря уже о

гарантированном крайне негативном отношении ко мне со стороны членов императорской фамилии! И Бог бы со мной! Но ведь все это непременно отразится на судьбе и карьере моего сына! Как я смогу смотреть после подобного ему в глаза?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Обыкновенно будете смотреть, Виктор Христофорович. Как умудренный опытом человек, немало повидавший и познавший за свою жизнь. — сказал, как отрезал, Иван. — А что касается императора. Даже если когда-нибудь он прознает о данном обмане, я полагаю, как один из виднейших мировых политиков, он поймет и примет причины, сподвигшие вас дезинформировать его.

— Ох, Иван Иванович, подведете вы меня под монастырь. — покачал головой Иениш и тяжело вздохнув, принялся надевать вычищенную от малейшей пылинки шинель.

— Ничего, Виктор Христофорович, прорвемся! Ни пуха вам, ни пера.

— К черту, Иван Иванович. — поправив кортик и подхватив заранее подготовленный солидных размеров портфель, Иениш трижды перекрестился и поцеловав супругу, покинул квартиру.

Сперва капитан 1-го ранга все же хотел взять с собой Ивана хотя бы в качестве сопровождающего. Но поскольку приглашение было выписано только на Иениша, единственной возможностью протащить Ивана во дворец, было выдать его за денщика, хоть официально их и упразднили много лет назад. Вот только бывалый морской волк из Ивана получаться никак не желал, да и матросская форма смотрелась на нем как седло на корове. Каких только сил не прилагала чета Иениш дабы привести Ивана в удобоваримый вид. Виктор Христофорович даже приводил преподавателей, в роли которых выступали бывалые матросы. Однако, все оказалось тщетно. Наметанный глаз старого моряка и командира раз за разом подмечал множественные ошибки и недочеты в поведении и внешнем виде Ивана, так что в конечном итоге от данного плана пришлось полностью отказаться к вящей радости обучаемого.

Дорога до резиденции правителя земли русской и час ожидания в приемной запомнились Иенишу весьма смутно. Все же ранее ему не доводилось лично общаться с Александром III, хоть он не единожды видел его во время морских парадов и смотров. Только осознав насколько тяжело приходится ему, Иениш понял, что для его нового друга это испытание могло стать чрезмерным в плане нервного напряжения. Все же, как бы Иван ни относился к членам августейшей фамилии в своих разговорах с Иенишем, осознание того факта, что можно будет встретиться один на один с правителем России, занимавшим свой пост десятилетиями, откровенно вгонял его в оторопь. Только сейчас капитан 1-го ранга понял, почему Иван столь уперто отказывался от визита к императору.

Иениш еще долго мог бы заниматься самокопанием, но в назначенное время к замершему статуей капитану 1-го ранга подошел секретарь императора и препроводил его до двери рабочего кабинета Александра III.

Стоило за его спиной закрыться двери, как в Иениша уперся сосредоточенный взгляд огромного человека. Выглядел Александр III не очень хорошо. Сероватый цвет лица и мешки под глазами наглядно свидетельствовали о пошатнувшемся здоровье императора. А, учитывая послезнание о его скорой кончине, Иениш проникся еще большим уважением к продолжавшему тащить свою ношу человеку, не смотря на действительно поганое самочувствие, и с новой силой принялся внутренне корить себя за обман, что вскоре должен будет случиться.

— Добрый день, ваше императорское величество. — подходя к столу императора, поздоровался Иениш.

— Добрый день, господин Иениш. Прошу присаживаться. — император указал рукой на один из стульев.

— Благодарю. — коротко склонив голову, Иениш присел на предложенный стул и положил на колени портфель, что ни на секунду не выпускал из рук с тех пор как покинул квартиру. — Прежде всего, позвольте принести вам извинения, ваше императорское величество за то, что не смог сберечь вверенные мне корабль и команду. Эта потеря, несомненно, является тяжким грузом не только для меня, но и для вас, человека, несущего ответственность за всех и каждого жителя Российской империи. Тем не менее, именно случившаяся трагедия позволила мне встретить человека, передавшего мне сведения, важность которых неоценима. И сейчас, находясь перед вами, я могу заявить, что ради полученных мною сведений, я, несомненно, был бы готов потерять все корабли флота, если бы знал, что это позволит мне получить их.

— Вот как? — с удивлением воззрился на Иениша император, — Что же такого вы узнали, господин Иениш? Неужели секрет вечной жизни?

— Никак нет, ваше императорское величество. Но данная информация по ценности ничуть не уступит секрету долголетия. Если позволите, я достану папку с составленным мною на основе полученной информации докладом. Он не слишком большой и потому я смею надеяться, что вы сможете выделить время, дабы ознакомитесь с ним в моем присутствии.

Получив в ответ еще один оценивающий взгляд и последовавший за ним утвердительный кивок, Иениш раскрыл портфель и выудил на свет кожаную папку. Необычную просьбу Александр III перенес стойко, не выдав своего изумления ни малейшим движением лицевых мускул. Мало кто из просителей осмеливался даже надеяться на ознакомление с принесенными ими бумагами в тот же день, не говоря уже об их немедленном прочтении. Многие были неимоверно рады просто тому факту, что император соблаговолил принять в руки их отчеты, прошения, донесения. Но, стоило ему раскрыть папку и прочитать заглавие предложенного к прочтению документа, как его брови поползли вверх. Кинув испытующий взгляд на просителя, и получив в ответ едва заметный кивок от Иениша, император углубился в ознакомление с предоставленными документами.

Начиная с этого момента, более от Иениша не зависело ничего. Теперь из этого кабинета он мог выйти либо очень доверенным лицом Александра III, либо персоной нон грата для высшего общества. А то и вовсе не выйти. "Государственные интересы они такие государственные." — вспомнилась необычная, но неимоверно точная фраза, что иногда произносил Иван во время их бесед.

Краткая и сухая выжимка основных событий до 1914 года, которые только смог припомнить Иван уместилась всего на десяти страницах. Естественно, все указанное преподносилось как запланированные и уже начавшие реализовываться действия Англии, направленные на уничтожение России в существующем виде. Вычитанные и переписанные Иенишем корректным языком, они подавались в привычной докладной форме и потому довольно быстро просматривались императором, привыкшим за десятилетия к бумажной работе. Все это время посетитель неотрывно следил за лицом самодержца, которое время от времени принимало совсем уж суровый вид. И лишь едва слышный шорох перелистываемых страниц время от времени прерывавший повисшее в кабинете гробовое молчание, давал

надежды на если не положительный, то и не фатально отрицательный исход всего предприятия.

— Это дурной розыгрыш? — наконец вымолвил император, окинув уничтожающим взглядом сидевшего напротив него капитана 1-го ранга.

— Никак нет, ваше императорское величество. — мгновенно вскочив и вытянувшись стрункой, отрапортовал Иениш. — Я сам имел возможность наглядно убедиться в происхождении источника и склонен верить предоставленным им сведениям.

— Доказательства? — столь же сухо поинтересовался император.

— Позвольте, ваше императорское величество? — указав рукой на портфель, и получив высочайшее дозволение, Иениш достал ноутбук и раскрыв его, повернул экраном к императору. — Господин, с которым свела меня судьба, любил повторять фразу о том, что даже у стен есть уши. Потому, большая часть доказательств находится именно здесь. — похлопав ладонью по корпусу ноутбука, он нажал кнопку запуска и принялся ждать, вспоминая свои ощущения, когда Иван впервые продемонстрировал ему возможности вычислительной машины из будущего. Дождавшись, когда компьютер полностью загрузится, Иениш, кашлянув, привлек внимание императора, который не отрывал взгляд от экрана с цветной фотографией явно военного, но при этом очень необычного корабля. — Позвольте продемонстрировать?

— Несомненно. — кивнул император.

Спустя два часа, когда монитор невероятного устройства погас, израсходовав весь запас энергии в батарее, бледный, с выступившим на лбу холодным потом, император тяжело отвалился на спинку своего кресла и устало воззрился на не менее измученного посетителя, принесшего ему столь тяжелые вести. Припомнив, что он слышал про серьезные проблемы со здоровьем Иениша и приложив к этому нервное потрясение сперва от потери корабля и команды, а после и от обретения подобных знаний, Александр III посчитал, что капитан 1-го ранга еще неплохо держится. Сам он прямо здесь и сейчас готов был просто лечь, уткнуться лицом в подушку и банально разрыдаться, как бы недостойно настоящего мужчины и истинного императора это ни было.

По отдельности каждый из предоставленных ему фактов мог вызвать разве что только усмешку самодержца, да крепкий пинок под зад принесшему его, ну или просто детское изумление от созерцания того же компьютера и фильмов с фотографиями, что хранились в нем. Но вот собранные вместе, и опосредованно подтвержденные докладами из иных источников, заставляли серьезно задуматься. Да что там задуматься! Они откровенно пугали! Особенно последняя строчка доклада Иениша, содержащая всего два слова "Мировая война" и поставленный напротив них год — 1914-й.

Император при жизни получивший прозвище "Миротворец" и положивший все силы на предотвращение возможных войн, мог оказаться тем самым человеком, что не сделал ничего для предотвращения общемировой войны, хотя получил информацию о ее неумолимом приближении за два десятка лет до ее начала.

— Кто еще в курсе? — наконец, устало поинтересовался император, прикрыв ладонью глаза.

— В подробностях — только мы двое, ваше императорское величество. — тут же отозвался Иениш. — В общих чертах — еще один офицер. Это капитан 2-го ранга Протопопов, Николай Николаевич, бывший старший офицер броненосной лодки "Русалка". Также о нашем госте известно моей супруге, поскольку именно она помогала ему первое

время освоиться в России. Но она принимала его за тайного агента, который долгие годы провел за границей, но, став обладателем невероятно важной информации, был вынужден инкогнито вернуться на родину. Об указанных в моем докладе событиях она ничего не знает. Естественно, оба поклялись хранить сию тайну до конца дней своих.

— А что же сам гость?

— Испарился или лучше сказать развеялся, ваше императорское величество. — постаравшись не выдать откровенную ложь малейшим жестом или интонацией, ответил Иениш.

— Это как так? — опешил император. — Он что призрак, прости Господи, чтобы взять и развеяться?

— Не могу знать, ваше императорское величество. — развел руками капитан 1-го ранга. — Но то, что он растаял в воздухе — это факт. Однажды он поведал мне одну теорию о том, что будущее не предопределено. И малейшее действие здесь и сейчас, несомненно, вызовет определенные последствия через многие и многие годы. — Нагнувшись поближе к императору, Иениш прошептал ему в ухо, — Скорее всего самым фактом своего появления в нашем времени, он изменил историю, отчего и сам в положенное ему Творцом время не появился на свет. А, не родившись, он не смог попасть в наше время, оттого и исчез. Но то время, что он провел у нас до своего исчезновения и положенные им начала сохранились.

— Неисповедимы пути Господни. — тихо пробормотал Александр III и трижды перекрестился.

— Воистину. — кивнул стоявший по правое плечо самодержца Иениш и трижды осенил себя крестным знамением вслед за государем.

— Значит, это все что после него осталось? — император положил левую руку на погасший ноутбук и папку с докладом.

— Еще сохранился его катер, хранящий невероятное количество технических секретов.

— Он у вас?

— Спрятан в надежном месте известном только мне, ваше императорское величество.

— Что именно возможно с него взять?

— Из наиболее ценного — двигатель, работающий на жидком топливе, аналога которого еще нет или я о нем никогда не слышал и устройство для голосовой беспроводной связи на больших расстояниях. Нечто подобное сейчас находится в разработке у профессора Попова, но каких результатов он смог добиться я не ведаю. Также много всяких мелочей, которые, ничего не опасаясь, можно было бы ввести в повседневный быт, вроде очень удобных застежек для одежды или канцелярских принадлежностей. Прочее же, по его словам, нам будет недоступно к пониманию.

Надолго задумавшись, император с четверть часа просидел, не проронив ни слова, после чего окинул оценивающим взглядом вновь занявшего свой стул Иениша.

— Да-а-а, господин капитан 1-го ранга. Умеете вы озадачить. Куда там министру финансов! — устало потерев слипающиеся глаза и с хрустом распрямившись, Александр III принялся прохаживаться по своему кабинету. — Мне необходимо время, чтобы собраться с мыслями, Виктор Христофорович. Да и вам отдохнуть не мешает. Даже не представляю, какого вам было хранить подобную информацию все это время. Это воистину непосильная ноша.

— Я, как и наш гость, лишь выполнял свой долг перед родиной, ваше императорское величество.

— Похвально, господин капитан 1-го ранга. — слегка кивнул головой император, показывая свое полное расположение, — Надеюсь, я могу рассчитывать на вас и впредь?

— Несомненно, ваше императорское величество.

— Благодарю, Виктор Христофорович. И отныне, когда мы будем беседовать наедине, позволяю обращаться ко мне по имени отчеству.

— Это честь для меня, Александр Александрович.

— Что же, на сегодня я предлагаю закончить и так затянувшуюся аудиенцию. Но непременно жду вас послезавтра ровно в полдень. Приглашение получите у секретаря. — подойдя к столу, император быстро черкнул пару строк на листе бумаги и протянул его Иенишу. — Это, — указал он на ноутбук и папку, — заберите с собой.

— Если позволите, Александр Александрович, я передам вам одно письмо. Прежде чем исчезнуть, наш гость успел написать его персонально для вас буквально за мгновение до того, как его руки более не смогли коснуться пера. Что именно написано в нем, мне неизвестно. — с этими словами Иениш извлек из своего портфеля заклеенный конверт и протянул его императору.

Тяжело вздохнув, Александр III взвесил конверт на ладони, как бы проверяя тяжесть новостей указанных в письме и с видом человека взошедшего на эшафот, вскрыл его костяным ножом для писем.

— Так вот отчего они столь настырны! — буквально прорычал русский монарх через пару минут продиранья через непривычную ему орфографию. — Ох, не зря я чувствовал! — в один миг подходящий к пятому десятку больной и уставший человек преобразился в того самого русского медведя, каким представляли Россию и ее монархов на европейских карикатурах.

Что же именно чувствовал император, так и осталось его секретом, поскольку больше он не проронил ни слова, а спрятав письмо вместе с конвертом в карман, погрузился в длительное молчание.

— Что же еще нам готовят времена грядущие? — минут через десять тихонько прошептал Александр III, только что узнавший, что активно навязываемая его наследнику невеста, к которой тот уже успел вспылать чувствами, никогда не сможет родить здорового наследника из-за генетического заболевания передаваемого из поколения в поколение. И лишь как монарх он смог оценить все изыщество хода английской королевы, направленного на сживание со света существующего монаршего рода Российской Империи. — Виктор Христофорович, надеюсь, на сегодня это была последняя новость? — император похлопал себя по широкой груди, намекая на лежащее в кармане письмо.

— Да, Александр Александрович. На сегодня, пожалуй, хватит. И если вы не возражаете, для всех заинтересованных лиц, которые, несомненно, появятся, я буду придерживаться версии, что мы обсуждали возможности подъема с глубин Балтики сокровищ с бортов давно погибших кораблей, которые были обнаружены нанятой лично мною и капитаном 2-го ранга Протопоповым Николаем Николаевичем для поиска "Русалки" командой. Тем более что свидетельства подобных находок уже разошлись по рукам представителей высшего общества столицы.

— Да будет так, Виктор Христофорович. — устало махнул рукой император, — Можете быть свободны.

— До свидания, ваше императорское величество. — отдал честь Иениш и покинул кабинет хозяина земли русской.

Появившегося из кабинета императора Иениша в приемной окатили таким количеством удивленных, негодующих, завистливых и хладнокровных взглядов, что у того по спине промаршировал целый полк мурашек, каждая из которых была размером с кулак. Секретарь, вынужденный в течение нескольких часов сдерживать весь этот напор влиятельных особ, тоже наградил отставного офицера неприязненным взглядом, но, ознакомившись с протянутой запиской, сменил его на заинтересованный и попросил обождать. От ряда наиболее прожженных царедворцев этот последний взгляд, не ускользнул и те исподволь сами принялись разглядывать совсем недавно попавшего в немилость капитана 1-го ранга, потерявшего свой корабль вместе с большей частью экипажа. Узнали его абсолютно все, поскольку еще два месяца назад его портрет украшал первые страницы всех газет империи. И тем больше разгоралось внутри у присутствовавших в приемной господ чувство любопытства, от непонимания каким образом опальный офицер смог не только попасть на прием к императору, но и похитить немалые три часа его времени.

Стоило ли упоминать, что в этот день более никто из просителей так и не смог попасть на прием к Александру III, при том, что сам он просидел в своем кабинете до самой ночи? И даже семейный обед прошел без главы семьи, ограничившегося несколькими чайниками чая с выпечкой и небольшим количеством всевозможной нарезки.

В свою квартиру Иениш буквально ввалились на последних силах и подкашивающихся ногах. Встретившая его полным беспокойства взглядом Мария Алексеевна, не произнеся ни слова, в мгновение ока упорхнула в столовую и принесла прямо в прихожую рюмку коньяка. А потом еще две, когда к мужу присоединился их гость. И под конец вообще три — не в силах удержать рвущееся наружу волнение Мария Алексеевна позволила себе присоединиться к мужчинам. Лишь приговорив грамм сто пятьдесят, Иениш отмер и проявляя признаки жизни, принялся скидывать верхнюю одежду.

— Как все прошло? — осторожно поинтересовалась Мария Алексеевна.

— Тяжело, душа моя. — честно признался Иениш. — Сперва, даже думал, что не выдержу монаршего взгляда. Уж больно тяжел он у его величества.

— Но раз вернулись, значит, все прошло удачно! — тут же влез Иван, дабы отвлечь от тяжелых мыслей обоих супругов.

— Еще не знаю, Иван Иванович. Император очень тяжело воспринял переданную ему информацию. А от вашего письма вообще пришел в натуральную ярость! Я даже спрашивать боюсь, что именно вы в нем такого написали.

— Вот и не спрашивайте, Виктор Христофорович. — усмехнулся Иван, — Многие знания — многие печали, знаете ли.

— Да уж теперь точно знаю. — устало махнул рукой Иениш, — Главное, домой вернулся. А как дела дальше пойдут — время покажет.

— Ага, ага! Хотели наградить, но не расстреляли — и то хорошо. — усмехнулся Иван, перекатывая в руке давно опустевшую рюмку.

— Господи, да откуда у вас берутся все эти поговорки, Иван Иванович. — покачала головой Мария Алексеевна, припомнив немалое количество, время от времени выдаваемых Иваном фраз.

— Из жизни, Мария Алексеевна. Исключительно из жизни. — тяжело вздохнул он.

— Не приведи Господь такую жизнь — перекрестилась Иениш и кинулась помогать супругу снимать шинель.

— Будем стараться. — тихо произнес Иван, смотря в пол и полагая, что его никто не

слышит, отчего не заметил, как дернулась от последней фразы Мария Алексеевна.

Весь следующий день квартиру Иенишей никто не покидал и даже не отвечал на настойчивые стуки в дверь. Рассудив, что мог привлечь излишнее внимание к своей персоне, Иениш принял решение переждать время до следующей встречи с императором и как показали дальнейшие события, оказался прав. С самого утра их квартира оказалась под настоящей осадой. Не менее пары наблюдателей и невероятное количество визитеров, кои стучались в двери через каждые пол часа, наглядно показывали интерес, проявленный сильными мира сего к недавнему гостю его императорского величества, после встречи с которыми Александр III отменил все назначенные аудиенции, сославшись на неважное самочувствие, почему то до сего момента не мешавшее ему работать. Лишь после того как часы пробили десять вечера, в квартиру прекратили ломиться незваные посетители и просидевшие весь день тише воды ниже травы обитатели апартаментов смогли выдохнуть с облегчением, а Иениш тайком от супруги убрал в свой секретер верный Смит-Вессон 3-й модели, который держал под рукой с самого утра.

На следующее утро стоило выбритому до зеркального блеска, отглаженному и вычищенному с носков ботинок до кончиков ушей Иенишу показаться из парадной, как к нему, подобно черту из табакерки, довольно споро подскочил молодой человек, в котором капитан 1-го ранга мгновенно определил жандарма. Тот, успев разве что представиться, тут же надел на Иениша с предложением прокатиться до жандармского управления, дабы пролить свет на ряд вопросов, требующих скорейшего разрешения. Никакие отговорки о небывалой занятости на жандарма не действовали, но стоило Иенишу предъявить приглашение на аудиенцию от Александра III и посетовать, как тот может быть расстроен, не явись он пред светлы очи императора в назначенный срок, независимо от причины неявки, настырного жандарма как ветром сдуло. Ему тоже совершенно не хотелось вызвать недовольство августейшей персоны, как на себя, так и своих непосредственных руководителей.

— Доброе утро, ваше императорское величество. — отдал честь Иениш, стоило ему вновь перешагнуть порог рабочего кабинета Александра III.

— Здравствуйте, Виктор Христофорович. — кивнул со своего кресла император и жестом предложил присаживаться.

— Если позволите, ваше императорское величество, сперва я позволю себе позаботиться о вашем самочувствии и только после мы приступим к беседе. — решил проявить инициативу Иениш. — Помимо всего прочего, гость оставил мне небольшую судовую аптечку с немалым количеством лекарственных средств, которые, смею заметить, творят натуральные чудеса. Могу свидетельствовать на собственном примере. В день гибели "Русалки" все кому посчастливилось покинуть борт броненосной лодки вымокли до нитки. А осенние воды Балтики, Александр Александрович, не могут похвастать высокой температурой. Вдобавок, немало воды попало на борт принявшего нас катера, отчего многие часы офицерам и матросам пришлось провести стоя по щиколотку в воде. И как результат, к моменту как мы добрались до ближайшей деревеньки, абсолютно все успели подхватить сильную простуду. Но благодаря порошкам, таблеткам и припаркам из этой самой аптечки, уже на следующее утро все выглядели абсолютно здоровыми и чувствовали себя весьма неплохо. Заметив в свой прошлый визит, что вам нездоровится, я позволил себе принести сегодня с собой ряд порошков, таблеток и микстур, которые вам следует принимать в течение пяти дней. А непосредственно сейчас я бы предложил вам вот эти два препарата. —

Иениш выложил на стол бумажный конвертик, в который был пересыпан колдрекс и таблетку бисептола. — Данный порошок призван в кратчайшие сроки убрать негативные эффекты простуды, такие как головная боль, ломка суставов и высокая температура, ежели таковые имеются. А данная таблетка является тем самым лекарством, что я описывал вам ранее. И чем раньше вы их начнете принимать, тем больше шансов избавиться от заболевания и нивелировать его негативные последствия на организм. Естественно, дабы исключить малейшие возможности оказания данными препаратами негативного воздействия, сперва именно я приму часть данных средств. — Иениш завуалировано постарался убедить императора в отсутствии желания подсунуть ему какую-либо отраву. — Будьте любезны распорядиться принести чашки и кипяток.

Согласно кивнув, Александр III отдал распоряжение секретарю и поинтересовался здоровьем и делами своего собеседника.

— Благодарю, Александр Александрович. Со здоровьем уже весьма неплохо. Как смог определить мой гость, весь последний год я страдал от высокого кровяного давления. У него данным заболеванием мучалась матушка, и потому он знал немало лекарственных и народных средств для борьбы с данным недугом. И если еще четыре месяца назад мне, порой, даже с кровати подняться было не всегда возможно, то сейчас хоть вновь на мостик! Чувствую себя как молоденький мичман! Что же касается дел, как раз сегодня утром господа жандармы очень настойчиво приглашали меня на разговор в свои застенки. Только благодаря вашему приглашению и расстегнутой кобуре с верным револьвером смог от них отбиться. — мгновенно сдал охранку капитан 1-го ранга, пока разговор не перешел на более важные темы. — Как однажды сказал наш гость — "С помощью доброго слова и револьвера можно добиться куда большего, чем просто с помощью доброго слова".

Короткий смешок, вырвавшийся из уст императора, показал, что самодержец по достоинству оценил фразу.

— И ведь не поспоришь. — покачал головой Александр III. — А насчет внимания к вашей персоне со стороны жандармского управления можете более не переживать. Соответствующий приказ на ваш счет будет выдан незамедлительно. И я прошу вас не таить обиду на господ жандармов. Служба у них такая — бдеть.

— Я понимаю, Александр Александрович, но все равно неприятный осадок на душе остается.

Вскоре на большом серебряном подносе принесли заказанный кипяток и на всякий случай приложили к нему заварочный чайник и небольшой набор сладостей. Дождавшись пока лакей покинет кабинет, Иениш ссыпал в наполненную кипятком чашку порошок и хорошенько размешав, посмотрел на императора.

— Сразу должен предупредить, что вкус у него не сильно приятный, но и не гадостный. — отпив прямо из чашки, Иениш проследил как император, не торопясь, глоток за глотком опустошил посуду и раскрошив серебряной ложкой таблетку бисептола, закинул себе в рот отколовшуюся четвертинку. Император, не долго думая, последовал его примеру, после чего в воздухе повисло молчание.

— Минут через пять-десять должно подействовать, Александр Александрович. И мой вам совет, ближайшие пять дней провести в кровати, налегая на малиновое варенье и мед. Пусть они и не смогут вылечить тяжелое заболевание подобно данным лекарствам, но хотя бы поддержат организм питательными веществами. Естественно, если от вас поступит соответствующее распоряжение, все это время я проведу в отведенных мне апартаментах под

надежным присмотром.

— Не стоит, Виктор Христофорович. Если уж не доверять дворянину и офицеру положившему жизнь на служение родине, то кому тогда доверять? Вы ведь именно из того дворянского рода, что помнит свое истинное предназначение — служить отчизне, а не кутить по европейским столицам, прожигая жизнь и состояние предков.

— Благодарю за признание заслуг моих предков, ваше императорское величество. — встав и поклонившись не хорошему человеку Романову Александру Александровичу, но правителю России, отдал должное прозвучавшей похвале Иениш.

— Вы и ваш род, несомненно, заслуживаете его, Виктор Христофорович. — слегка склонил в ответ голову император. — А теперь давайте вернемся к теме нашего прежнего разговора. В прошлый раз вы заявили, что так или иначе начнете действовать, дабы предотвратить известные нам события. Можете поподробнее описать свои ближайшие планы? — поудобнее устроился в кресле император, с удовольствием отмечая, как досаждавшая последнее время ломота и легкая головная боль с каждой секундой отступают все больше и больше.

— Как вы сами понимаете, Александр Александрович, многое будет зависеть от вашего последнего слова. Будет ли мне дано право на определенные виды деятельности и оказана какого-либо рода поддержка в будущих начинаниях. Скажу сразу, чтобы вы не считали меня очередным проходимцем, желающим запустить свою руку в государственную казну, финансовая поддержка мне не понадобится. Наоборот, встав на ноги, я сам смогу приносить России определенный материальный доход хотя бы путем отчисления налогов.

— Допустим, вы получите мою поддержку. Каковы будут ваши действия в этом случае?

— Помимо укрепления позиций империи, буду стремиться зарабатывать деньги на всем чем только можно. Для начала, весной я планирую заняться судоподъемными работами. Воды Балтийского моря хранят множество погибших судов и кораблей, ряд которых несли в своих трюмах весьма ценные грузы. Помимо прочего, гость оставил мне координаты гибели ряда судов и прошлой осенью мы смогли убедиться, что они весьма точны. Та коллекция фарфоровых статуэток, что на Рождество были презентованы вашей семье, как раз была поднята с борта одного из таких судов. Ежели нам будет сопутствовать удача, то общая стоимость возможных находок должна превысить миллион рублей.

— Это весьма солидная сумма. — кивнул Александр III. — Но вы так говорите, будто имеете представление, что именно поднимете. Не кажется ли вам это немного странным?

— Не кажется, ваше императорское величество. Ведь зная название судна, можно найти и данные о его грузе. Особенно если груз был более чем ценным и специфичным.

— Будет ли мне позволено узнать, что же именно вы обнаружили? — заинтересовался император.

— Место крушения "Фрау Марии".

— Знакомое название. — нахмурился Александр III, силясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах он уже встречал наименование данного судна.

— Могу дать короткую подсказку, ваше императорское величество. — позволил себе улыбнуться Иениш, — Груза этого судна так и не дождалась Екатерина Великая.

— Боже! Вы нашли его!? — император тут же понял, о каком грузе идет речь.

— Пока еще нет. Но мы не сомневаемся в положительном исходе предприятия будущей весной.

— Да-а-а, если вам будет сопутствовать удача в сем деле, вы действительно сможете

озолотиться. Сотни произведений искусства, что пропали вместе с судном, несомненно, смогут найти новых владельцев весьма легко. Но мне, как ценителю прекрасного, будет горько осознавать, что столь великие исторические и художественные ценности не займут полагающихся мест в залах Зимнего дворца, где им, несомненно, самое место.

Не понять столь толстого намека посетитель не мог, и потому продолжил подводить императора к конечной цели данного разговора.

— Со своей стороны я придерживаюсь подобного же мнения, Александр Александрович. Я сам буду весьма счастлив, если нам удастся сохранить эти сокровища для будущих поколений. Однако, именно данные ценности, должны были обеспечить меня первоначальным капиталом, необходимым для вмешательства в известные вам события. Тем не менее, имеется решение способное удовлетворить оба условия.

— И какого же оно? — подобрался, словно изголодавшийся хищник, император, почувствовав, что столь желанные произведения искусства готовы приплыть к нему в руки.

— Я буду готов передать государству все, что будет обнаружено на борту "Фрау Марии" в обмен на один корабль из состава Балтийского Флота.

— Уж не хотите ли вы получить в личное пользование корабль 1-го ранга, в соответствии с вашим званием, Виктор Христофорович? — не обидно рассмеялся Александр III.

— Как бы мне подобного ни хотелось, я все же не позволю себе грабить родной флот, которому и так не достает кораблей подобного ранга, ваше императорское величество. — грустно улыбнулся Иениш, всю жизнь мечтавший занять мостик крейсера.

— В таком случае, на какой корабль вы положили глаз?

— В состав Балтийского Флота в настоящее время входят несколько единиц минных крейсеров. "Лейтенант Ильин" и несколько единиц типа "Казарский". Поскольку именно последние наиболее точно отвечают требованиям флота как по тактико-техническим характеристикам, так и по цене, единственный экземпляр минного крейсера "Лейтенант Ильин" обладающий меньшей скоростью при сравнимом вооружении выглядит черной вороной, в связи с чем и переведен в минный учебный отряд. Нам же, как раз более всех прочих подходит именно "Лейтенант Ильин". С одной стороны он не требует весьма крупного экипажа, что немаловажно для любой частной компании существующей исключительно за счет самообеспечения, с другой стороны, благодаря высокому борту и достаточному водоизмещению он весьма мореходен. К тому же благодаря паровозным котлам, он способен потреблять обычный уголь хотя бы на длительных переходах, что опять же сможет дать нам солидную экономию средств.

— Весьма развернутый ответ, Виктор Христофорович. Но в нем я не услышал, для чего именно вам понадобился военный корабль? Неужто, собираетесь поднять черный флаг и вернуть времена Моргана да Черной Бороды?

— Ни в коем случае, ваше императорское величество! Я бы ни при каких обстоятельствах не позволили запятнать чести России и ее монарха! Исключительно каперство! Однако не простое, а доступное к найму в любой момент любой страной!

— Объяснитесь. — в один миг посуровел император.

— Видите ли, там, где проживал гость, наши заклятые друзья с Туманного Альбиона придумали великолепную вещь! И назвали свое творение "Частная военная компания". Для случаев, когда где-либо в мире им необходимо применение военной силы, но при этом политическая обстановка не позволяет ввести государственные войска для отстаивания

своих интересов, и не получается подготовить достаточно сильную марионетку, такая марионетка получает возможность нанять частную компанию, обладающую, к примеру, штатом в пару тысяч человек обеспеченных современным оружием, артиллерией и даже собственным флотом. Именно эта сила создает ударный кулак, должный пробивать оборону оппонента, предоставляя возможность добить опрокинутого противника войскам политической марионетки. При этом, на родине сотрудников подобной компании, вернувшихся с очередного дела, ждали бы разве что семьи с распростертыми объятиями, да высокие премиальные от довольного начальства. И никаких судебных преследований за убийства граждан других стран! Этакие современные каперы. Конечно, вам, государю десятилетиями занимавшемуся не только укреплением обороноспособности страны, но и предотвращением войн, я ни в коем случае не буду советовать создавать подобную структуру для отстаивания интересов отечества в дальних краях мира. Слава богу, у нас в стране еще хватает чистых духом людей, готовых отправиться добровольцами для борьбы с беззаконием. Но, неорганизованные и кое-как вооруженные добровольцы никогда не смогут противостоять профессиональным военным. А сотрудники ЧВК, несомненно, таковыми и являются. Посему, в наших с Николаем Николаевичем планах было создание "Частной охранной компании" без какого-либо государственного участия, которую могли бы нанимать прочие страны для охраны своих границ или же интересов. Политика Великобритании имела, имеет и впредь будет иметь исключительно наступательный характер и потому многим понадобится сила, способная противостоять грубой военной агрессии. Тут на сцену и будем выходить мы — этакий гибрид французского иностранного легиона, военных советников, пограничной стражи и каперов. В свои ряды мы сможем принимать граждан любой страны. Наши базы и временные лагеря опять же могут быть размещены во многих странах. Но зарегистрировать компанию и платить налоги мы желали бы в России.

— Частная военная компания. Вот ведь шельмы! Название то какое! — цыкнул зубом русский самодержец, — Умеют же эти англичане подобрать нужные слова, когда это жизненно необходимо. По сути ведь пираты-пиратами! И вы хотите втянуть Россию в столь неблагоприятное занятие!?

— А, по вашему мнению, лучше сидеть и ждать, когда все начнет рушиться, ваше императорское величество? — сильно рискуя вызвать гнев императора, поинтересовался Иениш. — Мы с Николаем Николаевичем готовы очернить свои имена не просто участием, а организацией подобной компании. Потому что мы патриоты своей страны и видим, что иного рычага воздействия на грядущие события у России не будет. Все прочие страны мира не позволят России отстаивать и защищать свои интересы на официальном уровне! Взять, к примеру, нынешний год. Хотим мы того или нет, но Япония нападет на Китай и имея техническое превосходство, обеспеченное английским капиталом, французским и немецким вооружением, при поддержке американских инструкторов, непременно одержит верх. Как вы полагаете, будут ли они учитывать интересы озвученных стран при требовании контрибуции с Китая? То, что европейские страны не позволят Японии оккупировать немалую часть Китая — это тоже понятно. Но после этой войны Япония, несомненно, закрепится на континенте. Следом за Китаем они непременно займутся Кореей. А за Кореей, если мы взглянем на карту, идет граница Российской Империи. Огромная и малонаселенная территория, богатая природными ресурсами, к которой подвести войска из западных и центральных регионов России возможно не ранее нескольких месяцев с начала

конфликта. В результате, чтобы победить японцам надо будет всего лишь перетопить весь наш тихоокеанский флот, что, учитывая места его базирования, будет весьма легко. Это надо же! Базироваться в портах Японии! Наиболее вероятного противника! Да те же англичане не совершают подобной глупости, хоть и являются союзниками и учителями японцев в военноморском деле!

— Ваша правда. — тяжело вздохнув, признал император. — Войне быть. Сейчас это ясно как божий свет. И у Японии имеются весьма высокие шансы одержать в ней верх. Но как вы планируете, имея один минный крейсер, оказывать сопротивление флоту целой страны, если даже китайцы с их немалым флотом рискуют быть раздавленными?

— Во-первых, ввязываться в эскадренные бои непосредственно с японским флотом мы не собираемся. Во-вторых, за любое боевое задание мы будем выставять определенную цену, так что подставлять нас под сильный огонь китайцам самим будет невыгодно исключительно с экономической точки зрения. Разве что захотят избавиться, чтобы совсем ничего не платить, но на то нам и нужен достаточно быстрый корабль, чтобы иметь возможность уйти практически от любого противника. В-третьих, если предложить одному из многочисленных китайских чиновников долю в захваченных призах, полагаю, нас будут гонять исключительно на перехват транспортов снабжения, да свободную охоту близ японских берегов. А поскольку о любви к взяткам китайских чиновников ходят легенды, полагаю, подобное предприятие ждет несомненный успех. Если война продлится хотя бы год, то исключительно на продаже захваченных грузов и судов мы сможем заработать миллионы рублей и, естественно, заплатить с этих прибылей все полагающиеся налоги. — ударил Иениш под конец своей речи по самой болезненной точке империи — вечной нехватке средств в бюджете.

— Плюсов действительно немало. — задумчиво произнес император. — Вот только случись что экстраординарное, все шишки посыпятся именно на Россию. А у нас и так проблем хватает. К тому же вы сами упомянули, что порты базирования нашего тихоокеанского флота большей частью находятся в Японии, и хоть какой-нибудь альтернативой может стать разве что Шанхай. Но никто нам не позволит держать там весь наш флот.

— Часть сил, особенно легких, можно переориентировать на китайский порт Чифу и корейский Чемульпо. Как-никак я три года провел в тех краях и знаю, о чем говорю. Главное, заранее договориться и подвезти туда требуемое количество припасов. Но с более-менее серьезным ремонтом мы кроме как к японцам, действительно более ни к кому обратиться не сможем. — все же признал очевидный недостаток Иениш. — Но идеальных условий не бывает в принципе. — развел он руками, — Разве что мы захватим или купим какой-нибудь остров, который впоследствии объявим суверенным государством. А все его жители будут иметь двойное гражданство — Острова и Российской империи. И если начнут поступать претензии, то вы сможете смело посылать всех далеко и надолго, то есть к нам на Остров. Хорошо бы, конечно, захватить Формозу, пока японцы будут гонять китайцев. Но, боюсь, такого нахальства нам не простят. Да и сил освоить или удержать такой кусок суши ни у одной ЧВК не будет. И если вы не желаете подставлять под удар Россию, но все же не против проверить нашу идею в действии, почему бы не попросить оформить подобную компанию на своей территории у князя Черногории? Как вы полагаете, Никола I не откажет в просьбе столь ценного и весомого союзника? В крайнем случае, зарегистрируемся хоть в Трансваале! Все равно собирались туда заглянуть.

— Нет, Виктор Христофорович. Привлечь кого-либо к данной аванюре мы не станем. А для начала опробуем следующее — вы останетесь частным лицом, владельцем яхты. Вы, как частное лицо и бывший капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота заключите контракт как иностранный инструктор. Также в составе вашей команды будут числиться инструкторы по огневой и артиллерийской подготовке, штурманской, минной подготовке. Да даже кока вы оформите как инструктора по национальной русской кухне! И после прибытия в Китай вы возьмете себе на борт некоторое количество граждан Китая, которых и будете "обучать" науке мореплавания и морского боя. Как вам такой план, Виктор Христофорович?

— Подходит по всем пунктам, Александр Александрович! — просиял Иениш, только что получивший высочайшее одобрение.

— В таком случае, да будет так! Помнится, вы положили глаз на минный крейсер "Лейтенант Ильин"?

— Если ваше императорское величество дозволит выкупить его у флота, то я бы выбрал именно данный корабль. Как я уже говорил, в составе большого флота он уже никак не годится для исполнения своей первоначальной роли. Тем более что по скоростным характеристикам он уступает минным крейсерам типа "Казарский". А вот нам, как мореходный рейдер, имеющий достаточно высокий борт, чтобы не бояться ходить и в океанских просторах, способный дать ход в 19 узлов, подходит как нельзя лучше. Его бы только отремонтировать. Убрать тяжелые мачты, демонтировать всю малокалиберную артиллерию и установить вместо нее на верхнюю палубу два 120 мм орудия Канэ, что недавно были приняты на вооружение флота. Если вдобавок снять три из пяти минных аппаратов с запасами мин, то по весу подобная замена выйдет вполне равнозначной, а огневая мощь корабля повысится более чем значительно. К тому же сокращение экипажа вследствие подобной модернизации позволит взять на борт десантные отряды или призовые партии.

— И почему же мне не оставить вдруг ставший столь замечательным корабль в составе российского флота? — ухмыльнулся император, правда за густой бородой его улыбку разглядеть было невозможно.

— А в нашем флоте ему не будет никакой работы ближайшие десять лет. Через десять же лет он превратится в тихоходную и слабо вооруженную мишень для любого современного крейсера. Потому-то и стоит использовать все его преимущества именно сейчас, пока он способен на многое.

— Но ведь одного корабля вам будет никак не достаточно. Понадобится транспорт снабжения, экипаж для того и другого. Про припасы и средства на эксплуатацию подобной техники я уже не говорю. Откуда вы возьмете подобные средства? Ведь даже дай я согласие на продажу вам минного крейсера, он обойдется вам не меньше чем в семьсот тысяч рублей! Плюс тысяч пятьдесят на его переделку. Еще двести понадобится потратить на немолодой транспорт. А как же ежемесячные расходы на уголь и экипаж? Это же ежемесячные траты тысяч рублей! Имеются ли у вас подобные средства, Виктор Христофорович?

— Сейчас у нас на двоих с Николаем Николаевичем всего девяносто пять тысяч рублей и еще около семидесяти можно будет выручить после продажи оставшейся части поднятых со дна Балтики ценностей.

— Деньги немалые. Но их все равно недостаточно. Едва хватит на судно обеспечения.

— Несомненно, это так. И вся наша надежда, как я ранее говорил — на сокровища покоящиеся в трюме "Фрау Марии". Вот только работы по поиску и подъему мы сможем начать не ранее марта месяца, а модернизацию "Лейтенанта Ильина" желательно начать уже сейчас. Мы даже готовы профинансировать проведение работ и закупку вооружения с боеприпасами, дабы не возлагать излишнюю нагрузку на государственный бюджет. В том же случае, если мы потерпим полную неудачу с поднятием ценностей, минный крейсер останется на нашем флоте, но при этом на нем будет возможно обучать не только минных офицеров, но и артиллеристов. Мы же с Николаем Николаевичем выкупим какую-нибудь старую парусно-винтовую шхуну, и будем надеяться, что не попадемся на ней какому-нибудь японскому крейсеру.

— Что же, с модернизацией крейсера я вам подсоблю, но все остальное будет находиться исключительно в ваших руках. Найдете "Фрау Марию" — получите в обмен на ее сокровища минный крейсер. Слово императора!

— Благодарю, Александр Александрович. На большее мы и не смели надеяться.

— Кстати, а во сколько вы планируете оценить свои услуги?

— С учетом транспорта обеспечения и общего количества матросов не более 150 человек — в пятьдесят тысяч рублей ежемесячно при непосредственном участии в боевых действиях. Десять — при работе исключительно на торговых путях. Плюс половина от рыночной цены сданных заказчику трофеев. К тому же, любое из четырех захваченных судов, мы будем в праве сохранить за собой вместе со всем грузом. Но в любом случае снабжение углем и продовольствием — за счет клиента.

— И вы полагаете, что кто-то будет готов платить такие деньги?

— Во время войны? Когда на счету каждый боеспособный вымпел? Да нас с руками оторвут, Александр Александрович! Главное, чтобы кто-нибудь посоветовал тем же китайцам нанять нас. А уж засунуть нас в дальний угол или наоборот — бросить вперед как тех, кого не жалко, решать заказчику. Но откровенно безумные приказы мы будем иметь право не исполнять. И вообще, договор найма подобной команды — это работа не одного месяца для очень грамотного поверенного. Вдобавок, ко всему выше сказанному, все заинтересованные лица увидят, что Россия, пусть и не напрямую, но держит руку на пульсе и не пускает события, происходящие в зоне ее интересов, на самотек. — решил окончательно добить все больше склоняющегося к положительному ответу императора Иениш. — Так как, Александр Александрович? Попробуем?

— Рискнем, пожалуй. — все же сдался император. — И посему неплохо бы поднять бокалы за ваш будущий успех!

— Непременно поднимем, Александр Александрович. Но в ближайшее время исключительно с Сельтерской водой. Уж извините, что не предупредил ранее, но в течение всего срока приема лекарств алкогольные напитки вам пить никак недопустимо. Да и в дальнейшем злоупотреблять ими не рекомендуется. Такова плата за излечение. — развел руками Иениш, как бы давая понять, что сам он неимоверно сожалеет о подобном ограничении, но ничего поделать с этим не может.

— Как же так? Совсем нельзя. — не на шутку испугался император, привыкший каждый день отдавать должное отличному коньяку или прохладной водочке.

— Гость говорил, что во время приема лекарств — вообще ничего. — сказал, как отрезал, Иениш, — Но потом бокал или два красного вина в день негативного эффекта давать не будут. Вот только ничего более крепкого употреблять не стоит.

— Хотя что-то. — тяжело вздохнул расстроенный до глубины души император и постарался увести разговор с больной темы, — Но чем же вы планируете заниматься в перерывах между войнами? Все же боевые действия будут вестись не каждый год.

— С вашего позволения, мы желали бы заняться освоением и развитием Дальнего Востока. Сейчас на том же Сахалине живут разве что ссыльные поселенцы, работающие на добыче рыбы или небольших угольных разрезах. Про Камчатку я вообще молчу. А ведь между тем это два богатейших ископаемыми и биологическими ресурсами места! Сейчас сотни японских и американских браконьеров зарабатывают огромные деньги, промышляя в наших краях! И мы намерены полностью пресечь столь наглые действия иностранцев, начав с развития настоящего рыбопромышленного комплекса на Сахалине и Камчатке. В одном из разговоров с нашим гостем, я к своему изумлению узнал, что у них весьма ценными являлись дальневосточная красная икра и крабы.

— Красная икра и крабы? — неподдельно удивился Александр III. — Насколько я помню, Николай, вернувшийся после своей поездки в те края, рассказывал мне, что этой самой икрой там едва ли не собак кормят, поскольку девать ее некуда. А крабы? Ни в одной кухне мира не встречал блюд из них!

— И, тем не менее, у них эти дары моря являлись очень дорогими деликатесами, кои научились сберегать. Да и обычные рыбные консервы, а также ценные меха с тех мест также будут входить в зону наших интересов. А густозаселенные Китай и Япония смогут обеспечить нас неплохим рынком сбыта. Все же везти все это в европейскую часть России видится пока изрядно накладным мероприятием.

— Все так. — тяжело вздохнул император. — Велика империя наша. Земли много, людей много, а дорог мало. Ну да ничего. Придет срок, и в те края железную дорогу дотянем. Кстати, — вынырнул из нахлынувших дум император, — а что с иноземными браконьерами думаете делать, коли встретите?

— Ежели на то будет ваша воля, Александр Александрович, будем с ними по мере сил бороться. Вот только без должного вооружения мы вряд ли многое сможем сделать. — Иениш бросил на своего августейшего собеседника испытующий взгляд.

— Продолжайте, Виктор Христофорович. Я вас внимательно слушаю.

— Желательно было бы получить позволение оснащать суда участвующие в промысле малокалиберной артиллерией. Одна или две 47-мм пушки смогут охладить пыл любого браконьера.

— Борьба с браконьерами — это прерогатива Сибирской Военной Флотилии. И дай я вам, гражданским лицам, позволение не только владеть, но и применять артиллерийское вооружение, вскоре подобные привилегии затребуют и остальные. А что начнется после? Хаос?

— А если все наши суда будут числиться в частной охранной компании, с которой у Российской Империи будет заключен официальный контракт на охрану ее рубежей? — забросил еще один камушек в огород Иениш. — С ежегодной оплатой в один рубль. — уточнил он через пару секунд, видя, как кривится лицо императора от одной только мысли, во сколько могут обойтись государству подобные услуги.

— В один рубль? — не поверил тот своим ушам.

— Именно, Александр Александрович. И сделать такую ставку следует официальной. Вряд ли в этом случае найдутся тысячи и даже сотни желающих содержать и судно и вооружение за своей счет. А коли появятся свободные охотники, что примутся задерживать

браконьеров, так что с того? Государство ведь ничего не потеряет, а только приобретет. Главное, четко определить дозволенные границы поведения. А то ведь у нас действительно найдутся горячие головы, что кинутся пиратствовать налево и направо.

— То-то и оно, что найдутся! — Александр III чувственно хлопнул ладонью по столу. — Ведь глазом моргнуть не успеют, как всю империю подставят, шельмы! Но идея все же стоящая. Этакие морские казаки у нас могут получиться. — побарабанив пальцами по столешнице, он продолжил, — К данной теме мы еще вернемся, Виктор Христофорович, но позже. Много позже. Слишком много фактов требуется взвесить и оценить.

— Как скажете, Александр Александрович. — покорно склонил голову Иениш.

— А помимо рыбы, еще чем-нибудь планируете заняться?

— Несомненно. Одновременно мы собираемся отправить геологоразведывательную партию на Аляску. Опять же по данным гостя, на ее землях имеется место богатое золотом. Таковую же партию мы подготовим для Трансвааля. Конечно, сейчас там правят бал англичане, но не могут же они разрабатывать абсолютно все золотоносные участки. А золото, как я полагаю, России ой как необходимо.

— Что же, на подобные действия я могу вас только благословить.

— Если это было бы возможно, то помимо благословения мы просили бы выдать нам впоследствии генеральную привилегию для промысла на утвержденных рыболовных участках Сахалина и Камчатки, чтобы избежать возможной конкуренции со стороны японцев. У них имеется немало средств для подкупа какого-либо российского подданного, чтобы тот брал подобную лицензию на себя, но все работы выполнялись японцами без какого-либо присмотра с нашей стороны. Нисколько не сомневаюсь, что нечто подобное творится уже долгие годы. В результате, страна теряет огромные средства, которые могли пойти на развитие наших дальних рубежей. А уж спрос на морепродукты у японцев никогда не упадет.

— Если вы не возражаете, Виктор Христофорович, к этому вопросу мы вернемся после окончания войны Японии с Китаем.

— Как вам будет угодно, Александр Александрович. Но будет ли нам дозволено отправлять во Владивосток и Петропавловск те из захваченных судов, что мы решим оставить себе?

— Дозволено. Но только после получения решения суда о конфискации судна.

— Благодарю, Александр Александрович. Полагаю, что с решением суда у нас не возникнет особых проблем. Как однажды сказал гость — "Китайские чиновники такие чиновники".

— Ха-ха-ха-ха. — искренне рассмеялся император, — Как я жалею, что мне не удалось лично побеседовать с этим удивительным человеком. Одни только его фразы чего стоят! Краткие, но емкие и неимоверно жизненные. Интересно, они там все такие?

— Теперь мы это вряд ли узнаем, Александр Александрович. — пожал плечами Иениш.

На сей раз встреча императора с капитаном 1-го ранга в отставке Иенишем Владимиром Христофоровичем продлилась немногим более полутора часов, после чего Александр II отошел от государственных дел на целую неделю, породив в высшем обществе очередную волну слухов о поймавшем удачу за хвост командире погибшей "Русалки".

С

топами Филеаса Фогг

а

Зимовавший в Кронштадте, под боком у Минного офицерского класса и Минной школы, в ожидании весеннего ледохода, минный крейсер "Лейтенант Ильин" в последний день Января 1894 года оказался внезапно оккупирован целой стайей мастеровых Пароходного завода и переживавших зиму на берегу матросов.

Поминая добрым словом многомудрое начальство, внезапно решившее провести скорейшую модернизацию первого русского минного крейсера, мастеровые, выдернутые по одному-двое с работ по достройке прочих судов и кораблей, в сопровождении моряков разбрелись по застывшему во льдах "Лейтенанту Ильину", суя носы во все закоулки небольшого корабля. Утвержденный список работ был не столь уж велик по сравнению с работами по достройке того же броненосца "Наварин", но попробуй поработать с железом, когда на улице температура не поднималась выше минус пятнадцати.

Полностью покрытый льдом и изморозью, впавший в спячку корабль принялся нехотя пробуждаться. Разогнанная светом десятков оживших ламп темнота внутренних отсеков открывала оценивающим взглядам лишь полное запустение, да чудные картины нанесенные изморозью на переборки, до которых не дотягивалось тепло от дежурного котла.

Установленная в целях экономии бюджетных средств малокалиберная артиллерия и тысячи небольших снарядов к пушкам Гочкиса в будущем должны были уступить место двум современным орудиям куда более серьезного калибра, для чего требовалось серьезно переделать подпалубное пространство бака и юта для установки подкреплений способных выдержать вес и отдачу нового вооружения. И если в носовой надстройке ничего сверхсложного делать не планировалось, то в кормовой вновь вставал больной именно для данного минного крейсера вопрос о каютах для офицеров. Судя по всему, их ожидала уже третья перепланировка за неполных семь лет службы крейсера и в очередной раз она должна была привести к уменьшению жизненного пространства. К тому же требовалось решить вопрос размещения и доставки боекомплекта к кормовому орудию. Имеющаяся система никак не подходила для новых снарядов превосходящих своих младших коллег только по весу почти в десять раз. А ведь еще немаловажное значение имели их габаритные размеры.

А, учитывая, что Балтийский завод, забитый заказами под завязку, не смог выделить ни одного инженера и ограничился предоставлением лишь ряда чертежей, нанятый для проведения необходимых расчетов инженер с частной верфи Бритнева лишь хватался за голову. К тому же отведенные на работы сроки поражали воображение — всего два месяца! В начале же апреля обновленный минный крейсер должен был прибыть к Балтийскому заводу для монтажа новых орудий.

Оценив объем работ, и вознеся хвалу Господу за участие в разработке и постройке миноносков для российского флота, когда приходилось экономить каждый квадратный дюйм внутреннего пространства и каждый фунт веса, инженер тяжело вздохнул и принялся за замеры помещений, поскольку особо сильной веры чертежам у него не было. Все же во время постройки мастеровые зачастую сами решали на месте то и дело возникающие проблемы, что в конечном итоге приводило к немалым девиациям реальных размеров и помещений судов и кораблей. И если где-нибудь в Англии или Германии корабли одной

серии действительно походили друг на друга, то построенным в России скучное единообразие никак не грозило. Тот же черноморский "Капитан Сакен", что закладывался по одним чертежам с "Лейтенантом Ильиным" мог похвастаться единообразием со своим коллегой, разве что конструкцией корпуса от киля до жилой палубы, причем даже форштевень уже был иным. Все же прочее, включая силовую установку, котлы, вооружение — серьезно отличалось от установленного на балтийском минном крейсере.

Первым шоком для инженера стали швабры, ведра и ветошь в помещении, где согласно чертежам располагался бортовой минный аппарат. Причем с противоположного борта картина полностью повторилась, правда имущество на импровизированном складе хранилось несколько иное. Лишь через четверть часа внимательного изучения чертежей и разглядывания кладовок, он нашел признаки крепления минных аппаратов и глухой заделки амбразур. Вскоре прибывший старший офицер минного крейсера, только-только заступивший в начале года на эту должность, подтвердил, что минные аппараты имелись, но были демонтированы еще пять лет назад. Сам лейтенант Клапье де Колонг узнал об этом случайно, лазая после прибытия по всему кораблю в сопровождении матроса служившего на "Лейтенанте Ильине" не первый год.

Выяснив в процессе знакомства, что корабль будет модернизироваться и перевооружаться на гораздо более мощную артиллерию, лейтенант не стал чинить препятствий инженеру и мастеровым, уже принявшимся за демонтаж пятиствольных 37 мм пушек, коими корабль был повсеместно утыкан. Хотя, зная он, что после переделки минный крейсер будет продан частному лицу, наверное, не был бы столь воодушевлен и уж тем более не оказывал бы должного содействия. Но, пока данной информацией располагали всего четыре человека во всем мире.

Одно из главных опасений вызывал вес орудий, способный повлиять на дифферент корабля. Особенно сильно он мог сказаться в носовой части, где едва хватало свободного пространства для установки 120 мм пушки Канэ. В результате, нос мог оказаться перетяжелен, что неминуемо влекло за собой ухудшение мореходных возможностей и снижение скорости корабля. Вдобавок, Обуховский завод только-только начал производство первой партии подобных орудий и потому не располагал точными весовыми характеристиками конечного результата. Размещение же подобного орудия на корме, вызывало куда меньше вопросов, но вместе с носовым создавало очередную проблему — после получения массогабаритных размеров орудий требовалось засесть за расчеты напряжения корпуса минного крейсера в центре, чтобы он просто-напросто не переломился пополам на высокой волне. И ко всему прочему требовалось немало времени и не имеющейся в наличии информации для вычисления совмещения центра массы орудий с осью их вращения, чтобы при развороте на борт, они не заставляли небольшой крейсер крениться.

Через пять дней на минном крейсере осталось всего две 47 мм пушки Гочкиса, расположенные в бортовых спонсонах и два носовых минных аппарата, демонтировать которые в сложившихся условиях не представлялось возможным. Прочие же пушки, кормовой минный аппарат и боеприпасы были сданы на хранение в Кронштадтский порт. Туда же вскоре отправились обе тяжелые мачты и паруса. Модернизация крейсера предусматривала отказ от парусного вооружения и потому планировалась установка двух облегченных мачт пригодных разве что для подачи флажных сигналов.

В результате, в первых числах февраля, очищенная от всего, что к ней было прикручено,

верхняя палуба из двухдюймовых досок начала сниматься, чтобы облегчить доступ мастерам к помещениям ютовой и баковой надстроек.

Кают-компания и офицерские каюты переносились под броневую палубу, на место кормового минного аппарата и склада мин, с очередным уменьшением размеров. Осложнялось это дело еще тем, что как раз между ними планировалось устроить склад и конвейер подачи 120 мм патронов, поскольку складировать боезапас непосредственно под орудием, без какого-либо прикрытия броней способной защитить хотя бы от осколков, означало сознательно устраивать на борту пороховую бочку способную рвануть в любой момент. В самой же кормовой надстройке, после установки подкреплений и фундамента станка орудия, все оставшееся свободное место планировалось отдать под матросский кубрик.

По старой русской кораблестроительной традиции, вместо запланированного месяца работы велись все полтора, причем впоследствии матросы были вынуждены самостоятельно исправлять множество мелких недоделок. Но на русском флоте к этому привыкли со времен Петра Великого и потому хоть и ругались на мастеровых, но умудрялись доводить все до нужной кондиции. Также, в соответствии с все той же традицией, модернизация привела к серьезному увеличению веса. После установки обоих орудий и загрузки боекомплекта сухой вес минного крейсера увеличился на одиннадцать с половиной тонн, что незамедлительно сказалось на скорости корабля и дальности хода. Чтобы хоть как-то компенсировать перевес пришлось полностью отказаться от орудийного щита для кормового орудия и смириться с сокращением количества топлива. Свободное место для угля, конечно, оставалось, вот только с полной загрузкой "Лейтенант Ильин" мог дать не более 18 узлов при форсированном дутье даже после полной переборки машин и чистки котлов. И это на самом лучшем угле! Носовое же орудие изначально планировалось оставить без щита, поскольку, возвышаясь над палубой, оно едва не перекрывало весь обзор находящимся в ходовой рубке. Будучи же оборудованным щитом, оно гарантированно скрывало от рулевого какой-либо вид прямо по курсу корабля. Перестраивать же рубку и приборы управления сочли долгим, затратным и потому излишним.

Ситуацию с перегрузом частично мог решить отказ от третьей части боекомплекта, но оставлять всего по 100 снарядов на орудие, имеющее техническую скорострельность в 12–15 выстрелов в минуту, никто не решился. И так боекомплект в 150 унитаров был признан минимально допустимым.

Дополнительных полтора, а то и три узла, как первоначально планировалось при проектировании, могли бы дать новые котлы, построенные с соблюдением всех технологий и способные обеспечить достаточную паропроизводительность. Но для получения гарантий заказывать их надо было в Англии или Германии, что опять же не устраивало будущего владельца минного крейсера по срокам. Да и цена подобного ремонта выходила весьма изрядной. Одно радовало, при сохранении трети боекомплекта и половины стандартной загрузки топлива, "Лейтенант Ильин" все же смог показать скорость в 19,3 узла чего не случалось с момента сдаточных испытаний.

Однако, не смотря на ряд выявленных при проведении испытаний недостатков, новое вооружение показало себя во всей красе. Орудия при повороте на борт полностью уравнивались, да и серьезного увеличения дифферента на нос удалось избежать. И корма все равно сидела в воде на пол метра ниже. Правда, для этого большую часть боекомплекта бакового орудия пришлось разместить по центру корабля, в минном погребе

прямо под каютой капитана. У самого же орудия в баковой надстройке были устроены четыре обшитых 6-мм броней беседки на десять патронов каждая, которые по мере расхода снарядов заполнялись бы из центрального склада. Вот только таскать снаряды матросам предстояло вручную, да еще по верхней палубе. Проблем с нагрузкой на центральную часть корпуса корабля тоже не возникло — как оказалось, "Лейтенант Ильин" был спроектирован с немалым запасом прочности главных продольных связей.

Из более мелких изменений можно было упомянуть перенос обоих прожекторов с носа и кормы на крылья мостика, взамен демонтированных 37-мм орудий. Оставлять их на прежнем месте после установки новых орудий было никак нельзя, поскольку первый же выстрел вдоль продольной оси корабля, грозил просто-напросто снести прожекторы. Также поменяла свое местоположение передняя мачта, разместившись прямо за первой дымовой трубой и камбузом.

Проведенная модернизация хоть и позволила "Лейтенанту Ильину" приблизиться по огневой мощи к английским минным крейсерам типа "Бумеранг", окончательно похоронила его как корабль с серьезным минным вооружением, каковым он изначально и планировался. Тем легче оказалось списать его по причинам технического несоответствия возлагаемым задачам и после демонтажа вооружения продать частному лицу как винтовую яхту. Вооружение же вместе с боеприпасами до лучших времен было запрятано на склады Кронштадтского порта. А пока собранная авторитетная комиссия занималась бумагомарательством по списанию минного крейсера, будущий владелец вовсю рыскал по дну Балтийского моря в поисках кладов погибших кораблей.

В начале марта, стоило сойти большей части льдов в Финском заливе, в Гельсингфорсе появился отставной капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота Иениш Владимир Христофорович. За три дня он обошел ряд владельцев небольших шхун, договорившись с двумя из них об аренде на месяц, и не теряя времени, уже 7 марта вывел оба судна, загруженных водолазным снаряжением и лебедками в море. Вновь светиться в Турку, по которому за зиму успели расползтись слухи об удачливом кладоискателе Иенише, он не хотел и лишь направил туда одну из шхун, чтобы забрать из крытого ангара зимовавшего там "Шмеля". Мало ли как могли отреагировать местные моряки и рыбаки на его очередной поход за сокровищами? Ведь могли найтись любители отъема денег у населения, способные и пулю в грудь всадить при необходимости. Особенно за очень большие деньги.

Вместе с Иенишем в новый выход отправился и костяк старой команды — оба показавших себя с лучшей стороны водолазы и успешно легализовавшийся Иван, к которым примкнул взявший отпуск Протопопов, пожелавший самолично поучаствовать в поисках сокровищ.

В соответствии с предварительными планами, сразу за поиски "Фрау Марии" они решили не браться и сперва поднять ценности с неизвестного корабля потерпевшего крушение у острова Мулан. К удивлению всех участников первого похода за зипунами, на сей раз, обнаружить покоящееся на дне судно удалось уже на третий день.

Тут же спущенные на дно водолазы практически на ощупь в непроглядной мути обнаружили небольшую двухмачтовую шняву, забитую до отказа бочками и лежащим навалом холодным оружием с доспехами. Будь они экспедицией собранной каким-либо историческим обществом, обнаруженные залежи оружия, несомненно, привели бы ее участников в неопикуемый восторг. Вот только организаторам требовались не столько культурные ценности, сколько веселые фунты. Потому, подняв на борт шхун пару сотен

экземпляров обнаруженных доспехов и вооружения, где находки, не смотря на заворачивание в промасленную парусину, мгновенно принялись покрываться ржавчиной, они посоветовали водолазам заняться бочками, а все железо, мешающее работам по очистке трюма, сбрасывать рядом с бортом.

Из-за низкой температуры воды, водолазы, не смотря на теплые одежды, могли работать под водой не более двадцати минут за раз, отогреваясь и отдыхая после каждого погружения не менее двух часов. Даже переход на посменную работу не сильно ускорил проводимые работы, оттого первая по-настоящему ценная для кладоискателей находка была поднята смонтированной между палубами двух шхун из бруса и лебедок импровизированным краном лишь на седьмой день с момента обнаружения судна.

Небольшой бочонок, откопанный из-под слежавшихся вместе доспехов и кучи нанесенного в трюм песка, оказался до краев забит старыми серебряными монетами. Награбленные в начале семнадцатого века шведскими войсками в Новгороде, они так и не принесли счастья новым владельцам, на века упокоившись в водах Балтики вместе с новыми владельцами, так и не добравшимися до родных берегов с неприветливой к захватчикам Московии. Несколько обнаруженных при раскопке трюма черепов и прочих человеческих костей явно свидетельствовали о несчастливой судьбе команды и пассажиров шнявы.

В течение следующей недели на борт шхун были подняты еще семнадцать бочонков, но лишь шесть из них хранили в себе серебро, прочие же были под завязку забиты стрелами, а в одном сохранилось вино, пробовать которое, правда, никто не решился. Без малого двадцать пудов серебра стали добычей удачливых кладоискателей, вот только подсчитав цену которую можно было выручить за сдачу серебра в казну, взявший на себя роль казначея, Иван лишь поморщился. Выходило около двенадцати тысяч рублей при том, что впоследствии из такого количества серебра на монетном дворе могли отчеканить все восемнадцать. Естественно, эти двенадцать тысяч были неплохими деньгами, вот только на данную экспедицию они уже затратили три тысячи и остаток средств, в связи с будущими тратами, выглядел весьма жалко. Куда больше можно было выручить, продав монеты нумизматам. Вот только подобное могло растянуться на долгие годы, а деньги были нужны уже вчера.

Последними же ценностями забранными с борта давно погибшего судна стали два бронзовых колокола отлитых в смутные времена, когда род Рюриковичей закончился со смертью Ивана IV, а род Романовых еще не взошел на престол Руси. Об этом можно было судить по записям, отлитым на одном из колоколов и восхвалявшим государя Бориса Годунова. С одной стороны это опять же была невероятная археологическая находка. С другой же стороны, она, несомненно, бросала тень на августейшую фамилию, указывая, что и помимо них имелись правители в истории государства российского. Конечно, никто из этого никакой тайны не делал. Но одно дело — не запрещать гражданам интересоваться историей своего отечества, из которого можно узнать о смене правящей семьи и совсем другое дело изо дня в день видеть наглядное доказательство. Вот только выкинуть поднятые с немалым трудом колокола ни у кого не поднялась рука, и потому Иениш оставил решение о их дальнейшей судьбе за императором.

— Так как, Иван Иванович, будем пытаться поднять карету, что мы оставили на "Святом Михаиле"? — ознакомившись с финансовыми расчетами и оттого взгрустнув, поинтересовался Иениш. — Идти до него не так уж далеко и поскольку на сей раз улов не оказался столь же удачным как предыдущий, имеет смысл слегка увеличить его. Тем более

что теперь размеры арендованных судов вполне позволяют осуществить работы по подъему.

— Не думаю, что это окупится, Виктор Христофорович. — покачал головой Иван. — Была бы она из чистого золота — это одно дело. А так. Сплошные расходы. Тем более стоит ее достать со дна как она рассыпится в труху. А если даже уцелеет, в чем я все же сомневаюсь, то непременно перейдет в собственность императорской семьи. Вы ведь не откажете его императорскому величеству в скромной просьбе о безвозмездной передачи в коллекцию одного из дворцов обнаруженный экипаж так и не сумевший покатать его пращуров? Так что пусть остается там, где стоит. Глядишь, будущие поколения смогут поднять ее лет через сто и сохранить." хитро улыбнувшись, подвел итог их второму походу за зипунами Иван.

Понимающе кивнув, Иениш отдал приказ убирать бакены и уже через полтора часа принявшая в кильватер вторую шхуну белоснежная "Олеся" на семи узлах пошла к Санкт-Петербургу. Сразу браться за поиски "Фрау Марии" истосковавшаяся по берегу за более чем две недели, проведенные в море, команда не решилась. Да и сгрузить уже найденное в какое-нибудь надежное место, во избежание возможных неприятностей, казалось неплохой идеей. К Кронштадту обе яхты подошли в полдень следующего дня, и уже через час швартовались под боком у миноносцев постоянно дежуривших в одном из наиболее востребованных портов империи. Как и с кем договаривался Иениш непосредственно в порту, Иван не знал, но никакие пограничники или таможенники в их сторону даже не посмотрели, когда их небольшая эскадра из двух маломерных судов заняла места у пирса.

Стоило шхуне замереть, как обряженный в мундир Иениш скрылся в неизвестном направлении, утащив с собой Репина, нагруженного корзинами с коньяками и шампанским. Оставшийся за старшего Протопопов лишь тяжело повздыхал по этому поводу, поскольку сам был не против встретиться со старыми друзьями и знакомыми дабы вкусить вместе с ними плоды цивилизации в виде десятка бутылок с алкоголем. Но, кто-то должен был остаться и потому пока Иениш гробил в теплой компании свою печень, Николай присоединился к засевшему в единственной каюте Ивану. Тот, чтобы скоротать время, еще вчера засел за точный подсчет и опись всего, что подняли на борт шхун с обнаруженного судна. Пребывавший в изрядно подпитом состоянии Иениш вернулся лишь спустя три часа, но как настоящий командир, не смотря на свое состояние, принялся за организацию работ по разгрузке и перевозке всего добытого на небольшой буксирный пароходик, что должен был доставить их по Неве как можно ближе к дому, где проживала семья Иениш. Вместе с Виктором Христофоровичем в дальнейший путь должны были отправиться Иван, а также оба водолаза. Протопопову же надлежало подготовить обе шхуны к новому выходу и разместить их небольшие экипажи на постой, чтобы дать людям возможность отдохнуть и расслабиться.

Сказать, что Мария Алексеевна была обрадована, удивлена и поражена, когда в квартиру ввалился изрядно принявший на грудь супруг в сопровождении краснолицых от натуги матросов, тащивших в руках пузатые и звенящие содержимым котомки, значило не сказать ничего. Не смотря на прожитые годы и дворянское воспитание, она чуть было не принялась прыгать на месте, хлопая от кипевшего внутри коктейля чувств в ладоши, словно маленькая девочка. С выдохом опустив тяжелую ношу на пол, матросы, утерев трудовой пот, потянулись обратно на лестницу, за следующей партией серебряных монет, а Иениш, приобняв супругу, расплылся в счастливой улыбке.

— Дорогая, нам с Иваном Ивановичем вновь сопутствовала удача!

Покачав головой и поцеловав мужа, Мария Алексеевна улыбнулась и окинув взглядом рассыпавшиеся по полу из развязавшейся котомки старинные монеты, шутливо пожурела его — Если так пойдет и дальше, дорогой, то наша квартира рискует превратиться в подобие Зимнего дворца. У нас до сих пор гостиная, твой кабинет и гостевая комната забиты прошлыми находками. А вы все новое тащите. Я уже даже не знаю, куда это все складывать.

— Не переживай, дорогая, на сей раз объем находок куда меньше предыдущего, да и ценность, к сожалению, тоже. Но ты, несомненно, права. Если так пойдет и дальше, то квартиры нам скоро будет мало. И так сейчас пришлось две самые тяжелые и громоздкие находки сдать на склад военного имущества в Кронштадте.

Разговор был прерван вновь ввалившимися в прихожую матросами, дышащими как загнанные лошади. В общем итоге Коротаевский и Репин сделали тридцать ходок, чтобы доставить все прихваченное со шхун серебро и большую часть оружия, за исключением мелочей, прихваченных матросами себе на сувениры. А после получасового чаепития, когда к компании присоединился Иван, получившие по три сотни рублей водолазы, поспешили распрощаться и пообещав прибыть через два дня, испарились в мгновение ока. Не смотря на не первый опыт получения солидных вознаграждений, столь большие для простых матросов деньги все еще неимоверно жгли руки.

Остаток дня и весь следующий ушли на окончание пересчета монет и их сортировку, после чего, взяв по несколько монет каждого образца, Иван с Иенишем наведались к столичным нумизматам и антикварам. Не смотря на посредственное состояние, все монеты были приняты любителями старины с благоговением и чуть ли не обнюханы. А уж когда среди прочих были обнаружены редчайшие монеты времен правления Ивана Грозного и Бориса Годунова, добрые и милые собиратели старинных монет, превратились в натуральных бультерьеров и вцепившись в своих посетителей мертвой хваткой, буквально требовали немедленно продать им приглянувшиеся монеты, от одного взгляда на которые у них от нетерпения начинали трястись руки. Причем цены порой доходили до сотни рублей за монету.

Быстро смекнувший что к чему, Иван решил не доводить до крайности, устраивая аукцион, но со своей стороны выставлял условия приобретения приглянувшихся монет только с довеском из пары сотен прочих, тоже стоявших немалых денег. Естественно, за один день много обговорить не удалось, но предварительные согласия от одиннадцати заинтересованных лиц он успел поручить и всю дальнейшую работу взвалил на хрупкие плечи Марии Алексеевны, передав ей свои записи. Она и так потихоньку занималась продажей остатков мейсенского фарфора, а потому в среде столичных антикваров уже успела стать довольно известной персоной.

Две небольшие шхуны, сверх меры загруженные углем и провизией отвалили от приютившего их на три дня пирса и потихоньку дымя изящными белыми трубами, на семи узлах отправились в свое, наверное, самое главное плавание. Поскольку "Фрау Мария" залегала на сорокаметровой глубине, да еще в шести милях от ближайшего острова Юрмо, в отличие от предыдущих находок, нашедших свой конец вблизи берегов, ее поиски могли затянуться надолго, а то и вообще провалиться. Все же система ориентирования в эти времена опиралась исключительно на математические навыки штурмана и его опыт. Именно по этой причине, Иениш заранее договорился с двумя штабс-капитанами корпуса штурманов, которые по причине нехватки мест на судах и кораблях были вынуждены прозябать во флотском экипаже. Каждый из них должен был самостоятельно производить

счисления и впоследствии сравнивать полученные результаты с теми, что производили Иениш с Протопоповым.

Отметив квадрат примерно в квадратную милю импровизированными бакенами, "Олеся" с идущим на буксире "Шмелем", принялась на двух узлах прочесывать огороженный участок. Ничего не обнаружив в течение недели поисков, Иениш принял решение увеличить квадрант поисков вдвое. Лишь 10 апреля им улыбнулась удача. На экране трудившегося без перерыва эхолота проступили очертания судна и уже через пол часа поднятые из воды водолазы делились с прочими впечатлениями от увиденного.

В сильной мути, где даже специальные подводные фонари мало чем помогали, Коротаяевский и Репин буквально на ощупь обнаружили "Фрау Марию" уткнувшись в ее борт руками. Осмотр показал, что корпус сохранился почти идеально и лишь немного покрылся донными отложениями, а вот ют оказался полностью разбит, как и большая часть палубы, так что через проломы и вырванные трюмные люки можно было рассмотреть множество старых керамических курительных трубок перемешанных с песком, глиной и илом.

Обследование и зачистка трюма не принесла бы особых проблем, если бы не глубина на которой покоилось судно. Тот же Репин впервые в своей жизни погрузился на такую глубину и если бы не множество советов наиболее квалифицированного во всей России водолаза, покорявшего даже глубину в шесть десятков метров, вполне мог заработать кессонную болезнь, ежегодно уносившую жизни и здоровье десятков водолазов. К тому же температура воды не позволяла находиться на дне более получаса, из которых не менее половины времени занимали спуск и подъем водолаза. В результате, даже постоянно сменяясь, оба водолаза могли проработать непосредственно на раскопках трюма не более полутора часов в день. В результате, подъемные работы грозили затянуться на месяцы и потому Иениш, скрипя сердцем, позволил выбрасывать все, что не напоминало стоящие вещи прямо за борт, как они это ранее проделали с залежами оружия на шведском корабле.

За всю первую неделю на борт шхун были подняты лишь пара сотен уцелевших курительных трубок, которые должны были пойти на сувениры и три сотни слитков, которые, к сожалению черных археологов, оказались не серебром, а цинком. Две последующие недели оказались богаты на фарфор — вновь сотни аккуратно поднимаемых с морского дна столовых приборов начали заполнять заготовленные ящики, обещая Марии Алексеевне очередную головную боль по их реализации. И лишь в последний день второй недели показавшийся над водой после крайнего погружения Арсений, вытянув руку из-под воды, продемонстрировал собравшимся на палубе людям изящную серебряную статуэтку, притягательно заигравшую в лучах заходящего солнца. Так до конца апреля они вычистили весь трюм "Фрау Марии" подняв в общей сложности полсотни бронзовых, золотых и серебряных статуэток, четыре бочонка с монетами и пол десятка наглухо залитых воском бочек в единственной вскрытой из которых обнаружили пять свинцовых пеналов с картинами. И хоть вода так и не добралась до работ давно почивших мастеров, столетие, проведенное в скрученной форме, не пошло шедеврам на пользу, а потому никто не рискнул раскрывать их без пригляда грамотного специалиста по восстановлению картин.

Вот только за всей царившей на бортах яхт праздничной атмосферой, скрывалось натуральное разочарование главных учредителей поисковой экспедиции. Все найденные и поднятые ценности, несомненно, стоили немалых денег. Вот только за вычетом картин находки тянули от силы на две сотни тысяч, чего никак не хватало для выкупа у казны минного крейсера, не говоря уже о вспомогательном судне. Окажись даже картины

шедеврами признанных мэтров они тоже никак не могли дать столь необходимый здесь и сейчас миллион рублей. А ведь, сперва, их еще необходимо было опознать и отреставрировать. Одна надежда была на слово императора, согласившегося обменять корабль на ценности с "Фрау Марии" независимо от их стоимости. И как чуть позже, оставшись наедине с Иенишем, подсказал Иван, знакомый с немалым количеством ходов направленных на формирование мнения населения, главным было донести до общества, что поднятые сокровища стоят миллионы, а во сколько они могли бы быть оценены на самом деле, было делом десятым. Подобный прием мог легко позволить сохранить лицо, как императору, так и Иенишу. Первый, передав небольшой списанный корабль в собственность отставному капитану 1-го ранга, получал от того в качестве оплаты художественные ценности в разы превосходящие цену корабля, а второй, будучи истинным патриотом страны, не счел возможным отказываться от подобного обмена, поскольку, являясь потомственным военно-морским офицером, не мог жить без моря и мостика собственного корабля. Дело оставалось за малым — создать требуемое мнение.

В начале мая столичные газеты взорвались очередной сенсацией со ставшим популярным в последние пол года Иенишем, Виктором Христофоровичем во главе. Небывалый успех предпринятых им поисковых предприятий в одно мгновение принесли бывшему капитану 1-го ранга невероятные богатства, оцениваемые экспертами в миллионы рублей, сделав его в одно мгновение весьма состоятельным человеком. И куда больший взрыв в обществе вызвал обмен, утвержденный императором. Иениша нарекали бессребреником, истинным военным моряком, достойным дворянином, а за спиной обзывали чудаком и дураком, променявшим безбедное существование на небольшой кораблик.

Вот только лавры удачливого кладоискателя Иениша не давали покоя многим и уже в июне Финский залив и Балтийское море заполнили десятки бросившихся на поиски погибших кораблей энтузиастов верящих в свою удачу. Некоторые даже снаряжали целые экспедиции и в конечном итоге теряли немалые средства. Но все это было потом, а в последние дни мая после передачи художественных ценностей в собственность казны, император Александр III в знак особого благоволения при личной встрече подписал акт передачи разоруженного минного крейсера "Лейтенант Ильин" в собственность Иенишу Виктору Христофоровичу.

— Вот он, наш боевой друг! — нежно погладил затянутой в белую перчатку рукой штурвал минного крейсера Иениш. — Как вам, Иван Иванович? Добрый корабль!?

— Вам виднее, Виктор Христофорович. — пожал плечами Иван. — Это вы у нас эксперт в данном вопросе. Вам и карты в руки.

— Что верно, то верно. — усмехнулся Иениш, получивший в свои руки столь долгожданную игрушку.

— Меня больше интересует, когда мы сможем выйти в поход к Дальнему Востоку?

— Не раньше чем через месяц, Иван Иванович. Команду я, конечно, уже подобрал и вместе с кораблем получил заказ от казны на доставку четырех орудий и боеприпасов во Владивосток, что обеспечит нам возможность совершенно официально пройти Гибралтаром и Суэцким каналом без придинок со стороны англичан. Вот только по причине отсутствия транспорта снабжения, нам необходимо сперва сплавать экипаж и убедиться, что техническое состояние корабля, позволит ему дойти до столь далеких берегов. К тому же требуется выкупить у флота те немногие запасные части и детали машин, что хранились для

обслуживания теперь уже нашего корабля. А как споро работают наши бюрократы, вы и сами знаете.

— Да-а-а, бюрократы — это истинное зло. — соглашаясь, закивал головой Иван, — Но без них в делах государства непременно возник бы хаос. Так что с ними прямо как с женщинами — тяжело, но без них вообще никак.

— Ваша правда, Иван Иванович. Но это все равно не помешает мне вспоминать их недобрым словом каждый раз после общения.

— Какой вы, оказывается, не толерантный человек. — осуждающе покачал головой Иван и рассмеявшись, добавил, — А может у вас на них аллергия? — после чего покатился со смеха по палубе, оценив неопишное выражение лица своего собеседника. — Ну точно! Аллергия! Как на котов!

— На котов у меня аллергии нет. — обиженно пробормотал Иениш и отвернулся, чтобы не показывать растянувшуюся на пол лица улыбку. Все же выданное Иваном сравнение пришлось ему более чем по душе. Да и смеялся тот уж больно искренне и заразительно.

Вместо 128 человек бывшего экипажа минного крейсера, новый экипаж частной яхты насчитывал всего пятьдесят, зато мест для возможных пассажиров хватило бы еще на восемь десятков душ. Вот только дальний путь, суливший непростые условия на борту относительно небольшого корабля, диктовал определенные условия и потому пассажирами должны были идти шестьдесят один моряк — три призовые партии и один наблюдатель от Русского Императорского Флота, коим являлся капитан 2-го ранга Протопопов Николай Николаевич, официально числившийся сопровождающим перевозимого груза. Именно ему предстояло впоследствии составить доклад для Российского Императорского Флота о действиях частного рейдера.

До середины июня яхта, бывшая еще месяц назад минным крейсером "Лейтенант Ильин" и получившая благодаря хохмачу-попаданцу наименование "Полярный лис", по никому не ведомым причинам вывозила на артиллерийские учения офицеров и матросов военно-морского флота, давая им возможность ознакомиться с новейшими 120-мм орудиями системы Канэ, что только-только стали поступать на вооружение флота. Вот только по тем же самым неимоверно странным стечениям обстоятельств, две трети выстрелов по покачивающимся на волнах целевым щитам производили не военные, а моряки, состоящие в экипаже яхты, большая часть которых являлись отставниками, успевшими многие годы послужить в Российском Императорском Флоте. А уж Иениш, последние годы состоявший в учебном артиллерийском отряде, вместе с получившим предложение занять должность старшего офицера "Полярного лиса", бывшим командиром канонерки "Туча", капитаном 2-го ранга Лушковым, расстарались на славу и соблазнили к себе на службу лучших артиллеристов.

Хорошо еще удалось договориться о предоставлении снарядов и замене расстрелянных стволов орудий за счет казны в счет оплаты предоставляемых услуг по подготовке артиллеристов. Все же каждый 47 мм снаряд, которые расходовались сотнями для первоначальной подготовки всех артиллеристов, как своих, так и флотских, стоил три рубля с гривенником, да и отгружался исключительно в казну. То же самое касалось и стволов. Только из 120 мм пушек, к сожалению всех участников учебных выходов, удалось пострелять совсем немного. За четыре выхода на стрельбы оба орудия произвели всего сто выстрелов, чтобы не допустить преждевременного расстрела стволов, замены которым пока не имелось. Обуховский завод обещал сдать следующую партию подобных орудий лишь в августе месяце.

Да и снаряды к ним пока являлись большим дефицитом. Причем, проверенные по настоянию Ивана взрыватели, действительно оказались чересчур крепкими, отчего даже фугасные снаряды не подрывались после поражения цели, а проделывали аккуратные дырки в щитах и уходили в воду. Выявленный при первых же стрельбах недостаток позволил в кратчайшие сроки провести доработку, но так или иначе новая партия взрывателей была отгружена на борт "Полярного лиса" лишь в двадцатых числах июня, когда корабль уже заканчивал проходить чистку котлов в преддверии дальнего выхода.

За первую половину 1894 года, не смотря на участие во множестве проектов, Иениш, тем не менее, сумел неплохо отдохнуть и подлечиться многочисленными народными средствами от мучавшего его высокого давления, что позволило ему вновь подняться на мостик корабля. Естественно, Мария Алексеевна была против мероприятия, в которое ввязывался ее супруг, но долгие годы замужества за моряком научили ее терпению и потому, попеняв на непосредство своей второй половинки, благословила его на ратные подвиги. Виктор Христофорович посчитал невозможным скрывать от супруги истинных целей будущего мероприятия, похоронив все ее надежды и чаяния на спокойную жизнь. Чтобы отвлечься от грустных мыслей и не прозябать многие месяцы ожидания в ничегонеделании, она с головой ушла в мир прекрасного, возложив на свои хрупкие плечи все хлопоты по превращению поднятых со дна ценностей в хрустящие или звонкие рубли.

Отдав швартовый "Полярный лис" вышел из Кронштадтской средней гавани, оставив за кормой два спешно достраиваемых минных крейсера, которым вскоре предстояло повторить его путь до тихоокеанского побережья Российской Империи. Пройдя Купеческую стенку, у которой теснились несколько крупных пароходов, выстроенный на палубе экипаж ветеранов отсалютовал бастионам охранявшим подходы к Кронштадту, после чего споро разбежался по своим местам. Путь предстоял не только долгий, но и невероятно тяжелый, особенно для небольшого корабля. К тому же время утекало, как вода сквозь пальцы, и потому чтобы путь не затянулся на пол года, задолго до выхода было принято решения идти с минимумом остановок на бункеровку и отдых, что, впрочем, имея двойной, а где и тройной комплект экипажа казалось вполне реально. В результате, что рулевые, что кочегары и механики, наряду со старшими офицерами корабля, отстояв смену в 4 часа, имели законные 8 часов отдыха.

По просьбе тех, кто участвовал в последнем злосчастном выходе "Русалки", Иван предоставил точные координаты ее упокоения и сделав небольшой крюк от кратчайшего маршрута, в девятом часу вечера "Полярный лис" застопорил ход и с его борта одетые в парадное офицеры и свободные от вахты матросы отдали последние почести погибшим морякам, произведя салют из розданных команде револьверов, после чего в море был опущен поминальный венок и проведен короткий молебен.

Смахнув выступившую слезу, Иениш вернулся обратно в рубку, так как вновь настала его очередь дежурства, разрешив свободным от вахты выдать двойную чарку для поминания всех отдавших жизнь на воинской службе. Сам же он приложился к коньяку только после смены, закрывшись в своей каюте вместе с Иваном и заспанным Протопоповым, отсылать которого досыпать положенное на отдых время, не поднялась рука. Так, за бутылочкой Шустовского, они и просидели втроем все четыре часа, пока не настало время дежурства Николая Николаевича. Причем последние два часа Протопопову не наливали, и тот был вынужден довольствоваться крепким и душистым кофе, что заодно отлично прогонял сон.

Весь следующий день они шли 13-тиузловым ходом, нигде не останавливаясь. Лишь

небольшой пятибалльный шторм на пару часов скрасил монотонность плавания, но, миновав Готланд, корабль вновь вышел в спокойные воды и приняв на борт у Дрогденгского маяка лоцмана, в полдень 12-го сентября стал на якорь на Копенгагенском рейде. Поскольку работы машин никаких нареканий не вызывали, за четыре часа загрузились углем и пресной водой, после чего вновь продолжили путь.

Утро следующего дня команда встречала уже в Немецком море. Знаменитое своими штормами оно, тем не менее, позволило небольшому минному крейсеру прокрасться вдоль берегов Дании, Германии и Голландии и лишь на подходе к Английскому каналу слегка покачало небольшой корабль на волнах. Но поскольку зародившийся шторм лишь самым краем задел "Полярного лиса", особых проблем и переживаний экипажу он не доставил и даже, наоборот, помог, прибавив узел к скорости корабля.

Поскольку бывший "Лейтенант Ильин" на службе более не состоял, Иениш повел его не в Шербург, являвшийся одним из основных военно-морских портов Франции, а в Кале. Здесь Иениш довольный быстрым проходом Немецкого моря, позволил команде сойти на берег и дал целые сутки на отдых.

Являясь крупным торговым портом и оттого весьма многонациональным, Кале мог предложить уставшим морякам немало всевозможных развлечений — от дешевой выпивки и недорогих сговорчивых дам облегченного поведения для непритязательных матросов до изысканных ресторанов и театров для капитанов судов и представителей высшего общества. Одним словом, каждый мог найти здесь развлечение по карману. Главное, следовало не забывать следить за этим самым карманом, чтобы внезапно не обнаружить в нем аккуратный разрез и при этом не забывать время от времени следить по сторонам, чтобы не пропустить момент и впечатать кулак в физиономию или поддых любителя легкой наживы первым. А о том, что подобных романтиков с большой дороги или изрядно набравшихся матросов, которым на очередной стакан не хватило пару франков, здесь хватало, можно было даже не говорить. Это был факт и с ним требовалось считаться.

Внушение, проведенное Иенишем перед сходом на земную твердь и солидный возраст большей части экипажа, в котором гнаться за всеми удовольствиями мира хотелось куда как меньше, нежели в юности, сыграли свою роль и в назначенное время на борт "Полярного лиса" вернулись все. И даже практически целые — пара синяков и ссадин были не в счет. Сам же капитан в компании Ивана и офицеров изрядно прогулялся по городу способному похвастаться немалым количеством памятников архитектуры.

Удостоверившись за прошедшее время, что команда начинает срабатываться, следующий отрезок пути был увеличен вполтину от двух предыдущих. Более трех дней минный крейсер шел вдоль европейского побережья к узкому горлышку Гибралтарского пролива. Правда, ползти на последних килограммах угля непосредственно к Гибралтару ни у кого из офицеров не было ни малейшего желания, и потому очередную бункеровку проводили в Лиссабоне. Здесь солнце начинало жарить уж совсем немилосердно и над палубой минного крейсера натянули белоснежные навесы, иначе даже деревянная палуба раскалялась до такой степени, что пройти по ней босиком не представлялось возможным.

Вот только во избежание проблем со здоровьем, дабы никто в команде впоследствии не мучился животом, сход на берег не был разрешен, а все свежие фрукты и овощи хорошенько ошпаривались кипятком, перед тем как отдать матросам на съедение. Сей способ позволил сократить количество страдальцев до минимума, но человек пять все равно всю последующую неделю стали частыми гостями в гальюне. Индивидуальная непереносимость

того или иного продукта, общая слабость желудка или же непривычная жара, от которой нигде не было спасения, были виновниками их страданий или же нет — осталось неизвестным. Бедолаг лишь посадили на постную гречку, да освободили от обязанностей, дав возможность оклематься и не беспокоиться о возможном конфузе, ведь покинуть свой пост тот же рулевой не имел никакой возможности, а риск испачкать штаны, распространяя вокруг себя сногсшибательное амбре, в ожидании сменщика, и впоследствии становясь посмешищем для экипажа, был весьма высок. И лишь время от времени пролетавшие по палубе и трапам матросы с красными от напряжения лицами и выпученными глазами свидетельствовали о наличии на борту больных.

К моменту захода в порт Туниса все пятеро уже почти оклемались, но все же с опаской поглядывали на доставленные с берега продукты и все больше налегали на куда более привычные сухари.

Далее, чтобы обойти порты принадлежащие Османской империи пришлось делать крюк через Афины, где, заодно, удалось застать часть кораблей Средиземноморской эскадры Российского Императорского Флота во главе с броненосцем "Император Николай I".

В отличие от всех прочих портов на пути с Балтики к Тихому океану, здесь русским морякам всегда были рады и потому никаких проблем с отдыхом для команды не возникло. Офицеры минного крейсера как бывшие, так и действующий, смогли найти немало знакомых на кораблях эскадры и организовав чистку изрядно потрудившихся котлов, большую часть времени пропадали в кают-компаниях русских кораблей, где с упоением рассказывали о поисках затонувших кладов и планах по освоению природных богатств Дальнего востока.

Обсудили и неприятную для пришедших с Балтики тему гибели в прошлом году изрядного количества кораблей и судов. И если Россия понесла количественные потери, то Англия — качественные, лишившись флагмана Средиземноморской эскадры в результате столкновения с другим броненосцем.

Закончив с обслуживанием корабля и распрощавшись с моряками русской эскадры, уже через двое суток удалось достичь Порт-Саида. Поставив корабль на якорь в ожидании лоцмана, экипаж "Полярного лиса" принялся разглядывать многочисленные пароходы, что подобно им ожидали своей очереди войти в порт и оттуда попасть в Суэцкий канал, либо уже преодолели его и попав на большую воду, давали волю тысячам лошадиных сил паровых машин, которые при прохождении канала приходилось сильно сдерживать.

Стоянка непосредственно в порту продлилась не более шести часов, за которые догрузились углем и припасами, да оформили разрешение на проход канала 9-узловой скоростью в отличие от прочих торговых пароходов и яхт, коим разрешалось давать не более 5 узлов.

Правда, сразу реализовать предоставленную возможность оказалось невозможным по причине носившей название "Линда". Итальянский почтовый пароход был пропущен в канал за 15 минут до "Полярного лиса" и довольно быстро нагнав его, в дальнейшем пришлось тащиться на 5 узлах, время от времени стопоря машину или даже давая реверс. Предоставленный же лоцман на все предложения Иениша обогнать тихохода лишь отрицательно качал головой и ссылаясь на установленные правила прохождения канала.

Лишь через час, когда навстречу прошел еще один пароход, из-за чего итальянцу пришлось прижаться чуть ли не вплотную к правому берегу, удалось обойти его. При этом

еще до обхода итальянского транспорта лоцман демонстративно покинул мостик, заявив, что более управление каналом не несет ответственности за безопасность прохода "Полярного лиса". Вдобавок, на ближайшей станции он приказал пристать к берегу и по телефону сообщил о допущенном нарушении. Хорошо еще, что не пришлось дожидаться ответа его неведомого начальства, а то вновь бы пришлось обгонять итальянца, успевшего за время стоянки нагнать минный крейсер.

В следующий раз пристать к берегу пришлось часа через два на 25-ой миле, чтобы пропустить крупный встречный пароход. То же самое повторилось на 38-ой миле, где вдобавок команде пришлось изрядно поработать шестами, чтобы уберечь корабль от повреждений, так как из-за создаваемой встерчным судном волны крейсер начало сильно прижимать к берегу. В конечном итоге пришлось даже спустить с левого борта шлюпку и подав с кормы конец, дожидаться, пока она отбуксирует корабль подальше от берега из-за опасений повредить винты.

Еще через час минный крейсер вышел в акваторию озера Тимшах, где взял нового лоцмана со станции Измаилия и войдя из него в Большое Горькое озеро, смог дать ход в 13 узлов. Вновь войдя в канал, вскоре нагнал очередной пароход и дождавшись широкого места, легко обошел его. При этом заранее предупрежденный о подобном поведении капитана "Полярного лиса" лоцман, заранее покинул рубку, показывая, что мешать более быстрому прохождению канала он не намерен, но и нести ответственность за возможную аварию тоже.

Около шести часов вечера лоцман отказался далее осуществлять проводку, ссылаясь на опускающуюся темноту, при том что до выхода из канала оставалось пройти не более 5 миль. Иениш же не пожелавший до самого рассвета караулить корабль от наваливания на правый берег, решил продолжить путь без помощи лоцмана и через сорок минут, тихонечко обойдя два прижавшихся к левому берегу парохода, вышел в Порт-Тефик, достигнув Суэцкого залива.

Забив углем под завязку все возможные помещения, Иениш повел крейсер на 10 узлах к французскому Таджуру, до которого было 1300 миль. Не смотря на официальные союзнические отношения, французы, как и прочие Европейские державы, урвавшие себе кусок Африки, не желали пускать русских на черный континент, от того следующим родным портом теперь мог стать только Владивосток.

Иван же, не раз говоривший о своих интересах на Африканском континенте, совершенно случайно нашел среди матросов родственную душу поведавшую ему о событиях пятилетней давности, когда полторы сотни терских казаков на свой страх и риск попытались организовать небольшое поселение на землях, которые французы уже считали своими.

— Я тогда, вашбродь, на крейсере "Забияка" служил. Вот мы, значит, вместе с пароходом "Чихачев" и забирали из французского плена казачков. Время свободного, не смотря на службу, имелось вдосталь, вот мы и разговорились с горемыками. За главного был у них Николай Иванович то ли Ашинов, то ли Ишанов. Вы уж извиняйте, позабыл уже за давностью лет. Так он нам многое поведал. После вахты соберемся, бывало, в кружок, он и начинает рассказывать, как город русский хотел поставить в землях этих диких. Сказывал, "Новая Москва" город наречь собирался.

— Вот как? И что же случилось? Местные взбунтовались?

— Нет. С местными, как раз, твердый уговор имелся. Он же не просто так пришел, а многие годы в землях этих прожил, все дозволения на основание города ждал. Вот и

дождался однажды. Вернулся в Россию, собрал полторы сотни казачков, батюшку опять же с собой позвал. Без веры то никуда! Скинулись они, значит, сбережениями, зафрахтовали пароход да и высадились на том самом берегу, где сейчас Танжер стоит. Только в сам Танжер не пошли, а нашли какую-то старую заброшенную крепость да и принялись обустраиваться. Сады разбили, чтобы фрукты, да ягоды заморские растить. Поля под просо вспахали. Дома поставили, склады да торговые лавки возводить начали. Думали торговлю со всеми вести. Но не сложилось. Французы как прознали про строящийся город, выслали к нему флот да и обстреляли из орудий. Прежде, правда, прислали ультиматум, стало быть, сдать город и точка. Вот только французским из казачков никто не владел. А когда вышли на берег для разговора, под обстрел с крейсера и канонерок как раз и попали. Кто погиб, кого поранило. Но большая часть, слава Богу, не пострадала. Правда, в плен попали все. Следом уже мы пришли, забрали казачков, на том все и закончилось.

— Хм, интересно. — пробубнил себе под нос Иван, — Надо будет поискать этого Николая Ивановича. Такие люди нам вскоре ой как понадобятся.

Все шесть дней, что крейсер шел по Красному морю, матросы оттачивали навыки абордажа. Правда, на не сильно большой палубе "Полярного лиса" особо развернуться было негде, но хотя бы отработать навыки применения оружия на борту и в узких коридорах оказалось вполне реально.

Поскольку приобрести винтовки Бердана или Мосина не представлялось возможным, да и столь длинноствольное оружие виделось чрезмерно неудобным для абордажных партий, на вооружение экипажа были закуплены старые и привычные револьверы Смит-Вессон №3, которые, что по останавливающему действию пули, что по солидному весу позволявшему применять револьвер как дубинку, идеально подходили для намеченных целей. В качестве же тяжелого вооружения закупили два десятка шестизарядных ружей Винчестера модели 1887 года. Закупили бы и больше, но в Санкт-Петербурге в наличии больше не было, а ждать очередной поставки никто не собирался.

Вот пятерки матросов с навешанными на грудь тяжеленными стальными кирасами, что по заверениям Ивана, имели неплохие шансы остановить револьверную пулю, час за часом и шныряли по всему кораблю, отрабатывая взаимодействие и учась постоянно прикрывать друг-друга. Сам Иван изначально понимал, что виденные в фильмах да телепередачах приемы отрядов спецназа, изучаемые под его чутким руководством, были малоэффективными из-за нехватки специфических знаний. Но хотя бы что-то уже начинало получаться, да к тому же подобные занятия не оставляли свободным от вахты матросам много свободного времени и лишних сил, которые можно было бы потратить на всякое "нарушение беспорядков".

В Таджуре пришлось задержаться на четыре дня, пока один из капитанов проходивших мимо транспортов не согласился взять минный крейсер на буксир. Дело заключалось в том, что до Бомбея, где можно было достать уголь, не приведший бы котлы в кошмарное состояние, даже при солидном перегрузе топливом "Полярному лису" было никак не дойти. За две тысячи рублей удалось договориться с капитаном английского угольщика, следовавшего в тот же порт, об услугах буксировки в течение пяти дней, что давало возможность впоследствии добраться до индийского порта своим ходом на экономичных 10 узлах.

В Аравийском море обоих изрядно помотало, так что трижды приходилось заново заводить на угольщик оборвавшийся буксировочный трос. И если даже корабль

водоизмещением в шесть тысяч тонн чувствовал себя не очень уверенно, переваливаясь на разошедшихся волнах, то на семисоттонном крейсере народ то и дело крестился, да прислушивался к скрипу кидаемого волнами с борта на борт корабля. Иван же, впервые попавший в подобную ситуацию, мгновенно приобрел нежно-салатовый оттенок и до прихода в Бомбей сумел сбросить пять килограмм веса из своих восьми десятков. Призывы же добить его, чтоб не мучался, начисто игнорировались всеми членами экипажа, которые даже немного расцветали, глядя на мучения другого. Не из-за врожденной злобы, а из-за простой человеческой логики ведь если кому-то рядом было хуже чем тебе, при всех прочих сходных обстоятельствах, стало быть тебе было не так уж и плохо, как думалось ранее.

В Бомбее после тяжелого перехода задержались на три дня, дабы дать команде передохнуть, тем более что давно облюбованный англичанами этот индийский город был в должной мере европеизирован. Вот только несколько излишне смелых или глупых или самоуверенных матросов уже на второй день составили компанию все еще не способному смотреть на еду Ивану, подорвав здоровье на местных деликатесах.

Еще по паре матросов получили пищевые отравления в Мадрасе, Янгоне и Сингапуре, так что в конечном итоге Иениш запретил брать на борт свежие продукты до прихода в Гонконг, где планировалось надолго задержаться для переборки машин, чистки котлов и вообще приведения корабля в подобающее состояние, а то проделав столь немалый путь, он имел неважный вид. Волны, сточившие все слои краски, оголили сталь корпуса, отчего минный крейсер щеголял немалым количеством бурых пятен и разводов от успевшей образоваться на незащищенной стали ржавчины.

Пройдя вдоль берегов Индии, Мьянмы, Малайзии и Вьетнама, "Полярный лис" лишь через три недели после отбытия из Бомбея потихоньку вполз в залив Виктория, где ему предстояло провести как минимум пару недель, благо имевшиеся в городе и порту ремонтные мощности позволяли провести практически любой ремонт.

Пятнадцать дней аврального труда и без малого четыре тысячи рублей вернули небольшой крейсер к жизни, и он даже смог продемонстрировать максимальную скорость в 18,3 узлов, имея на борту 160 тонн угля, что было всего лишь на один узел меньше чем при сдаточных испытаниях еще перед приемкой во флот. Для такого возраста и пробега, учитывая наличие родных котлов, это был весьма хороший результат, который еще мог быть улучшен по мере расходования, как угля, так и снарядов.

Загрузившись под завязку кардифом, минный крейсер на пятый день вошел в порт Шанхая и пришвартовался под боком у русского стационара. Здесь, в Шанхае, планировалось организовать встречу с представителем китайского правительства, а точнее политической группировки, которая в настоящий момент была в фаворе у императорского двора.

Война с Японией уже началась и китайцы успели понести первые потери на море, так что организаторы столь рискованного мероприятия надеялись на положительный результат будущих переговоров, по поводу их добровольного участия в войне.

При поддержке и посредничестве русского консула, обосновавшегося во французской концессии, удалось подобрать достойного переводчика из местных, который помимо русского и английского спокойно говорил на японском и при необходимости умел изъясняться на корейском и французском, а также прикупить небольшие апартаменты и зарегистрировать их адрес как филиал небольшой судоходной компании владельцем которой являлся Иениш и чей головной офис находился в Санкт-Петербурге. Задачей филиала

являлось снабжение всеми необходимыми припасами будущего рейдера и "приобретение" у китайской стороны части японских судов, что могли быть захвачены во время ведения боевых действий.

Вся бумажная волокита благодаря постоянным взяткам, без которых в Цинской империи, казалось, не делалось ровным счетом ничего, заняли неделю, что являлось рекордом скорости в работе китайских чиновников. Даже консул, не ведавший о встрече и договоренностях о разделе будущего пирога между командой "добровольцев" и представителей аньхойской политической группы, был искренне поражен получению столь быстрых результатов. На его памяти еще ничто и никогда китайскими чиновниками не делалось столь оперативно, так что уже через неделю он смотрел на уставшего и осунувшегося, но довольного господина Иванова с немалой долей уважения.

Впрочем, с не меньшей долей уважения на него посматривали многие цинские чиновники средней руки обосновавшиеся в Шанхае и члены триады, что мгновенно получили по голове, стоило им сунуться к новому русскому предпринимателю, решившему обосноваться в подконтрольном им городе. Причем, к своему немалому удивлению, получили они от стражи, что уже давно была куплена ими же со всеми потрохами. А уж когда Иван преднамеренно засветился в качестве командира полусотни здоровых матросов, вооруженных револьверами и дробовиками, местные бандиты стали поглядывать на него с определенной долей опасений. Все же требовалось иметь немалые связи, чтобы получить разрешение разгуливать по китайской территории с оружием наперевес.

Уладив основные дела и оставив на хозяйстве двух дальних родственников своего переводчика, основная задача которых заключалась в охране арендованного склада и закупленного угля, Иван вместе со всей командой "Полярного лиса" вначале добрался до Вэйхайвэя, а уже оттуда в Люйшунькоу, где базировались основные силы Бэйянского флота.

Глава 4.

Дикие гуси

Люйшунькоу или Порт Артур, как его называли в Европе, оказался забит под завязку боевыми кораблями и транспортными судами. Миноносцы, канонерки, крейсера и оба китайских броненосца занимали весь Восточный бассейн. Как раз к приходу "Полярного лиса" на броненосцах велись работы по съему бронеколпаков с барбетов и обкладыванию всего что только можно мешками набитыми песком.

Пришедший под русским торговым флагом минный крейсер поначалу был встречен довольно прохладно. Командующий собранной на базе эскадрой Дин Жучан являлся не только лучшим цинским адмиралом радеющим о своем деле и флоте, но и истинным патриотом. Потому он не отличался большой любовью ко всем кто пытался влезть во внутренние дела империи, но при этом, являясь весьма прагматичным человеком, всегда был готов прислушаться к грамотному совету одного из немногих иностранных советников, что присутствовали на кораблях флота.

Неожиданно свалившийся на голову русский "доброволец", поначалу был принят именно как агент влияния великого северного соседа, но после ряда бесед проведенных как наедине с Иенишем, так и в компании с прочими советниками, адмирал Дин убедился в немалом опыте русских офицеров и даже принял во внимание ряд высказанных ими идей.

Сам же "Полярный лис" вскоре был включен в состав Бэйянского флота и поднял Цинский военно-морской флаг. Весь флот готовился к проводке транспортов с пехотными частями и скорой встречи с японцами, так что лишним еще один вымпел не был. Даже столь небольшой.

Прислушавшись к мнению как Иениша, так и прочих иностранных советников, имевшихся в его флоте, адмирал согласился разделить два имевшихся крупных миноносца между двумя оказавшимися под его командованием минными крейсерами. Что характерно, оба минных крейсера оказались заимствованными кораблями, если к ним вообще возможно было применить подобное определение.

Одолженный Гуанчжоуской эскадрой тысячетонный "Гуанбин" превосходил как по вооружению, так и по бронированию русский минный крейсер, и потому получил в качестве ведомого самый крупный во флоте миноносец 1-го класса "Фулонг". Этот 128-тонный немец являлся не только самым большим но и самым быстрым миноносцем на всех китайских флотах, потому выбор адмирала виделся вполне разумным. Ни один флотоводец будучи в здравом уме и твердой памяти не отдал бы лучший в своем классе корабль на откуп непонятно кому. Тем более, человеку навязанному адмиралу дворцовыми шаркунами. И пусть послужной список Иениша вызывал исключительно уважение к этому отставному русскому капитану 1-го ранга, из всех иностранных советников он являлся неизвестным и не проверенным в деле новичком. Да и задели адмирала донесенные до его ведома негативные отзывы этих русских инструкторов как в отношении его моряков, так и кораблей. Пусть большая часть этих высказываний имела полное право на существование, тыкать его людей носом в обнаруженные недостатки не было позволено никому.

Русские же получили в ведомые на треть меньший по водоизмещению "Цзо-И" английской постройки, который, тем не менее, не только не уступал своему более крупному собрату в минном вооружении, но как бы странно это ни было, превосходил того по количеству артиллерийских орудий, да к тому же являлся флагманом эскадры миноносцев Бэйянского флота.

Вообще, оба китайских миноносца оказались весьма современными и мощными представителями своего класса, превосходя по характеристикам многие русские миноносцы, не говоря уже о многочисленных миноносках. Вот только, считанные годы проведенные на китайской службе, где их, зачастую, использовали в качестве посыльных судов, заметно подорвали здоровье нежных силовых установок, отчего контрактные 24 узла для них уже давно были недостижимы. Вообще, стоило механику с "Полярного лиса" узреть кошмар творившийся в машинном отделении миноносца, тот лишь схватился за голову и перво-наперво предложил добить бедную животинку, чтоб не мучалась. Создавалось такое впечатление, что машину никогда не перебирали, а котлы не считали потребным очищать от накипи. Заглянув же в опреснитель, он лишь позеленел и поспешно захлопнул крышку. В результате, будучи рожденными стремительными хищниками, они превратились в разленившихся домашних котов не способных поддерживать скорость свыше 16 узлов и то на ровной воде, что превращало их в легкую добычу для любого из новых японских крейсеров и авизо.

Получивший в подопечные подобное счастье Иениш схватился за голову вслед за своим старшим механиком. Он то планировал организовать легкий и быстроходный отряд,

пригодный для разведки, охоты на транспорты или добывания серьезно поврежденного военного корабля, но проза жизни, вместо подмоги, повесила на его ноги солидную гирю, отказаться от которой теперь уже не представлялось возможным, дабы не потерять лицо. И хуже всего было то, что капитана Чена, командира "Гуанбина", подобная скорость навешенного ему подопечного вполне устраивала, ведь даже в лучшие времена его минный крейсер не мог дать более 17 узлов. К тому же, предложение о проведении силами его экипажа ремонта машин "Цзо-И", благо оснащение военно-морской базы подобное позволяло, поданное Иенишем на имя адмирала Дина, было отвергнуто. Не сегодня завтра планировался выход всего флота и лишиться одного из крупных миноносцев он не желал. Максимум чего удалось добиться — насколько это было возможно вычистить машину от отработанного масла, облепившего механизмы немалым слоем, да организовать совместными усилиями обоих экипажей чистку котла, сходного по конструкции со стоящими на русском корабле и оттого хорошо знакомым его экипажу. Также в глубокой тайне с помощью лома, кувалды и такой-то матери удалось заменить три десятка прохудившихся трубок, взяв новые из запасов "Полярного лиса", что через пять дней после начала работ позволило китайскому миноносцу не отставать от минного крейсера, идущего со скоростью 18,5 узлов. Можно было бы дать и немного больше, но Иениш не захотел подвергать серьезной нагрузке машины корабля перед ожидающимся выходом. Правда, пришлось поделиться с новым напарником ньюкаслем, который удалось взять в перегруз в Шанхае. Он, конечно, немногим уступал кардифу, но по сравнению с тем кошмаром котлов, что сжигали в топках китайских кораблей, казался амброзией на фоне откровенных помоев. Китайские снабженцы, оставаясь верными своим принципам, снабжали флот и армию чем придется, оплачивая и получая по бумагам только лучшее. Оттого и ползали должны быть быстроходными крейсера на 10–11 узлах.

Еще одним камнем преткновения оказались проблемы с передачей информации. При устном общении спасал нанятый в Шанхае переводчик, но при попытке передать сигналы ратьером выяснилось, что из двадцати шести человек экипажа миноносца прочитать их может только командир корабля лейтенант Ван, да и то через слово. Сигнальщики же владели исключительно флажной азбукой, так что управление ведомым могло осуществляться лишь на сравнительно небольших расстояниях. Пришлось потратить почти 10 тонн угля на отработку эволюций, чтобы заучить хотя бы простейшие сигналы позволяющие работать именно в паре, а не по-одиночке.

Из всех собравшихся в Люйшункоу, с интересом за ними наблюдали разве что мающиеся безделием матросы, немногочисленная ребятня улизнувшая от домашних обязанностей, да иностранные советники с кораблей Бэйянского флота — все трое. Время от времени бросали взгляды и офицеры кораблей китайского флота: кто заинтересованные, кто безразличные, а кто и откровенно завистливые или злобные. Вот только провести подобные же маневры у них не имелось ни малейшей возможности. Следуя правилу, что экономика должна быть экономной, снабжение даже лучшего китайского флота оставляло желать лучшего. Дешевый мусорный уголь, просроченный дымный порох, песок или цемент в качестве наполнителя снарядов вместо взрывчатых веществ и даже сами снаряды зачастую покрытые ржавчиной, а иногда не влезающие в казенник из-за несоблюдения размеров при их производстве, как ничто иное демонстрировали неготовность китайского флота ко встрече с реальным противником, о чем, помимо Иениша ознакомившегося за несколько дней с общим состоянием флота, твердили адмиралу Дину английский и американский

советники. И только выучка большей части экипажей наряду с высоким боевым духом царившим на эскадре, не позволяли выбросить белый флаг еще до начала сражений.

В ночь на 16-е сентября шесть пароходов загруженных отборными войсками под прикрытием эскадры адмирала Дина покинули гавань Люйшунькоу и на 9 узлах направились к устью реки Ялу, где им предстояло высадить десант для перекрытия японской армии дороги на земли империи Цинь. В течение всего времени, что понадобились флоту на путь, "Полярный лис" совместно с "Цзо-И", как самые лучшие ходоки во флоте, использовались в качестве разведчиков, постоянно убегая вперед или патрулируя на востоке, откуда мог показаться японский флот занимающийся в данный момент тем же самым — сопровождением транспортов с войсками. Но все опасения адмирала Дина оказались напрасны и к двум часам дня 16-го сентября транспорты в сопровождении наиболее низкосидящих кораблей флота потянулись вверх по реке для высадки войск.

Первоначально "Полярного лиса" с его новейшими скорострельными орудиями и сравнительно небольшой осадкой тоже хотели выделить в прикрытия десантной операции, но Иениш смог убедить адмирала в куда большей пользе от его небольшого отряда в качестве разведчиков, готовых в любой момент сорваться с места, показись на горизонте дым.

Возможность проявить себя появилась весьма скоро. Утром 17 сентября 1894 года поднимавшиеся на юге из-за горизонта дымы японской эскадры были замечены в устье Ялу на китайских кораблях, которые стали немедленно разводить пары и готовиться сниматься с якорей. На стоящем наготове русском крейсере смогли дать ход уже через три минуты после обнаружения дымов. Поскольку под парами поддерживали только два котла носовой кочегарки, "Полярный лис" мог дать не более 10 узлов и то исключительно благодаря хорошей погоде. Легкий восточный ветер и едва заметная рябь на воде никак не влияли на корабль водоизмещением в 700 тонн. Вот только ведомого пришлось оставить вместе с остальным флотом, поскольку его единственный котел не позволял поддерживать миноносец в постоянной боевой готовности.

Примерно через час на горизонте начали прорисовываться многочисленные силуэты японских крейсеров. Имея к этому моменту ход в 16 узлов и продолжая потихоньку набирать скорость, минный крейсер отвернул восточнее и оставаясь вне досягаемости орудий, прошел вдоль всей линии японской кильватерной колонны.

— Сколько всего насчитали, Николай Николаевич? — обратился к своему бывшему старшему офицеру Иениш.

— Восемь крейсеров. Два старых броненосных корабля. Гражданское судно, которое может быть как вспомогательным крейсером, так и плавучим госпиталем или транспортом снабжения. И что-то вроде минного крейсера или канонерской лодки, точно не разглядеть. Все держат скорость в 7–8 узлов.

— Что же, давайте постараемся определиться с составом колонны и можем возвращаться. И так понятно, что японцы притащили сюда все свои современные крейсера, но даже информация об их месте в строю может быть весьма полезна для адмирала Дина.

— Слушаюсь. — не стал выражать своего скепсиса по поводу полезности подобной информации для адмирала, не сподобившегося за все время их нахождения в Люйшунькоу провести ни одного совместного маневрирования, Протопопов и вновь подняв к глазам бинокль, принялся обсуждать со стоящим рядом Лушковым отличительные черты первого в японской колонне крейсера.

Отогнать наглого разведчика никто не пытался и все полтора часа, пока на севере вслед за черной дымкой поднимавшейся в небеса из десятков дымовых труб не появились едва различимые черточки китайских кораблей, "Полярный лис" нервировал своим видом японских моряков. Информация о русских "добровольцах", что встали под китайские знамена вместе со своим небольшим минным крейсером, уже пару недель циркулировала в среде морских офицеров страны восходящего солнца и вызывала намного большие опасения чем все китайские корабли Южных флотов вместе взятые из числа высланных в помощь Бэйянскому флоту. Все же у русских имелась богатейшая история морских сражений и в особенности применения миноносных кораблей во время последней войны с Османской Империей. Не добавляла оптимизма и информация о команде этого небольшого корабля, все, без исключения, офицеры которого последним местом службы имели учебные артиллерийские или минные отряды Балтийского Флота, являвшихся кузницей кадров всего Российского Императорского Флота.

Прибавив ход, "Полярный лис" довольно быстро оторвался от японской кильватерной колонны и уже через двадцать минут поравнялся с флагманским броненосцем адмирала Дина. С него тут же ратьером и флажными сигналами принялись передавать добытую информацию о составе и строе японского флота.

Окидывая взглядом "Динъюань" Иван лишь хмыкнул. Если бы броненосец можно было сравнить с каменным рыцарским замком, времен средневековья, то китайцы умудрились перестроить свои бронированные корабли из заволаживающих древних замков в функциональные заставы времен войн конца 20 — начала 21 века. Все лишнее дерево, снасти и даже трапы были демонтированы и убраны с борта вместе со шлюпками, за исключением единственной гички. По всей видимости туда же отправились некогда выступавшие части мостика, срезанные подчистую. Все же, что не было прикрыто солидным броневым поясом, скрывалось за тысячами мешками заполненных песком или углем, образовавших почти непрерывную стену в 4 фута вышиной и 3 фута толщиной вдоль бортов броненосца. Не менее надежно такими же мешками оказались прикрыты кормовые орудия и барбетов главного калибра. Второй китайский броненосец выглядел точно так же. Но, что удивительно, более ни один китайский корабль не мог порадовать аналогичными приготовлениями. Лишь сам "Полярный лис", под зубовой скрежет большей части офицеров, по настоянию Ивана обзавелся подобным же украшением вокруг 120 мм орудий и боевой рубки. Он еще планировал завалить мешками с песком всю деревянную палубу, но кулак Иениша с минуту покачавшийся у его носа оказался достаточно убедительным доказательством ошибочности подобной идеи.

Закончив с передачей данных и получив в ответ благодарность адмирала, Иениш принял решение скрыться за китайским строем и пойти на соединение со спешащим к нему "Цзо-И". С его небольшим водоизмещением, чисто номинальной броней и всего двумя орудиями среднего калибра в предстоящей артиллерийской свалке делать было абсолютно нечего. Потопить кого-либо своим артиллерийским огнем они вряд ли могли, а вот сами нахвататься снарядов имели неплохие шансы. Тем более, что многого им и не требовалось. А вот для добивания миной сильно поврежденного противника их небольшого отряда в два вымпела должно было хватить с лихвой. Посему, приняв в кильватер миноносец, "Полярный лис" занял место в десяти кабельтов позади китайского флагмана, как раз в момент поворота китайской кильватерной колонны "все вдруг" прямо на противника.

Так, держась в миле от основных сил, русские добровольцы и вступили в свой первый бой на чужой войне. В 12:50 над "Динъюанем" поднялся заметный даже с расстояния в милю белый столб дыма и над водами разнесся рев его двенадцатидюймовок. Естественно, попасть первым же залпом с дистанции в 27 кабельтовых было нереально, но в качестве наглядного объявления о начале сражения залп тяжелых орудий выглядел вполне внушительно. Правда, единственными его жертвами, помимо пары особо неудачливых рыбин размазанных упавшими в воду снарядами, оказались офицеры самого броненосца во главе со своим адмиралом. Дульные газы, образовавшиеся при выстреле из орудий главного калибра, ударили по мостику, где находился командующий эскадрой в сопровождении ряда офицеров. Все без исключения подвергшиеся подобному воздействию люди получили контузию и на некоторое время оказались полностью недееспособны. Все то время пока адмирала Дина пытались привести в чувство, командование эскадрой был вынужден принять командир броненосца капитан Лю Бучан, но вскоре это оказалось совершенно неважно. Японские корабли, имея по правому траверзу китайский флот, подвергали по очереди полным бортовым залпам каждый китайский корабль. Вскоре продольный огонь японской линии ведущийся из десятков скорострельных орудий среднего калибра начал приносить первые плоды.

Вырвавшийся вперед "Летучий отряд" крейсеров адмирала Цубои Кодзо смог навалиться на правый фланг китайского флота и с дистанции в 9 кабельтовых открыл огонь по двум устаревшим и практически небоеспособным крейсерам 3-го ранга "Чаоюн" и "Янвей". По сути являвшиеся результатом развития канонерских лодок, небольшие китайские крейсера оказались в линии по той простой причине, что ставить в нее было более некого. И уж тем более их крупнокалиберные, но немногочисленные и устаревшие на поколение орудия не могли состязаться в скорострельности с имевшимися на вооружении японского флота.

Буквально через десять минут непрерывного обстрела оба небольших крейсера объятые пламенем вывалились из линии и постарались отвернуть в сторону корейского берега, немало деморализовав тем самым экипажи ближайших к ним крейсеров.

В то же время "Динъюань" и "Чжэньюань" попали под обстрел крейсеров "Хасидате" и "Ицукусима" спроектированных и построенных специально для борьбы с китайскими броненосцами. Вот только их монструозные 320 мм орудия оказались чрезмерными во всех смыслах этого слова для крейсеров водоизмещением в 4000 тонн и потому за все годы своей службы так и не смогли ни разу поразить противника, лишь глуша рыбу да выкидывая сотни тысяч йен на ветер. И только небольшое число 120 мм орудий установленных на этих крейсерах смогли внести свою лепту в разыгравшейся битве. Вскоре после начала сражения японский снаряд разбил на "Динъюане" марс с сигнальной площадкой, и руководство китайской эскадрой с флагманского корабля стало полностью невозможным.

Вот только за удачные действия своих современных собратьев по флоту пришлось расплачиваться японским ветеранам. Самые медленные корабли, взятые с собой больше для массовки нежели для непосредственного участия в бою, адмирал Ито вполне обоснованно поставил в конец колонны и так же как несколькими минутами ранее наиболее старые корабли китайского флота попали под обстрел самых мощных японских крейсеров, все они оказались под прицелами броненосных представителей китайского флота.

Обделив вниманием казематный броненосец "Фусо", оба китайских броненосца вместе

с парой крейсеров сосредоточили огонь на старом броненосном корвете "Хиэй" и пытавшемся укрыться за ним штабном судне "Сайкё-мару". Дистанция, сократившаяся до 7 кабельтовых позволяла вести огонь практически прямой наводкой и лишь небольшая скорострельность орудий главного калибра китайских броненосцев, делавших один выстрел в пять минут, позволила "Хиэй" пережить сближение. Тем не менее получив несколько шестидюймовых снарядов и один крупнокалиберный подарок, корвет оказался на грани гибели. Оценив незавидное положение, в котором оказался его старый корабль, капитан 2-го ранга Сакурай понял, что, продолжая двигаться вслед за мателотом, непременно подставит "Хиэй" под далеко не один залп сильнейших кораблей китайского флота и потому принял безумное с первого взгляда, но единственно верное в сложившейся ситуации решение. Приняв на семь румбов вправо, он повел свой корабль прямо в лоб накатывающему, подобно паровому катку, флагману китайского флота. Причем поворот оказался осуществлен как нельзя вовремя и пущенные броненосцами с 3-х кабельтов самоходные мины, никого не поразив, навсегда упокоились в водах Желтого моря. Однако, на этом удача броненосного корвета закончилась. Пять минут, что требовались китайским артиллеристам на перезарядку орудий главного калибра их броненосцев, истекли до того, как "Хиэй" смог проскочить в непростреливаемый сектор. Вдобавок, на сей раз артиллеристы "Динъюаня", скрепя сердцем, зарядили два из пятнадцати имевшихся на борту фугасных снаряда.

Целой цепью разрывов вздулся правый борт броненосного корвета после того как два двенадцатидюймовых снаряда разорвались в его нутре. Первый, разорвавшись вблизи кают-компаний, оставил офицеров корвета без места сбора и отдыха, заодно хорошенько проредив их каюты и личные вещи. Это повреждение оказалось донельзя обидным, но не смертельным. А вот второй снаряд мгновением позже проломив трехдюймовый броневой пояс, разорвался на батарейной палубе, вызвав детонацию и возгорание сложенных у ближайшего 150мм орудия пороховых зарядов и снарядов. На несколько секунд вся центральная часть семидесятиметрового корабля скрылась в клубах черно-серого дыма и целого клубка огненных языков.

Посчитав подобное повреждение критическим и заранее похоронив получившего увесистый удар противника, оба броненосца при поддержке крейсеров сосредоточили огонь на пытающимся удрать штабном судне, дав команде "Хиэй" столь необходимую передышку. Более четверти экипажа корвета выбыли из строя в результате этих двух попаданий. Еще столько же, по большей части отдыхающая смена кочегаров и марсовые, оказались задействованы на тушении разгорающегося пожара. Вот только передышка оказалась совсем недолгой. Не прошло и пары минут как носовую часть корвета сотряс очередной взрыв, а затем еще один и еще один, уничтоживший носовое 170 мм орудие и вызвав очередной пожар.

На открытом мостике "Полярного лиса" за завязкой сражения, можно сказать, из первых рядов, наблюдали Иениш с Протопоповым, отмечая мельчайшие ошибки и недочеты в действиях как обоих флотов, так и каждого отдельного корабля. Оба прекрасно рассмотрели как два японских крейсерских отряда, по четыре вымпела каждый, одного за другим буквально раздавили правофланговые легкие крейсера китайцев, обратив их в бегство, после чего принялись последовательно поворачивать на помощь попавшим под огонь китайских броненосцев тихоходным кораблям их флота.

Оба видели как над броненосцами раз за разом поднимались тучи дыма, гари и песка от

многочисленных попаданий снарядов японских скорострельных орудий и уж тем более они не могли пропустить маневр попавшего под раздачу старого парусно-винтового корвета.

— Похоже, пришла пора и нам поработать, Виктор Христофорович. — оторвавшись от бинокля, обратился к своему бывшему командиру и нынешнему деловому партнеру капитан 2-го ранга. — Если китайцы не упустят момент, то вскоре японцу ой как достанется. А с такой дистанции китайцы не промахнутся. Все же на броненосцах у них оказались весьма добротно подготовленные артиллеристы.

— Предлагаете поспособствовать нашим нанимателям и добить то, что останется от корвета после прохождения между броненосцами?

— Отчего нет? Мы ведь прибыли сюда не только с целью добычи средств, но и для получения бесценного боевого опыта. И вот! Этот самый опыт сам идет к нам в руки. Тем более что современных скорострельных орудий нам опасаться не придется. Этот ветеран японского флота перевооружение явно не проходил. Сами видите, как редко стреляли его артиллеристы. К тому же, отделайся он легкими повреждениями, во что лично я не верю, мы всегда сможем успеть убежать, имея двукратное превосходство в скорости. Да и сами вплотную подходить не будем. Прикроем миноносец артиллерийским огнем, а он уже пусть подлетает на два кабельтовых и пускает мины. Для того ведь он и создавался.

— Что же, давайте попробуем, Николай Николаевич. Проследите, пожалуйста, чтобы на "Цзо-И" приняли сигналы и правильно поняли наши намерения. А я пока подсоблю артиллеристам.

— Будет исполнено, Виктор Христофорович. — козырнул Протопопов, — Только прошу вас подсоблять артиллеристам из боевой рубки. Сами помните, что нам рассказывал Иван Иванович о безрассудно храбрых офицерах. — напомнил он командиру о русских капитанах и адмиралах погибших в еще не случившейся русско-японской войне на открытых мостиках своих кораблей.

— Всенепременно. — согласно кивнул Иениш и вслед за другом покинул небольшой открытый мостик.

На пристрелку наводчику носового 120 мм орудия понадобился всего один снаряд, легший в каких-то считанных метрах перед носом японца. Он даже не стал менять целик и по новой наводит орудие, "Хиэй" сам влез под следующий снаряд, проделавший не опасную пробоину в носовой части. Следующий лег уже на верхней палубе, под корень сбив переднюю мачту. А третий, после небольшой доводки угодил в спонсон 170 мм орудия, выведя последнее из строя и контузив прислугу. Все же дистанция в шесть кабельтовых для лучших артиллерийских офицеров и канониров Российского Императорского Флота, при практически идеальных погодных условиях, дистанцией не являлись.

Общая скорость сближения в 25 узлов уже через полторы минуты, в течение которых в японский корвет попало еще пять 120 мм снарядов, позволили вывести доселе прятавшийся за высоким бортом минного крейсера китайский миноносец в идеальные условия для минной атаки. На "Полярном лисе" резко переложили штурвал налево, отчего шедший на 17,5 узлах минный крейсер изрядно накренился на правый борт, но послушно принялся выполнять поворот, уходя как из прицела единственного боееспособного 150 мм орудия правого борта японца, так и с линии атаки начавшего поворот вправо миноносца.

"Цзо-И" прошел в каких-то двадцати метрах за кормой "Полярного лиса", покачнувшись на кильватерной струе расходящейся вслед за минным крейсером. Дистанция до горящего корвета составляла всего четыре кабельтовых, что уже через пол минуты позволяло выйти на

предельную дистанцию пуска самоходных мин. За эти тридцать секунд, показавшихся находящимся на верхней палубе миноносца вечностью, с "Хиэй" успели сделать всего два выстрела. Первый пришелся по отвернувшему крейсеру. Подняв солидный фонтан брызг, 150 мм снаряд разорвался в паре метров от его правого борта, обдав одного из обидчиков "Хиэйя" целым снопом осколков. Второй же прилетел уже по "Цзо-И". Просвистев в каких-то сантиметрах над головой стоящих на мостике матросов и офицеров и сорвав образовавшимся воздушным потоком с них форменные головные уборы, он упал в полтора десятках метров за кормой миноносца, чудом разминувшись с его высокой дымовой трубой.

По всей видимости, этот подарок от японских канониров поставил окончательную черту под выдержкой китайских моряков, поскольку уже через три секунды оба носовых аппарата выплюнули самоходные мины в сторону все еще огрызающегося противника, а после того как миноносец начал отворачивать вправо, чтобы оказаться по носу японского корвета и тем самым выйти из зоны обстрела бортовых орудий, прямо на циркуляции была выпущена третья мина из поворотного аппарата. До корвета было уже чуть более 2-х кабельтов и потому все три мины имели неплохие шансы добраться до намеченной жертвы.

Все еще продолжавшаяся стрельба ведшаяся как с минного крейсера, так и из 37 мм пушек миноносца прекратилась как по мановению руки и десятки глаз с жадностью впились в хорошо заметные буруны оставляемые самоходными минами за собой.

Одна из первой пары выпущенных мин разминулась с носом японского корабля в считанных сантиметрах. Было похоже, что он даже протаранил ее своим форштевнем, в который и воткнулась ее товарка. Раздавшийся взрыв не только подкинул носовую часть "Хиэй" над водой и породил солидных размеров водяной фонтан, но, что самое главное, проделал огромную пробоину в подводной части старого броненосного корвета, в которую тут же устремилась бурлящая вода. Не успел "Хиэй" осесть носом после первого взрыва, как напротив третьей мачты поднялся еще один огромный фонтан воды, наглядно показавший, что японскому кораблю остались считанные минуты жизни.

"Цзо-И" не успел даже завершить циркуляцию, чтобы вновь оказаться в кильватере минного крейсера как все еще горящий корвет завалился на правый борт и перевернулся вверх килем. Не прошло и минуты как махнув напоследок винтом, он ушел под воду носом вперед, утащив вслед за собой почти всех членов экипажа. На борт посланного для проведения спасательных работ миноносца смогли поднять всего двоих живых японских моряков плававших среди многочисленных деревянных обломков оставшихся на месте гибели корабля, да три трупа, которые впоследствии сбросили обратно в море.

Отметив в вахтенном журнале примерные координаты и время гибели японского корабля, Иениш с удивлением отметил, что с начала их первого выстрела прошло всего-то семь минут. Времени, которое он прежде тратил на смакование чашечки чая оказалось более чем достаточно для уничтожения броненосного корабля водоизмещением в 2200 тонн. Да его погибшая в прошлом году "Русалка" имела заметно худшие характеристики по сравнению с "Хиэй"! И если современное вооружение оказалось способным с такой легкостью расправиться с кораблем устаревшего типа, доклад об этом, несомненно, должен был попасть в руки адмиралов российского флота, в составе которого все еще хватало даже более древних кораблей.

Отослав миноносец обследовать место крушения, он направил крейсер вслед ползющим на юго-запад китайским броненосцам, которые переключились на избивание транспорта водоизмещением под 3000 тонн шедшего под флагом Японского Императорского Флота, а

потому являвшегося законной целью и добычей. Вот только накатывавшие с северо-запада отряды японских крейсеров всем своим видом намекали, что надолго кое-как вооруженный пароход не останется в одиночестве против большей части китайского флота.

Так же думал и капитан 2-го ранга Сакамото. В отличие от прочих канонерских лодок серии "Майя", его "Акаги", ставшая последней в серии, благодаря надстроенным бортам и полубаку оказалась достаточно мореходной, чтобы ее включили в отряд отправившийся на перехват китайского флота. Немалую роль в этом сыграло и заметно отличавшее ее от товарок вооружение. Вместо одного монструозного орудия, годного только для обстрела наземных целей и одной ретиральной пушки, канонерка получила четыре скорострельных 120 мм орудия Круппа в бронированных полубашнях и шесть 47 мм пушек Гочкиса для противодействия миноносцам. Вот только даже четыре современных орудия среднего калибра способных вести огонь на любой борт не смогли оказать серьезного сопротивления не только броненосцам, но даже продолжавшим держаться с ними в одной линии крейсерам.

Насколько самоотверженная настолько же и самоубийственная атака одиночной японской канонерки закончилась, не успев толком начаться. Восьмидюймовый снаряд прилетевший в ответ на первые залпы канонерки с таранного броненосного крейсера "Лайюань" разворотил мостик, убив находившегося на нем капитана и двух матросов. Не успел командование "Акаги" принять штурман как очередной бронебойный восьмидюймовый снаряд пробил корпус канонерской лодки на уровне нижней палубы и повредил паропровод. Вырвавшийся из рассеченных трубок пар в мгновение ока насмерть ошпарил четырех оказавшихся поблизости кочегаров и полностью перекрыл ход в артиллерийский погреб, заставив на некоторое время замолчать скорострельные орудия японцев. Перекрыть же трубки не представлялось возможным, поскольку для этого требовалось погасить топки, что неминуемо вело к полной потери скорости и гибели небольшого корабля под ударами тяжелых снарядов китайского крейсера.

Пока японские моряки прорубались через вентиляционную трубу, чтобы вновь получить возможность подавать снаряды к орудиям, штурман отвернул теряющую ход канонерку на десять румбов влево и попытался уйти на юг от превосходящих китайских сил, чтобы там попытаться провести ремонт. Вот только, имея даже в лучшие времена скорость в 10 узлов, парящая через пробоину "Акаги" не имела ни малейшего шанса уйти от куда более быстроходного противника. Оставив штабное судно на растерзание броненосцам, крейсер "Лайюань" кинулся вслед попытавшейся скрыться канонерке, посылая ей вдогонку один за другим восьми — и шестидюймовые бронебойные подарки. Благодаря расположению орудий среднего калибра побортно в спонсонах, "Лайюань" имел возможность вести огонь всеми орудиями, за исключением части противоминной артиллерии, прямо по носу, отчего выбранная китайским адмиралом тактика боя оказалась наиболее приемлемой непосредственно для этого корабля и его сестершипа.

Вскоре ковыляющая на 4-х узлах канонерка начала получать новые повреждения. Один за другим в нее влетели пять шестидюймовых снарядов, прошедших сквозь небронированный корабль, как раскаленный нож сквозь масло, и оставив после себя лишь небольшие входные и выходные отверстия. Следом за ними канонерку пробил насквозь еще один восьмидюймовый бронебойный снаряд, а за ним еще два шестидюймовых. Будь они все фугаными и от небольшой канонерки в 620 тонн водоизмещением не осталось бы и следа, но

на счастье японцев куда более дорогие фугасные снаряды являлись весьма редкими гостями в артиллерийских погребах китайских кораблей. Ответным же огнем единственного кормового орудия, к которому удалось организовать подачу снарядов, канониры "Акаги" раз за разом принялись поражать преследователя. Созданные для обстрела берега орудия канонерки имели в боекомплекте только фугасные снаряды, которые при попадании безобидно разбивались на его 127-мм броневом поясе, но неумолимо разжигали на шикарной тиковой палубе покрытой для лучшей сохранности и красоты несколькими слоями лака один очаг пожара за другим. И даже два влетевших в бронешит кормового орудия 47 мм бронебойных снаряда не смогли прервать невероятно результативное огрызание единственного орудия.

Попробуй кто внимательно пронаблюдать за поединком этих двух кораблей, он бы непременно оценил весь горький сарказм сложившейся ситуации. Броненосный боец, имея в наличии исключительно бронебойные снаряды не мог уничтожить другого по причине отсутствия у того достаточно толстой брони, а второй, в свою очередь, имея только и исключительно фугасные снаряды не мог нанести фатальные повреждения своему закрытому броней противнику. В той истории что помнил Иван, так оно и случилось — некому было следить за их перестрелкой. Теперь же таковые нашлись и уже вовсю готовились с грацией слона в посудной лавке вмешаться в общение двух водоплавающих бойцов.

Оставив "Цзо-И" за кормой подбирать уцелевших японских моряков, "Полярный лис" набравший уже восемнадцать узлов, за какие-то пять минут нагнал основные силы китайского флота. Те как раз целеустремленно и с немалым воодушевлением дырявили бронебойными болванками высокие борта грузо-пассажирского парохода. Прямо на их глазах залп правой башни главного калибра китайского флагмана лег точнехонько в борт судна, оставив в нем два аккуратных входных и столько же выходных отверстий. Но становящийся все более похожим на кусок швейцарского сыра, с разбитой вдребезги рубкой "Сайкё-мару", имея ход в 10 узлов, минута за минутой отрывался от броненосцев не способных после многих лет службы в китайском флоте дать более 8 узлов. К тому же многочисленными всплесками встававшими у борта оказавшегося крайним с правого фланга "Чжэньюаня" крейсера отряда адмирала Ито давали знать о своем неминуемом приближении.

Все еще пытавшие сохранить подобие строя китайские корабли принялись кто как мог разворачиваться в сторону подходящих крейсеров противника, окончательно ломая никем не контролируемый строй, а вслед живучему пароходу устремился "Полярный лис", которому разборки с крейсерами противника были полностью противопоказаны. В отличие от китайских кораблей, основу его боезапаса составляли как раз фугасные снаряды, снаряженные мелинитом, а не дымным порохом как в системах предыдущего поколения. Помятуя о гигроскопичности данного вещества, Иван убедил Иениша в необходимости сохранения определенного уровня влажности в артиллерийских погребах и уже смог наблюдать в действии штатно взрывающиеся снаряды. Вот и теперь в ответ на неприцельный огонь из 37 мм револьверных пушек Гочкиса, открытый с борта преследуемого транспорта, уже успевшие отличиться канониры носового орудия с третьего выстрела поразили пароход в корму, после чего принялись засыпать "Сайкё-мару" двадцатикилограммовыми фугасами, выпуская по восемь снарядов в минуту. Можно было стрелять и быстрее, но Иениш приказал беречь боеприпасы и потому каждый последующий

выстрел производился только после тщательного прицеливания, благо дистанция в 7 кабельтовых позволяла хорошенько рассмотреть как саму цель, так и воздействие на нее своих снарядов. Получив не менее пятнадцати попаданий в многострадальную корму и не менее десятка очень близких разрывов, несомненно, раскачавших или прорвавших часть листов обшивки, пароход осел кормой и тяжело дымя принялся выкатываться в неуправляемую циркуляцию из-за повреждения руля.

— Этак мы весь боекомплект израсходуем прежде чем потопим его. — покачал головой наблюдавший за избиением "младенца" Иениш, — Как вы полагаете, Николай Михайлович?

— Полностью с вами согласен, Виктор Христофорович. — кивнул старший офицер. — Разве что вплотную подойдем и сделаем с десяток пробоин пониже ватерлинии.

— Уж больно долго возиться придется. — скривился Иениш, — А у нас восемь японских крейсеров на подходе. Так что лучше отработаем миной. Зря что ли их тащили с самой Балтики? Прикажите минному отсеку готовить одну рыбку к пуску. Углубление выставить в один метр. Пароход идет практически пустым. Вон как высоко сидит в воде не смотря на повреждения.

— Слушаюсь, Виктор Христофорович.

С дистанции в один кабельтов, чтобы не тратить дорогостоящее изделие попусту, "Полярный лис" выпустил одну самоходную мину и тут же принялся отворачивать вправо, чтобы пройти за кормой обреченного транспорта, где уже были уничтожены ведущие беспокоящий огонь 37 мм скорострелки. Не смотря на множественные дефекты и отказы самоходных мин, в этот день все пущенные в ход и достигшие бортов противника сработали как надо — прямо по центру "Сайкё-мару" поднялся огромный столб воды и в потроха судна хлынул сметающий все на своем пути обжигающе холодный поток. Не являясь боевым кораблем от рождения, "Сайкё-мару" не мог похвастаться такой же живучестью, что крейсера сходного водоизмещения. Гораздо меньшее количество отсеков и водонепроницаемых переборок способствовали быстрому распространению воды внутри корпуса и затопливанию все нового пространства. Вскоре вода начала поступать и в машинное отделение. Видя, что борьба с затоплением не приносит результата и ее уровень постепенно повышается, дежурная смена кочегаров принялась тушить топки и стравливать пар, чтобы подступающая к раскаленным бокам котлов ледяная вода не привела к их взрыву, грозившему куда большими последствиями нежели попадание самоходной мины. Спустя десять минут после поражения миной капитан 2-го ранга Кано понял, что пароход обречен и приказал спускать шлюпки. На борту "Сайкё-мару" находился весь штаб флота и рисковать жизнями столь ценных для страны офицеров он не имел никакого права, потому первыми в шлюпки сажали именно пассажиров. Продержавшись на поверхности почти двадцать минут "Сайкё-мару" ушел на дно на ровном киле, позволив спастись всем, кто не погиб во время обстрела. Вот только дожидаться развязки очередной морской трагедии командир "Полярного лиса" не решился и отвернув от приближающихся японских крейсеров, взял курс на удаляющийся китайский крейсер, впереди которого маячил небольшой японский корабль.

В 14:01 неторопливо разгладивший седые усы наводчик бакового 120 мм орудия, прищурил оставшийся, не смотря на возраст, верным глаз, удовлетворенно хмыкнул и дал отмашку на первый выстрел по новому противнику. Вставший метрах в пяти с левого борта и с небольшим недолетом фонтан воды ничуть не расстроил старого канонира. Дождавшись когда более молодые коллеги по артиллерийскому ремеслу зарядят в орудие новый унитар, он вновь прильнул к оптическому прицелу и введя небольшие, ведомые одному ему,

поправки, вновь дал отмашку.

Сосредоточенные на обстреле куда более крупного, мощного и оттого опасного китайского броненосного крейсера, японцы обратили внимание на нового участника их дуэли только после того, как разорвавшийся на борту фугасный снаряд смел с палубы одно из 47 мм орудий вместе с расчетом и матросами выстроившимися в цепочку для передачи к кормовому орудью боеприпасов. Следующий снаряд поразил многострадальный мостик, на котором после попадания двух восьмидюймовых снарядов уже не осталось ничего целого и никого живого. А потом накрытия и попадания пошли одно за другим. За последующие четыре минуты "Акаги" получила восемь прямых попаданий повредивших единственное 120-мм кормовое орудие, пробивших солидную дыру в дымовой трубе и смявших одну из вентиляционных труб. И так небольшая скорость упала до совсем уж никудышных двух узлов, на которых канонерская лодка даже не могла управляться. На ее палубе принялись разгораться пожары от рассыпанного из порванных картузов пороха, поглощая деревянную палубу и обломки разбитых снарядами шлюпок. Вся корма канонерской лодки вплоть до дымовой трубы принялась потихоньку скрываться в языках пламени, поскольку бороться с огнем было практически некому. Из ста человек составлявших экипаж "Акаги" в строю оставалось не более половины, занятых большей частью в машинном отделении или эвакуацией с кормы раненых не способных самостоятельно уползти от подступающего к ним огня.

Оценив состояние противника, Иениш приказал прекратить обстрел и подойти к борту затянутого черным дымом китайского крейсера, чтобы помочь его команде в борьбе с разгорающимся пожаром. Со снизившей скорость до десяти узлов и подошедшего к левому борту "Лайюаня" русского минного крейсера вскоре ударило три фонтана воды. Не смотря на гораздо более низкий борт, усиленным пожарным расчетам удалось отвоевать у огня часть палубы вокруг башни главного калибра, а после того как оба корабля полностью сбросили ход и с "Лайюаня" подали штормовой трап, перешедшие непосредственно на борт китайского крейсера русские моряки за пол часа смогли полностью справиться с огнем, хоть и пришлось вырубать, а потом выкидывать за борт немалую площадь тлеющего палубного настила. Но этой работой занимались уже китайские моряки. Как впоследствии оказалось, борьба с огнем на корабле хоть и велась, но исключительно песком и ручным инструментом, поскольку пожарных шлангов на борту не оказалось. Куда они подевались за время нахождения корабля на службе, никто, включая капитана 1-го ранга Чию Пао-джена, поведать не смог.

Вскоре к стоящим борт к борту кораблям подошел "Цзо-И", командир которого решил, что отбиваться от столь грамотного и удачного командира как русский капитан 1-го ранга не стоит, тем более что основная часть китайского флота уже сошлась с японскими крейсерскими отрядами в клинче и делать одинокому миноносцу, растратившему весь боезапас, в образовавшейся свалке было нечего. А уходить в одиночку обратно к устью Ялу не было никакого желания.

Доложив командиру "Лайюаня" о известных ему подробностях сражения главных сил и имеющемся у него приказе держаться в одном отряде с русским минным крейсером, лейтенант Ван с удовольствием принял приказ вышестоящего офицера удостовериться в гибели японской канонерской лодки, густой дым от пожара на которой высоко поднимался в небо примерно в двух милях южнее, разумно умолчав, что если канонерка все еще будет оставаться на плаву, поразить ее окажется нечем. Передав пленных японцев на борт

крейсера, небольшой миноносец отвалил от правого борта "Лайюаня" и вскоре занял место в кильватере русского минного крейсера, повернувшего в сторону японской канонерки. Как и его ведомый, Иениш здраво рассудил, что "Полярному лису" нечего делать в собачьей свалке, а на заметно побитой японской канонерке оставалось немало ценного добра, упускать которое не было никакого желания. Даже если прибрать саму канонерку к рукам не оказалось бы возможным, одно ее весьма современное вооружение и боеприпасы тянули почти на сто тысяч рублей. Дело оставалось лишь за принуждением японцев к сдаче их корабля, если слово "лишь" вообще было бы уместным по отношению к подобному желанию. Все же японцы слыли натуральными фанатиками, готовыми сложить свою голову, но не опозорить себя, страну и императора сдачей в плен. Теперь команде "Полярного лиса" предстояло проверить это на практике.

Тем временем, пока оставившие небольшую канонерку в покое команды кораблей китайского флота сосредоточили все свое внимание на борьбе с разгорающимся на борту одного из них пожаром, остатки команды этой самой канонерки с ужасом наблюдали как огонь метр за метром пожирал верхнюю палубу их небольшого корабля. Все офицеры, один за другим принимавшие командование над кораблем погибли под жесточайшим обстрелом, которому подверглась "Акаги". Лишь штурман все еще был жив, но давно потерял сознание от кровопотери и лишь изредка бредил, еле слышно бормоча себе под нос нечто непонятное. Последним погиб младший механик при возгорании брошенного на палубе порохового заряда. В момент вспыхивания заряда он как раз проходил мимо, таща на плечах обгоревшего матроса, с которым и вылетел за борт, охваченный огнем с ног до головы. Спасти их даже не пытались. Останавливать или разворачивать лодку в сложившихся условиях было смерти подобно.

Все попытки организовать борьбу с огнем наталкивались на отсутствие должной организации и нехватку средств пожаротушения. В ход шло все, от единственного уцелевшего брандспойта, до немногочисленных ведер и даже матросских рубах, которые завязывали на манер котомок и опускали за борт в попытке зачерпнуть хоть небольшую толику воды. Вот только если на верхней палубе старались достать и вылить на пылающую палубу как можно большее количество воды, то во внутренних отсеках канонерки боролись как раз с ее постепенным поступлением через пробоины. Уже был оставлен и задраен кормовой отсек, заполнение которого заставило осесть канонерку кормой и открыло доступ воды к аккуратным отверстиям, наделанным чуть выше ватерлинии китайскими бронебойными снарядами. Через эти аккуратные дырки, а также щели в переборках и заклепки вода начала поступать в машинное отделение. Все попытки заткнуть их одеждой, распорками и деревянными щитами позволили лишь на время остановить прибытие воды, но та начала поступать сверху, просачиваясь через прогоревшую палубу. На борту сложилась патовая ситуация — тушить было нельзя, но и не тушить было невозможно. В результате короткой перепалки борцов с огнем и выскочившими из недр канонерки чумазыми механиками и кочегарами закончившейся парой расквашенных носов, было принято решение спустить из котлов излишний пар и погасить топки. Пусть в этом случае корабль полностью терял ход, но зато к тушению пожара и откачке из трюма поступающей воды оказывалось возможным привлечь еще два десятка человек.

Вот только увлеченные спором матросы забыли, что динамомашина, обеспечивавшая работу пожарного насоса и водоотливных средств непременно должна была встать после аварийного спуска пара. Что через минуту и произошло. Стоило облаку обжигающего пара

подняться над бортом "Акаги", бывшая из брандсбойда струя в одно мгновение сошла на нет, а уровень воды в машинном отделении начал весьма заметно подниматься.

Вскоре корма опустилась настолько, что небольшие волны начали заливать обгоревшую палубу, давая понять, что без посторонней помощи канонерской лодке выжить не удастся. Но вот столь необходимой помощи ждать не приходилось. Наоборот, под боком просматривались лишь китайские корабли, на которых борьба с огнем, по всей видимости, подходила к концу, после чего оба несомненно должны были подойти, чтобы добить сильно поврежденную канонерку.

В результате очередного эмоционального и скоропалительного спора, обе оставшиеся на борту шлюпки были спущены на воду, после чего в них под завязку набились все уцелевшие члены команды. Паника, все же обуявшая людей, не дала им провести все необходимые действия, дабы корабль не достался врагу. Не были окрыты кингстоны, не были забраны бумаги из каюты капитана, включая бортовой журнал. Никто даже не удосужился выбить подпорки и щиты перекрывавшие пробойны, чтобы позволить водной стихии побыстрее прибрать в свои глубины небольшой корабль.

Именно к такому оставленному командой и постепенно тонущему кораблю и подошел небольшой миноносный отряд. Оценив открывшуюся взору картину, Иениш лишь довольно улыбнулся и тут же приказал готовить спасательную партию из числа призовых команд. За две минуты на спущенных с "Полярного лиса" гребных катерах шесть десятков человек подошли к сильно осевшей в воде канонерке и разбежавшись по ее палубе принялись выискивать пробойны, через которые поступала вода. В трюм же полетели шланги двух ручных помп, на рычаги которых тут же налегли плечистые матросы. Также на минный крейсер передали сообщение об отсутствии угрозы и вскоре с подошедшего вплотную к ее борту "Полярного лиса" на низкую палубу "Акаги" полетели шланги насосов, внесших солидный вклад в дело откачки поступающей на ее борт воды. С него же принялись передавать деревянные щиты и брезентовые накладки для заделки пробоин, одновременно заливая водой горящую палубу.

Тем временем, проводивший первоначальную разведку оставленной экипажем канонерки "Цзо-И" по наводке с более высокого минного крейсера, бросился вслед за удаляющимися шлюпками, успевшими отойти на 15 кабельтов. Приблизившись на 100 метров к двум переполненным шлюпкам и предложив японским морякам сдаться, командир миноносца получил в ответ лишь многочисленные выкрики, да жесты, которые он принял за воинственные. Что же на самом деле кричали и показывали экипажу китайского миноносца японские моряки осталось тайной за семью печатями. Две 37 мм пушки Гочкиса размеренно застучали звонкими выстрелами, дырявя бронебойными болванками тонкие деревянные корпуса шлюпок. Спустя две минуты и два десятка выпущенных снарядов на поверхности воды остались одни лишь деревянные обломки, да считанное число пытавшихся зацепиться за них японцев. Добивать их никто не стал, но и спасать тоже, оставляя моряков на произвол судьбы. Лейтенант Ван Пин выполнил приказ своего адмирала отданный еще до выхода в море — пленных не брать.

Узнавший через четверть часа о случившемся Иениш, мягко говоря, оказался сильно раздосадован и многое высказал китайскому офицеру нарушившему один из наиболее важных морских законов. Многое из речи русского капитана 1-го ранга удалось сгладить переводчику, но даже того, что оказалось донесено до сознания командира миноносца было достаточно, чтобы разжечь в нем обиду на русского командира. Тем не менее, приказу он

подчинился и приняв на борт с десятков русских моряков, вернулся к месту расстрела лодок, где из воды удалось достать только четверых едва живых от переохладения японцев, один из которых вскоре скончался прямо в машинном отделении миноносца, куда их снесли для быстрого согрева.

Стрелки на часах показали половину пятого вечера, когда заведенный с кормы "Полярного лиса" буксировочный трос натянулся и заметно обгоревшая, но более не тонущая канонерка стронулась с места и с черепашной скоростью потянулась вслед за минным крейсером. Рядом с ней держался миноносец, на тот случай если срочно придется снимать перегонную команду начини трофей вновь тонуть.

На северо-западе все еще сильно грохотало, а горизонт был затянут многочисленными черными дымами, потому, опасаясь нарваться на один из японских крейсеров, Иениш принял решение идти в Вэйхайвэй для чего на изрядно потративший топливо миноносец прямо на ходу передали почти восемь тонн угля, благо на 4-х узлах проводить подобную операцию оказалось вполне возможно.

Благодаря милости погоды и опытным штурманам путь до китайской военно-морской базы занял у небольшого отряда чуть менее двух суток. Сказать, что своим триумфальным появлением они произвели фурор, значило не сказать ничего. Новости о состоявшемся сражении еще не добрались до Вэйхайвэя, когда под орудийный салют с фортов прикрывавших военно-морскую базу и в сопровождении выскочившего навстречу дежурного миноносца два небольших корабля с трофеем на буксире, принялись вползать на внутренний рейд.

Празднества по случаю их прибытия что в городе, что на фортах длились два дня, пока из Люйшунькоу по телеграфу не пришла информация о результатах недавнего боя близ реки Ялу, ознакомившись с которой командование базы резко впало в уныние. Помимо того, что оба прибывших в Вэйхайвэй миноносных корабля были признаны потерянными, китайский флот лишился пяти крейсеров из восьми участвовавших в бою и 650 моряков только погибшими. Подобный итог сражения, даже с учетом притащенного трофея и потопления двух далеко не самых важных кораблей японского флота, уже не выглядел столь успешным как казалось ранее.

Помимо двух подбитых в самом начале сражения и позже погибших небольших старых крейсеров, под сосредоточенный обстрел "Летучего отряда" по очереди попали все оставшиеся китайские крейсера, серьезно уступавшие своим японским визави по всем статьям. Особенно остро этот вопрос касался вооружения. Немногочисленные и не способные похвастаться большой скорострельностью орудия китайских кораблей хоть и поражали, время от времени, то один, то другой японский корабль, не смогли нанести им критических повреждений. Даже флагманский крейсер адмирала Ито "Мацусима" получивший двенадцатидюймовый подарок от "Динъюаня" в батарейную палубу, отчего ту разнесло вдребезги вместе с большей частью орудий и прислужой, смог, после окончания сражения, самостоятельно добраться до Японии своим ходом. Прочие же японские корабли, что не пошли на дно, отделались куда меньшими повреждениями. И даже вернувшийся обратно в строй "Лайюань" не смог внести весомый вклад в рисунок боя. Правда, еще до его возвращения, как раз в тот момент, когда на его борту закончили тушить пожар, сильно пострадавший от огня японских крейсеров "Чжиюань", имея крен на правый борт, попытался протаранить флагман адмирала Цубоя. Но, не добравшись до врага, после сильнейшего взрыва разорвавшего носовую часть крейсера, ушел на дно, махнув напоследок

вращающимися винтами. Что именно произошло с крейсером: подрыв погреба боеприпасов или носового минного аппарата так и осталось неясным.

Впоследствии, японцы, используя свое превосходство в скорости, старались держаться от китайских кораблей на средней дистанции, являвшейся идеальной для скорострельных орудий среднего калибра. Постоянно кружа в 15–20 кабельтов от противника, самые быстрые крейсера японского флота в течение полутора часов забрасывали китайские крейсера фугасными снарядами с максимальной скорострельностью, сосредотачивая огонь парой, а то и всей четверкой то на одном, то на другом корабле.

Так на попавшем под раздачу "Лайюане" вновь вспыхнул нешуточный пожар, а помочь в его тушении было уже некому. В результате, получив за пол часа около полутора сотен попаданий и объятый пламенем от башни главного калибра до кормы, где еще было чему гореть, он был списан японцами со счетов, после чего они перенесли огонь на его систершип.

Построенный по тем же чертежам и на той же Штеттинской верфи "Цзинъюань" поначалу столь же стойко переносил попадания японских фугасов, благодаря солидному броневому поясу. Но стоило снарядам начать рваться на его палубе, как огонь в считанные минуты распространился по кораблю. Объятый пламенем и от того не способный вести ответный огонь, китайский таранный броненосный крейсер повернул прямо на флагманский "Иосино", чтобы попытаться счастья в том, чего не смог достичь его погибший ранее коллега, но добраться до японского крейсера также не смог. Помимо того, что "Цзинъюань" изначально уступал японцу в скорости, своим маневром он обратил на себя внимание абсолютно всех артиллеристов "Летучего отряда" и вскоре скрылся во множестве водяных всплесков и огненных разрывах. Не прошло и пяти минут, как рыскавший в дыму из стороны в сторону крейсер принялся садиться в воду носом и крениться на левый борт, получив, по всей видимости, несколько подводных пробоин ниже броневое пояс. Вскоре его корма приподнялась настолько, что над водой показалось перо руля и взбивающие воду винты. Серьезно поврежденный крейсер принялся крутиться в неуправляемой циркуляции. Внезапно все закончилось. На крейсере раздался сильнейший взрыв, после которого его корма буквально рухнула обратно в воду, а когда густое облако дыма рассеялось, все увидели легший на борт "Цзинъюань". Опрокинувшись вверх дном подобно погибшему в прошлом году английскому броненосцу "Виктория", он в мгновение ока исчез с поверхности моря.

После этого длившийся уже четыре часа бой стал постепенно затихать. Обе стороны расстреляли почти весь имевшийся боекомплект, да к тому же полученные повреждения требовали скорейшего укрытия в надежной бухте на случай непогоды, грозившей довести до логичного завершения то, чего не удалось добиться канонирам с обеих сторон.

В результате японцы вернулись к устью реки Тэдонган, где под прикрытием канонерок оставались войсковые транспорты, а китайский флот, во всяком случае, те корабли, что оставались в пределах видимости флагмана, собравшись близ устья Ялу и исправив до начала сумерек наиболее критичные повреждения, отправился на ремонтную базу в Люйшунькоу, оставив в качестве прикрытия для транспортов три миноносца и две не успевших принять участия в бою старых ренделовских канонерки. При этом уже на подходе к базе невероятно обидно погиб небольшой авизо "Гуанцзи", в числе первых сбежавший с поля боя следом за крейсером "Цзиюань". Проходя недалеко от порта Далянь, он налетел на подводные скалы у островов Саншандао и был подорван командой, поскольку спасти небольшой композитный корабль уже не представлялось возможным.

Читая предоставленный отчет, Иениш рисовал у себя в уме картину прошедшего боя для составления доклада и заранее жалел адмирала Дина. В отличие от его небольшого отряда, возвращение китайского флота в Люйшунькоу вряд ли выглядело величественно и триумфально. Обгоревшие, с выбитыми орудиями и поваленными мачтами, набитые десятками раненых моряков, крейсера и броненосцы вряд ли напоминали бесспорных победителей. Да и полученные ими повреждения исправить даже силами немалой ремонтной базы в Люйшунькоу вряд ли представлялось возможным в ближайшее время, что автоматически на время делало японский флот хозяином Желтого моря, если у них сохранились относительно целыми хотя бы пара крейсеров.

Вот только прежде чем жалеть китайских союзников, Иенишу предстояло разобраться с немалым количеством проблем, обрушившихся на его голову. Пара легших недалеко от борта "Полярного лиса" фугасных снарядов оставили после себя на память три десятка пробоин, заделыванием которых уже целый день как занимались моряки минного крейсера при поддержке местных ремонтных мастерских. Из трехсот 120 мм снарядов была расстреляна почти треть, а пополнить их запас не представлялось возможным — снаряды к английким орудиям с японской канонерки не подходили. Также не удалось достать боевой уголь, а в угольных ямах самого крейсера оставалось всего шестьдесят тонн. В принципе, уголь можно было прикупить в Шанхае, вот только судовая касса уже показывала дно, а проведенный бой не принес в карман ни копейки. Еще и комендант Вэйхайвэя до того обнаглел, что лично пришел поблагодарить русских добровольцев за столь шикарный подарок китайскому флоту как трофейная японская канонерка.

Вспомнив тот визит, Иениш аж затрясся в гневе и для успокоения нервов, которые, по словам Ивана, не восстанавливаются, пригубил коньяка. Немного успокоившись, он припомнил последовавший следом разговор и расплылся в улыбке. Иванов, в отличие от офицеров минного крейсера, не стал молчать в попытке сохранить офицерскую честь, а прямо заявил высокопоставленному китайскому офицеру, что как новый владелец канонерской лодки "Акаги" с удовольствием продаст ее Империи Цин за жалкие пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Теперь уже китайская делегация потеряла дар речи от наглости русских. Не менее часа они распинаясь в увещательных словесах, склоняя Иванова к осознанию неверности его пожеланий и действий, но тот оставался непреклонным и через пол часа беседы, наоборот, повысил цену еще на пять тысяч фунтов. Ведь требовалось как следует отблагодарить экипаж китайского миноносца, который оказался достойным и надежным напарником в прошедшем бое. Документы же на дарение трофейной канонерской лодки частному лицу Иванову Ивану Ивановичу были составлены и подписаны Иенишем с Лушковым еще во время пути к Вэйхайвэю.

В тот, первый, визит договориться не удалось. Каждая сторона стояла на своем, не желая слушать и понимать убеждения противной стороны. На пару дней переговоры были прерваны, а на самой канонерке продолжались ремонтные работы. Уже был полностью осушен затопленный ранее отсек и на подводную пробоину наложили заплатку. Также поменяли листы поврежденной обшивки и с помощью портового крана сняли два обгоревших 120 мм орудия и одну 47 мм пушку, оставив на борту только не пострадавшее от обстрела и огня вооружение. На всякий случай был выгружен на берег весь боезапас, дабы избежать непроизвольного подрыва при проведении ремонтных работ. В качестве же небольших приятных неожиданностей на борт "Полярного лиса" перенесли содержимое

судового сейфа и уцелевшие личные вещи экипажа, из тех, что не стыдно было тащить на борт.

В то время как матросы из призовых команд занимались ремонтом канонерки, Иениш, оставив за старшего Лушкова, повел свой корабль в Люйшунькоу, чтобы обсудить вопрос выкупа канонерки с человеком, способным принимать решения, каким, несомненно, являлся адмирал Дин.

Чтобы не нарваться на японские корабли, Вэйхайвэй покинули под вечер и к восходу солнца "Полярный лис" лег в дрейф в миле от входа в военно-морскую базу. Иениш не имел понятия, выставили ли китайцы минное заграждение и дабы не рисковать, сперва отправил вперед катер, чтобы договориться о проходе. На его счастье горизонт был пуст, а потому время на переговоры имелось.

Лишь через три часа катер вернулся обратно к минному крейсеру с лоцманом на борту. Заводка небольшого минного крейсера на внутренний рейд, а следом и в Восточный Бассейн из-за небольшой осадки не вызвала каких-либо проблем, но вот приткнуться забежавшему на огонек "Полярному лису" оказалось некуда. Проходя на черепашьей скорости вдоль пирсов, Иениш, как и прочие собравшиеся на палубе, смог во всех подробностях рассмотреть чего удалось добиться японским артиллеристам в прошедшем недавно сражении.

Получивший более двухсот попаданий снарядами среднего калибра, в том числе несколько ниже ватерлинии, "Чжэньюань" оккупировал сухой док и всю красовался многочисленными пробоинами в листах обшивки, хотя кое-где уже виднелись последствия первых попыток китайских рабочих начать ремонт. Тут и там на протяжении всего его корпуса кучками по три-четыре человека толпились работники местной ремонтной базы, размахивая кувалдами. Одни сбивали заклепки с листов, что подлежали замене, другие, наоборот, расклепывали раскаленные докрасна заклепки, закрепляя на корпусе очередной новый стальной лист. Параллельно с ними с помощью смонтированного под боком крана, снимали поврежденный барбет носовой шестидюймовки, что была уничтожена прямым попаданием. Однако далеко не все можно было отремонтировать даже силами лучшей ремонтной базы китайского флота. Так невозможно было найти замену разбитому прямым попаданием двенадцатидюймовому орудью. Не подлежала восстановлению гидравлическая система вращения той самой носовой шестидюймовки. А про котлы, замены которых требовали все без исключения корабли Цинского флота, нечего было и говорить. "Динъюань" хоть и обошелся без подводных пробоин, внешне представлял из себя кучу искореженного металлолома. Все, что не было прикрыто броней, оказалось изуродовано до неузнаваемости.

Но если даже с такими повреждениями броненосцы смело могли именоваться боевыми единицами, то вот старый знакомый — крейсер "Лайюань" полностью выгоревший после очередного возгорания, в мирные времена, скорее всего, был бы списан в утиль. Жар от бушевавшего на его борту пожара оказался столь велик, что понемногу терявшие жесткость листы обшивки продавливались изнутри бимсами, делая крейсер похожим на мумию иссушенного солнцем неизвестного зверька. Тем не менее, китайцы всю трудились в его потрохах и на вновь возводимой палубе, стараясь вернуть флоту сильнейший из оставшихся крейсеров.

Адмирал Дин выявил желание встретиться с командиром "Полярного лиса" сразу как узнал о прибытии к Люйшунькоу корабля русских добровольцев и заставлял его ждать

Иениш не собирался. Пусть, на фоне заранее оговоренных общих экономических интересов, куда лучшие отношения у него складывались с представителями политической и экономической сословий империи Цин, нежели с представителями ее военно-морского флота, кастовая солидарность ставила выше прочих именно военных моряков. Да и сам адмирал вызывал у Иениша симпатию. Все же в отличие от многих высокопоставленных цинских высших офицеров он не был трусоватым ворюгой, и по праву занимал свою должность командующего сильнейшего китайского флота. К тому же вокруг себя он смог собрать подобных себе офицеров, и лишь слабое материально-техническое обеспечение не позволило ему показать японцам все, на что был способен его флот.

— Здравия желаю, господин адмирал. — отдал честь Иениш, стоило ему зайти в кабинет китайского командующего. Дождавшись, когда ставший почти его тенью господин Цун переведет, он продолжил, — Представляюсь по факту прибытия в Люйшунькоу минного крейсера "Полярный лис".

— Здравия желаю, господин Иениш. — на европейский манер поприветствовал гостя адмирал. — Прошу присаживаться. — он указал рукой на шикарное кресло. — Спешу лично поздравить вас с воинскими успехами, достигнутыми во время недавнего сражения. Это же надо было такому случиться, что наиболее сильный урон японцам нанесут два самых малых корабля флота. Знал бы заранее о ваших несомненных талантах, отдал бы под ваше командование все имевшиеся в наличии миноносцы. Но теперь-то уж поздно что-либо говорить. Сделанного не воротишь.

— Благодарю за столь лестную оценку наших действий, господин адмирал. Мы старались выполнить взятые на себя обязанности с максимальной эффективностью.

— И вам это удалось, господин Иениш. На лейтенанта Вана я уже подготовил приказ для получения следующего чина, вас же, как иностранного инструктора, я могу лишь лично поблагодарить и выразить свое искреннее восхищение.

— Если вы позволите, господин адмирал, то в качестве награды вы могли бы поспособствовать мне в разрешении одной проблемы. Как вам может быть известно, моей команде удалось спасти от затопления и взять в качестве трофея японскую канонерскую лодку "Акаги". Будь на ее месте что-нибудь более быстрое и мореходное, я бы с удовольствием оставил подобный корабль себе. Но в силу задач, к которым я и моя команда планируем приступить в скором времени, тихоходная канонерская лодка нам не очень подходит и мы хотели бы предложить Империи Цин выкупить этот корабль за весьма скромную сумму.

— Хм. Раз вы прибыли с данным вопросом ко мне, те, к кому вы обращались ранее, отказали вам. Я прав?

— Абсолютно верно, господин адмирал. Военный комендант Вэйхайвэя наотрез отказался выкупать наш трофей и в настоящее время канонерская лодка ремонтируется нашими силами и за наш счет, что с каждым днем лишь повышает ее окончательную цену для того, кто пожелал бы приобрести данный корабль. Хоть мы и называемся инструкторами, вам прекрасно известно, что мы наемники. А наемник — это человек, который воюет за деньги. И коли за нашу службу ваше правительство не согласилось выплачивать нам ни одной копейки, хотя бы не отказывайтесь от договоренности о трофеях. Мы ведь не просим ничего сверх оговоренного.

— Что же, все так, господин Иениш. Хоть у нас в стране и не принято говорить так прямо, я приму предложенный вами характер ведения беседы. Мне известно, сколько вы

запросили за канонерскую лодку и скажу честно, это слишком большие деньги. Моя страна из-за начавшейся войны находится не в самом лучшем финансовом положении и все излишние траты будут ложиться на нее неподъемным грузом. — адмирал Дин скромно умолчал, что десятки миллионов лян были отложены на празднование юбилея императрицы и покушаться на них даже ради восстановления флота было сравнимо самоубийству.

— Не сомневаюсь, что это так, господин адмирал. — кивнул Иениш, — Но скажите мне, что сейчас более ценно для вашей страны — звонкий металл монет или крепкая сталь боевого корабля? Что скорее поможет вам противостоять противнику — деньги лежащие в банке или снаряды летящие в сторону противника? Уж извините за прямоту, но вы потеряли слишком много кораблей в прошедшем сражении. Да, японцы тоже понесли потери, но они ни в коем разе не сравнимы с вашими. И это есть факт, господин адмирал. Я же предлагаю вам возможность хоть немного изменить баланс сил в вашу сторону, чтобы после окончания ремонтных работ на пострадавших кораблях, вы вновь смогли бы сойтись в схватке с японской эскадрой.

— Вы правы. Мой флот понес весьма серьезные потери. И предложите вы крейсер или броненосец — я бы ни на секунду не сомневался в нужном вам решении. Но одна канонерская лодка никак не сможет заменить пятерку крейсеров.

— Совершенно справедливое замечание, господин адмирал. И будь у меня в закромах трофейный крейсер, я бы предложил его вам за совершенно другие деньги. Но у меня имеется в наличии только канонерская лодка. А что касается ее боевой ценности, то могу уверить, что ее бортовой залп превосходил таковой у трех из пяти потерянных вашим флотом крейсеров. Во всяком случае, при всех действующих орудиях. Три нам пришлось демонтировать, поскольку они оказались повреждены.

— Вот видите. Корабль потерял половину своей огневой мощи.

— Это так. Но даже в таком состоянии эта канонерская лодка превосходит по своим огневым возможностям любую из имеющихся в вашем флоте. К тому же, как ни крути, она является стальным боевым кораблем, недаром японцы взяли ее с собой в бой наравне с крейсерами. У них ведь имелось изрядное количество других кораблей — крейсеров 3-го ранга, авизо, прочих канонерок, но в бой они взяли именно "Акаги". Это, с моей точки зрения, что-нибудь да значит. К тому же, не купите вы, купят другие.

— Это кто же, к примеру? — в один миг утратил все располагающее выражение лица адмирал Дин.

— Мы наемники, господин адмирал. — стойко вынес тяжелый взгляд своего собеседника Иениш. — Мы работаем за деньги. И со стороны Империи Цин мы пока не получили ни гроша. И если уж разговор зашел так далеко, я скажу, что мы не намереваемся предавать своего нанимателя. Но это не значит, что мы не можем вести торговые операции со всеми участниками боевых действий. Естественно, через третьи руки.

— Я понял вашу позицию, господин Иениш. — слегка склонил голову и прикрыл глаза китайский адмирал, — Прежде чем дать вам окончательный ответ мне потребуется некоторое время.

— В таком случае, позвольте откланяться. — понял не самый тонкий намек Иениш и попрощавшись, вернулся на свой корабль, не задерживаясь на берегу.

Второй визит генерала Дай Цзунцзяня в сопровождении солидной свиты состоялся 24 сентября, на следующий день после того как в руки адмирала Дина легла телеграмма из Пекина с приказом о выкупе находящейся в Вэйхайвэе канонерской лодки, вооруженной

современной скорострельной артиллерией. По всей видимости, потерявший солидное количество кораблей, адмирал Дин все же ухватился за возможность получить практически на театре боевых действий еще один боеспособный вымпел и за невероятно короткий для Цинской Империи срок сумел найти необходимые слова, чтобы императорский двор согласился на подобные траты.

Многочасовые торги, от которых вернувшийся в Вэйхайвэй Иениш тут же открестился, длились еще два дня. В конечном итоге они принесли команде "Полярного лиса" первую ощутимую прибыль. За неимением в казне английской валюты, китайцы выплатили за "Акаги" 170 тысяч серебряных лян, что было несколько меньше суммы, первоначально запрашиваемой Иваном, но в качестве компенсации он оставил за собой право на демонтированные с канонерки орудия и половину боекомплекта. С учетом того, что основным повреждением орудий была лишь копоть, да незначительные сколы от осколков, не повлиявшие на их функциональность, конечный результат торга оказался более чем приемлемым.

Как ни странно, одной из основных проблем стали именно деньги. Национальные бумажные на территории Китая попросту не существовали, а серебряные слитки в 5, 10 и 50 лян в общей сложности весили немалые 389 пудов, которые, естественно, не влезли в небольшой судовой сейф. Если бы они еще имели удобную для хранения форму, но корявые серебряные лодочки с кучей иероглифов на дне никак не желали складываться аккуратно и разваливались при малейшем неловком движении.

Стоило разрешиться вопросу с канонерской лодкой, как "Полярный лис" развел пары и покинул Вэйхайвэй, отправившись в Шанхай, где на территории Французской концессии уже должны были подготовить приобретенные в небольшом доме апартаменты филиала судовой компании, через который должны были проходить операции по реализации трофейного имущества и закупке необходимого рейдеру топлива и провианта.

Благодаря наличию телеграфа, через 30 часов, когда "Полярный лис" швартовался под боком у русского стационара, крейсера 2-го ранга "Забияка", его уже поджидали 120 тонн ньюкасла, сотни корзин со свежим продовольствием и толпа любопытствующих субъектов в числе первых из которых оказались офицеры русского крейсера, с которого еще на входе в гавань "Полярному лису" первыми отсалютовали.

Новости о прошедшем бое и действиях русских добровольцев стали основным обсуждаемым событием в среде жителей европейских концессий и потому узнать из первых рук все мельчайшие подробности сражения желали многие. Правда, к немалому огорчению сотен, если не тысяч, людей, члены экипажа "Полярного лиса" не выразили какого-либо желания пообщаться с представителями местного высшего общества, а, едва успев загрузиться припасами, покинули Шанхай, оставив после себя немалое недоумение офицеров немецких, французских, английских и американских стационаров. Лишь командир и старший офицер "Забияки" удостоились личной встречи с офицерами минного крейсера, в течение которой им был передан запечатанный пакет с наиболее полным докладом о прошедшем бое и аналитической запиской составленной совместно Иенишем, Протопоповым и Лушковым.

Вот только никто не обратил внимания, что на борт "Полярного лиса" так и не вернулся один член его экипажа, отличавшийся от всех прочих отсутствием даже подобия на военную выправку. Удовлетворивший свое любопытство в первом же сражении Иван осознал, что

военно-морская служба конца XIX века — все же не его признание и остался в Шанхае в качестве координатора и доверенного лица. Ему же предстояло обменять почти семь тонн серебра и небольшое количество японских йен на более удобную в хранении и более надежную валюту ведущих стран мира. А где как не в Шанхае имелись возможности по проведению подобной финансовой операции? Разве что в Гонконге. Но до него надо было еще добраться, да и находиться на территории принадлежащей Англии не было никакого желания, во избежание, так сказать, всевозможных эксцессов.

Помогали же устроиться новому жителю Шанхая родственники господина Цуна, что не пожелал оставлять борта "Полярного лиса" после получения своей немалой доли с первого заработка и десятка матросов с крейсера "Разбойник", одним своим видом отгонявшие любителей халявы от интеллигентного вида молодого человека, что принялся оперировать весьма немалыми средствами.

Тем временем, пока китайский флот пытался зализать раны, безвылазно сидя в Люйшунькой, а менее прочих пострадавшие японские крейсера стерегли свои транспорты, оставаясь близ устья Тэдонган, откуда открывался прямой путь к столице Кореи, "Полярный лис" держал курс к бутылочному горлышку в снабжении японских войск и флота. Чеджуйский залив шириной в три десятка миль и разделявший континентальную Корею с островом Чеджу виделся идеальным районом для охоты на транспорты снабжения. Не надо было рыскать по бескрайним морям и океанам или лезть непосредственно к берегам Японии, сжигая тонны столь нужного угля, который постоянно приходилось брать в перегруз, чтобы не забегать на бункеровку каждые три дня. От рейдера требовалось лишь одно — добраться до места назначения и немного обождать, пока жертва сама не придет прямо в руки.

Сутки понадобились, чтобы дойти экономичным 10-ти узловым ходом до Чеджу и уже через два часа после занятия позиции посреди залива с легшего в дрейф, чтобы меньше выдавать себя дымом, минного крейсера заметили идущее со стороны Японии судно.

Первой жертвой оказался пароход "Асагао-Мару" шедший с грузом риса и засоленной рыбы для японской армии. Не подозревая о появлении такой подлянки как рейдер, капитан судна был изрядно шокирован, разглядев на пристроившемся по левому борту военном корабле китайский военно-морской флаг. Все без исключения японские газеты налево и направо кричали о величайшей победе японского флота и потоплении в произошедшем недавно сражении чуть ли не всего китайского флота, остатки которого были надежно заперты в Люйшунькой, делая Желтое море безопасным для судоходства. Тем не менее, выстрел бортового малокалиберного орудия и небольшой фонтан, поднявшийся по носу его судна, свидетельствовали, что не все китайские корабли оказались на дне или в ловушке.

Правда, оставалась возможность нарваться на корабль одного из трех оставшихся китайских флотов, что, сперва, не желали ввязываться в войну с Японией. Все же неофициальная феодальная раздробленность Цинской империи невероятно облегчила жизнь как японским войскам, так и флоту, вынужденным противостоять может и лучшим, но далеко не всем китайским войскам.

Не смотря на гордость за свою страну, чьи воины сейчас громили давнего соперника, сам Такаги Икуто не смог найти в себе сил, отправиться на дно, но не сдать судно противнику. Все же он был гражданским моряком, и расставаться с жизнью во славу императора не спешил. А о том, что расстаться с жизнью он мог довольно скоро, свидетельствовали два орудия серьезного калибра, что оказались направлены на "Асагао-

Мару" с небольшого китайского крейсера.

Еще одним ударом по психике японца стал внешний вид состоявших в абордажной партии моряков, что подошли к остановившемуся судну на весельных лодках. Ни один из четырех десятков престарелых, но еще вполне крепких матросов не походил на желтолицых китайцев. Это были натуральные европейцы, что наводило на совсем уж нехорошие мысли. Ведь войну с одной из европейских держав их государству было никак не потянуть. Во всяком случае, в данный момент.

По окончании процедуры проверки бумаг и поверхностного осмотра судна мистер Такаги уже не знал горевать ему или радоваться, будучи уведомленным, что его судно, имеющее в трюмах грузы приравненные к военным, задерживается до вынесения решения призового суда империи Цин о его дальнейшей судьбе. С одной стороны убивать их и топить тела в море прямо здесь и сейчас никто не собирался. С другой стороны, с судном, грузом и впоследствии удачной карьерой можно было распрощаться. Китайцы вряд ли отпустили бы попавшие в их загребушие лапы имущество, на конфискацию которого они имели хоть какие-то права.

Построенный в Англии более пяти лет назад пароход "Асагао-Мару" честно служивший последний год своим японским владельцам, доставляя грузы как внутри страны, так и в Китай, в этот день закончил свой путь служения под японским флагом и впоследствии сменил еще немало хозяев, в конечном итоге упокоившись на прибрежных скалах. Но все это было делом далекого будущего, а сейчас под присмотром двадцати русских моряков он неторопливо шел к малопосещаемой бухте острова Чеджу, откуда впоследствии его путь лежал напрямик к Шанхаю. Хотя там и хозяйничали европейцы, но официально этот портовый город принадлежал китайцам и потребовать возврата захваченного во время ведения боевых действий судна, игравшие в нем первую скрипку англичане и американцы, никак не могли. А возможных козней со стороны официальных властей можно было не опасаться по той простой причине, что все нужные люди изначально были в доле и сами с нетерпением ждали первого результата той авантюры, в которую они ввязались из-за любви к нечестно нажитым деньгам. И пока японцы не опомнились и не перекрыли подходы к столь удобному порту, через него следовало прогнать как можно больше трофеев. Благо, заранее подготовленные китайские перегоночные команды и кули для погрузки угля находились в постоянной готовности для приема призов и последующей переправки их в порты южных провинций. Китайские партнеры ручались, что смогут в мгновение ока обработать хоть десять судов, главное чтобы русские доставили их в порт.

Следующая жертва оказалась не столь лакомой. Тридцатилетняя деревянная парусно-винтовая шхуна "Генбу-Мару" явно доживающая свои последние годы, даже идя одновременно под машиной и парусами, давала не более семи узлов. Груз оказался под стать судну — дешевая сушеная рыба. С одной стороны, терять время и выделять людей на перегонку этого плавающего старья Иенишу никак не хотелось. С другой стороны, даже в таком виде шхуна тянула тысяч на восемь-девять фунтов, которые тоже являлись неплохими деньгами, и найти для нее новых хозяев можно было куда быстрее.

Имей он право самостоятельно принимать решения прямо на месте, то непременно приказал бы провести тренировку артиллеристов противоминного калибра, которым не удалось показать свое мастерство в бою у реки Ялу, предварительно сняв немногочисленные ценные вещи и команду. Вот только ситуация требовала соблюдения международных норм и до решения суда делать со шхуной все что ему хотелось бы не представлялось возможным.

В конечном итоге он все же выделил десяток моряков, под присмотром которых команда "Генбу-Мару" должна была отвести свое судно к гавани корейского городка Ченджу, имевшего то же название что и остров на котором он располагался и поставить шхуну там на якоря, а еще лучше — посадить на мель, после чего перейти на имевшихся на ней шлюпках на борт должного быть там "Асагао-Мару".

Проводив нежеланный трофей до середины пролива, и удостоверившись, что шхуне не угрожает какая-либо нежеланная встреча, Иениш вернул корабль на прежнюю позицию. Время только перевалило за полдень, а они уже сумели встретить два транспорта. Учитывая их невысокую скорость и порты назначения, никто не должен был поднять тревогу по поводу их пропажи еще как минимум пару суток. Нейтралов же здесь быть не могло, поскольку путь из того же Шанхая в Японию, по которому могли идти английские, немецкие, французские или голландские купцы пролегал с противоположной стороны Чеджу. Следовательно, ближайшие два дня являлись их законным охотничьим сезоном, тем более что разрешение на охоту имелось, а из всего состава "лесников" только два-три экземпляра, догнав разошедшегося браконьера, имели неплохие шансы надрать ему уши и не только.

Еще через два часа на горизонте дозорные разглядели парусник, который Иениш принял решение пропустить, дабы не тратить время на его досмотр и последующее конвоирование и потому, приказав дать ход, ответ крейсер южнее на четыре мили, чтобы наверняка остаться неопознанным. Именно это решение русского капитана рейдера позволило японским солдатам лишний раз не мерзнуть в своих палатках, в срок, получив для обогрева три сотни тонн японского угля, ведь используемый на флоте кардиф выделять им никто не посмел бы, слишком дорогим и ценным ресурсом он был в военное время.

Когда день уже близился к закату и на море начали опускаться сумерки, со стороны Японии вновь был замечен дым. Вот только с кинувшегося было на перехват "Полярного лиса" за двадцать кабельтов до обнаруженного парохода сумели разглядеть флаг английского торгового флота и поспешили подставить под наблюдение его моряков корму, с которой опознать минный крейсер гражданскому моряку было бы весьма непросто. По той же причине Иениш приказал спустить флаг, под осуждающее молчание большей части офицеров.

Переждав ночь в бухте Ченджу под боком у стоявшего на якоря "Асагао-Мару" и снова приняв на борт призовую партию, сумевшую ювелирно посадить на песчаную мель показанную местными рыбаками за разрешение забрать груз рыбы "Генбу-Мару", романтики с большой дороги вновь вышли на промысел с первыми лучами солнца.

Как и в предыдущий день ждать пришлось недолго. Часов в девять утра на востоке показался дым, но вскоре объем клубов разросся настолько, что стало понятно — приближается далеко не одно судно. И вновь Иенишу пришлось принимать непростое решение. Наткнись они на небольшой японский транспортный конвой, и с охотой можно было завязывать, ведь призовых команд на борту "Полярного лиса" оставалось всего две. Вот только вероятность сопровождения пароходов везущих грузы для армии военным кораблем были весьма высоки, а потягаться небольшой минный крейсер мог далеко не с каждым японским кораблем, даже из тех, что считались устаревшими. Тем не менее, они затеяли все это мероприятие для добычи средств, и потому отказываться от идущих в руки призов казалось нецелесообразно. Тем более что убежать практически от любого японского корабля он мог в любой момент.

Взаимное сближение заняло всего пол часа. Пройдя в трех милях от японской кильватерной колонны, на "Полярном лисе" насчитали три транспорта лидируемые небольшим парусно-винтовым корветом, размерами не превышавшим минный крейсер. Большого с такого расстояния рассмотреть оказалось невозможно, но после быстрого просмотра справочника "Военные флоты" ежегодно выпускавшегося в России издательством великого князя Александра Михайловича, общим решением собравшихся на открытом мостике офицеров японский корабль был опознан как один из старых японских композитных корветов "Каймон" или "Тенрю". Правда, слово "старый" в их случае касалось не возраста кораблей сошедших со стапелей всего на год-два раньше "Полярного лиса", а их концепции — деревянный парусно-винтовой корвет с батарейной палубой, в котором железным был только скелет корабля. Ввязаться в бой с таким противником небольшой, но модернизированный минный крейсер вполне мог себе позволить. Новые 120 мм орудия Канэ позволяли вести огонь с дистанций недостижимых для старых орудий Круппа, что были установлены на корветах. А уж по точности они превосходили тех на порядок. Вот только расход снарядов обещал быть немалым.

В то время как Иениш отдавал приказы о подготовке к бою, с противоположной стороны за небольшим неизвестным кораблем с тревогой наблюдал капитан 2-го ранга Сакурай Кикунэ. Он уже успел ознакомиться с информацией собранной командирами кораблей принимавших участие в битве с китайским флотом, и знал характерные признаки небольшого русского минного крейсера потопившего штабное судно. И вот как раз две далеко отстоящих друг от друга дымовых трубы он наблюдал в свой бинокль слева по борту. А тот факт, что именно русские потопили "Сайкё-мару", в то время как весь прочий китайский флот, не смотря на подавляющее численное преимущество, не смог уничтожить даже один слабо вооруженный пароход, говорило о серьезности доставшегося его кораблю и команде противника. Ну а на неизбежность боя очень толсто намекал маневр небольшого корабля, принявшего сближаться с его "Каймоном" после разворота на левый борт.

Пристрелку Иениш приказал начать с 20 кабельтов. Сперва, двигаясь на догонном курсе, где его могли достать лишь пара орудий, а после, когда противник будет вынужден сойти с курса и подставить борт, чтобы ввести в действие все бортовые орудия имевшие весьма небольшие углы обстрела, дать максимально возможный ход и выйдя в нос противника начать вести его продольный обстрел. Вновь тишину над морской гладью нарушил рев орудий, предвещающий триумф одним и трагедию другим, ибо давно было сказано — "Горе побежденным".

На сей раз одновременно вести огонь смогли оба 120 мм орудия минного крейсера, и даже расчет 47-мм орудия правого борта успел сделать три выстрела, прежде чем примчавшийся старший офицер не настучал всем инициаторам пустой растраты боеприпасов по голове, пообещав напоследок вычесть стоимость потраченных снарядов из их доли.

Стрелявшие по очереди баковое и ютовое орудия, не торопясь, нащупывали дистанцию до противника, делая по паре выстрелов в минуту. И лишь на пятой минуте, удовлетворившись тремя накрытиями, перешли на беглый огонь, доведя скорострельность до восьми-десяти выстрелов в минуту. За три минуты они выпустили четверть оставшегося боекомплекта, но результат того стоил — наблюдавшие за противником из боевой рубки Иениш и Протопопов отметили шесть разрывов на корпусе японского корабля, что для такой дистанции было более чем неплохо. Старые канониры вновь продемонстрировали свою

великолепную выучку и просто напрашивались на немалое дополнительное материальное поощрение. В центральной части из-под палубы корвета из всех отверстий валил черный дым, а на корме потихоньку разгорался пожар, грозивший неминуемой гибелью композитному кораблю.

Покинувший строй и заметно сбросивший скорость "Каймон" тем не менее, не желал сдаваться без боя. Его канониры принялись отвечать на огонь противника сразу же, как тот начал пристрелку, вот только разлет снарядов на подобной дистанции оставался слишком велик, да к тому же никак не удавалось рассчитать скорость русского крейсера. Снаряды постоянно ложились с недолетом и далеко за его кормой.

Первое время и огонь русских не был особо точен. Снаряды падали с большим недолетом и далеко по носу или за кормой, так что у капитана 2-го ранга даже сложилось впечатление, что одно из орудий минного крейсера вело огонь по следующему за ним мателоту. Вот только стоило пристрелке закончиться, как на его небольшой корабль обрушился настоящий шквал из смеси воды, огня и стальных осколков. Пусть большая часть русских снарядов ушла в воду, но близкие разрывы изрешетили левый борт прямо по ватерлинии и через многочисленные пробоины, в некоторые из которых можно было спокойно просунуть кулак, в трюм начала поступать вода. Следом, попавший прямо в основание трубы фугас разворотил ее вместе с палубным настилом настолько, что весь дым повалил на батарейную палубу, слепя наводчиков и выгоняя на верхнюю палубу задыхающихся от гари матросов. Скорость тут же начала падать и чтобы не тормозить идущие следом суда, он приказал принять штурвал влево, стараясь сблизиться с противником, и заодно давая возможность единственному 170-мм орудию начать обстрел неприятеля. Вот только до того как дымящий всеми орудийными портами корвет смог сменить курс, в него влетело еще с пол десятка снарядов, выкосивших более сорока человек команды и запаливших деревянную палубу и борт корвета.

Капитаны же пароходов, не зная как им поступить в сложившейся ситуации, продолжили идти прежним курсом, даже не предпринимая попыток разбежаться в разные стороны, чтобы хоть у одного был шанс скрыться от китайского рейдера.

— Может, оставим его в покое, Виктор Христофорович? — оценив непрезентабельный вид японского корвета, поинтересовался Протопопов, — Ход мы ему сбили и теперь он даже свои транспорты догнать не сможет. А чтобы пустить его на дно придется потратить еще не меньше сотни снарядов или подойти поближе, рискуя нарваться на удачный японский снаряд. Все же японцы нам не враги, во всяком случае, сейчас, чтобы целенаправленно уничтожать их корабли и моряков. Мы ведь здесь больше для того чтобы заработать, а не воевать, хотя именно последнее нам все время и приходится делать.

— И хотел бы, Николай Николаевич, но пока мы будем гоняться за транспортами, он может уйти в бухту, где сейчас стоят оба наших трофея. А ведь там два десятка наших людей, рисковать жизнями которых я не желаю. И потому я предпочту потратить еще сотню снарядов, но буду уверен, что этот японец не принесет нам проблем. Поэтому сейчас вновь пристреляемся и потихоньку добьем подранка.

Время от времени вздрагивая от прохладного душа, что окатывал канониров минного крейсера при редких близких падениях снарядов, порождавших немалые фонтаны воды, расчеты 120 мм орудий, вновь перейдя на неспешную стрельбу, через пару минут нащупали новую дистанцию и вокруг "Каймона" вновь закипело море. Что бы Иениш ни говорил, он

все же опасался израсходовать все снаряды и потому повел корабль на сближение, стараясь на максимальной скорости выйти едва ковыляющему японцу в нос. И вот стоило тому оказаться на правом траверзе, как все орудия, что могли стрелять на этот борт, вновь подали свой раскатистый голос. Даже расчету 47 мм пушки позволили стрелять вволю, лишь бы попадали в цель.

С десяти кабельтов результативность огня с "Полярного лиса" возросла в разы, и теперь каждый четвертый или третий снаряд рвал на части деревянный корпус "Каймона" множа жертвы среди его экипажа и разрушения. Едва успевшие потушить пожар на корме, пожарные расчеты были вынуждены кинуться на нос, где пока еще не слишком сильное пламя уверенно подбиралось к самому тяжелому орудию корвета.

Точку на борьбе за живучесть корабля поставили два 120 мм снаряда прилетевшие один за другим в левую скулу корабля и проделавшие две солидных пробоины, соединившихся в одну, края которой оказались немногим ниже ватерлинии. Сначала помаленьку, а потом, по мере увеличения крена, все больше и больше вода начала поступать во внутренние отсеки "Каймона". Справиться с начавшимся затоплением своими силами, да к тому же вдали от родных берегов нечего было и мечтать. На новейших стальных крейсерах с множеством водонепроницаемых переборок подобное повреждение еще можно было бы игнорировать, задраив затопливаемый отсек, но на первенце японского кораблестроения отсеки разделяли деревянные переборки, которые принялись протекать разом в сотне мест. Все попытки заткнуть щели досками, одеждой и вообще всем, что только попадало под руку, лишь немногим приостановили поступление воды, но трюм постепенно заполнялся водой, и спустя пятнадцать минут та уже плескалась в машинном отделении, все ближе подступая к топкам котлов. Было ясно, что пока не будет перекрыта пробоина, говорить о спасении корабля нечего и мечтать.

Оценили незавидное положение военных моряков и на шедшем концевым "Микава-Мару". Сбросив скорость, он приблизился к погибающему кораблю и, окончательно застопорив ход, начал спускать шлюпки на воду. К этому времени китайский рейдер уже пять минут как прекратил стрельбу и отойдя на более безопасное для себя расстояние, принялся наворачивать круги в ожидании развязки событий.

Не смотря на сильный крен на нос и левый борт, японский корвет, тем не менее, уже более часа держался на воде и на первый взгляд не думал тонуть, а вокруг него вились пять белоснежных шлюпок, с которых время от времени к ушедшей под воду пробоине ныряли японские моряки, прилагавшие нечеловеческие усилия, чтобы закрыть пробоину парусиной и деревянными щитами. За это время "Полярный лис" успел догнать оба ушедших вперед транспорта, оказавшихся угольщиками, что везли кардиф стоявшему у берегов Кореи японскому флоту.

Пройти мимо такого трофея Иениш никак не мог, но и отдавать боевой уголь, который впоследствии самому придется покупать за куда большие деньги, на откуп китайцам, не поднималась рука. Да и шедший головным угольщик, водоизмещением в шесть тысяч семьсот тонн, спущенный на воду всего два года назад, являлся весьма желанным трофеем. Потому именно его Иениш собирался потребовать себе в собственность из той четверки, что он собирался привести в Шанхай в ближайшем будущем. Дело оставалось за малым — разобраться с японским корветом и прибрать к рукам последний транспорт перехваченного конвоя.

На оба судна были переведены призовые партии и развернувшись ровно на 180 градусов,

угольщики отправились в обратный путь, идя уступом вправо и прикрывая своими корпусами минный крейсер, вставший в строй крайним. На них все еще развивались японские флаги, да и родные экипажи никто с них снимать не стал, а потому оставалась надежда, что даже если на "Каймоне" разглядят небольшой крейсер и распознают ту хитрость, к которой решили прибегнуть капитан рейдера, расстреливать свои же суда японские моряки не станут.

Капитан 2-го ранга Сакурай рассматривал в бинокль приближающиеся транспорты, что совсем недавно на максимальной скорости уходили на запад и терялся в догадках, что именно могло произойти с бросившимся вслед за ними минным крейсером. То, что он догнал угольщики, являлось несомненным фактом. Все же на 10 узлах убежать от корабля способного, по имеющимся данным, дать все 20, выходило за рамки реальности. Но если он смог их догнать и захватить, почему оба транспорта возвращались назад? Так и не разглядев за высокими бортами транспортов небольшой минный крейсер, капитан 2-го ранга все же заподозрил неладное в происходящем и пока те находились в зоне обстрела 170 мм орудия, приказал дать предупредительный выстрел прямо по ходу угольщиков. Машинной команде пришлось затушить топки и спустить пар еще четверть часа назад, лишая корвет хода. На парусах же потяжелевший от принятой воды корвет мог двигаться с немалым трудом, но и они не были подняты, поскольку все уцелевшие матросы оказались заняты на заделке пробоины и откачке всеми имеющимися ручными средствами все еще поступающей на борт воды.

Не смотря на крен, канониры, выдвинувшие орудие на правый борт, смогли положить снаряд примерно в двух кабельтовых по курсу транспортов, заставив тех пойти на циркуляцию влево. Оставшийся же без прикрытия "Полярный лис", набирая скорость, устремился на юго-восток, чтобы как можно быстрее выйти в необстреливаемый сектор и на всякий случай отдалиться от продолжавшего огрызаться противника.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Оббежав его за тридцать кабельтов, "Полярный лис" вновь изменил курс и прикрываясь корпусом замершего под боком у корвета парохода, пошел на сближение. В одно мгновение доселе немало помогший транспорт превратился в досадную помеху, убрать которую в кратчайшие сроки уже не получалось.

Естественно, маневр рейдера был засечен с борта парохода, но пока сообщение о нем донесли до капитана 2-го ранга Сакураи, пока он соображал, что реально предпринять в сложившейся ситуации, пока на "Микава-Мару" выбирали якорь, пока, дав максимально возможный ход, он отползал с линии огня, "Полярный лис" был уже в десяти кабельтовых и слегка изменив курс, чтобы как можно дольше прикрываться корпусом парохода, на 18,5 узлах летел окутанный белой пеленой водяной взвеси, вздымаемой таранным форштевнем, рассекавшим невысокие волны.

Дав прямо по курсу стронувшегося с места транспорта предупредительный выстрел в надежде притормозить его и убедившись, что упертый японский капитан, по всей видимости, решил поиграть в героя, давая своим военным коллегам время подготовиться к встрече с противником, минный крейсер, не сбавляя скорости, принялся заваливаться на правый борт из-за резкой перекладки штурвала влево. От столь резкого и неожиданного маневра, заставившего корабль накрениться почти на 20 градусов, все, что не было надежно закреплено, оказалось на палубах, под ногами у матерящихся матросов. Лишь заранее предупрежденные канониры и машинная команда с кочегарами, до которых удалось

докричаться по переговорным трубам, успели подготовиться к маневру. Все же прочие, не удержавшись на ногах, приложились кто о переборку, кто о палубу, обеспечив корабельного врача немалым количеством пациентов. Благо травмы по большей части оказались несерьезными — максимум сломанные носы, да выбитые зубы. Куда больше впоследствии офицерская часть команды горевала о погибшем почти в полном составе корабельном сервисе, поскольку до закупки новой посуды принимать пищу приходилось из стальных матросских мисок.

Тем не менее, произведенный маневр позволил приблизиться к транспорту, так и не попав под прицел орудий "Каймона" и теперь два корабля помимо высокого борта вновь замершего на месте "Микава-Мару" разделяли всего две сотни метров. А промахнуться из корабельных орудий с такого расстояния, надо было очень постараться. Понимали это обе стороны и потому все кто не замер в готовности у орудий, внимательно наблюдали за видимыми над пароходом мачтами противника. На стороне минного крейсера была скорость, лучшая маневренность и скорострельность орудий, на стороне же японского корвета был экипаж парохода, чуть ли не ежесекундно передававший информацию о положении рейдера и вес бортового залпа. А на столь малом расстоянии даже имеющийся крен не мог стать серьезной преградой для гарантированного поражения противника.

Утерев пот и тихонечко выдохнув, от того что весьма рискованный маневр прошел без сучка, без задоринки и "Полярный лис" вовремя скинул скорость, не выкатившись за борт транспорта, Иениш дал отмашку на спуск парового катера и позволил себе ухмыльнуться. Пусть фокус с троянским конем в виде угольщиков провалился, ему все же удалось занять положение гарантировавшее весьма скорое потопление противника. Продолжительное общение с Иваном все же повлияло на его мышление, и идея прикрыться гражданским судном более не виделась чем-либо недостойным. Наоборот, теперь он воспринимал подобный ход как самую обычную военную хитрость и потому должную иметь место на войне.

Одновременно с паровым катером, на который помимо котла установили извлеченную из закровов крейсера десантную пушку Барановского, на воду спустили гребной катер, экипажу которого предстояло нейтрализовать экипаж японского транспорта, чтобы те не мешали действовать импровизированной канонерской лодке. Показываясь то из-за кормы, то из-за носа парохода, экипаж парового катера должен был выпускать один снаряд по замершему корвету, после чего мгновенно вновь прятаться за корпусом "Микава-Мару", для чего помимо паровой машины, на него посадили еще четырех матросов с веслами.

Задумка оказалась более чем неожиданной, вот только в результате экипаж "Полярного лиса" сократился до двадцати пяти человек, что теперь должны были работать за себя и за того парня. Особенно это касалось кочегаров и прислуги 120 мм орудий.

Захват транспорта прошел практически без сопротивления. Все же пять бронебойных 47 мм снарядов продырявивших рубку, сумели остудить даже самые горячие головы, которые могли ответить разве что только плевком, да сильным словом, на которые, кстати, японцы не скупились. Единственную попытку дать отпор захватчикам предприняли три оставшихся при раненых матроса с "Каймона", но против полутора десятков револьверов кулаки и импровизированная дубинка из ножки стола не котировались. Наведя порядок на транспорте, и убедившись, что больше никто с его борта не сможет передать каких-либо сообщений на корвет, командир абордажной партии дал условный сигнал и из-за борта минного крейсера показался прятавшийся доселе паровой катер.

Пусть фугасный 63,5-мм снаряд и не обладал выдающимися разрушительными характеристиками, тем не менее, деревянная обшивка корвета не представляла для него серьезной преграды, и вскоре рядом с портом ближайшего к корме 120 мм орудия раздался взрыв, результатом которого явилась пробоина, в которую легко мог пролезть человек. Хлестнувшие после подрыва снаряда на батарейную палубу щепы и осколки выкосили половину орудийного расчета и внесли немалую сумятицу, ведь обнаружить, откуда прилетел снаряд, так и не смогли.

Следующий снаряд ударил в борт чуть выше уровня воды, проделав еще одну пробоину в которую тут же устремился прохладный поток. Еще один повредил руль, а четвертый, попав прямо в орудийный порт, закончил дело начатое первым собратом, добив расчет и посеча осколками десятков канониров из расчетов соседних орудий.

Паровой катер засекли только после восьмого выстрела, а ответить смогли только после шестнадцатого, дав целых четыре минуты экипажу катера на спокойный обстрел противника. Результатом этих считанных минут стал очередной разгоревшийся на борту корвета пожар, полностью разбитый руль и четыре десятка раненых и убитых моряков. Лишь когда на корму "Каймона" обессиленные и слегка обгоревшие матросы смогли затащить 11,5-мм четырехствольное орудие Норденфельда, русский катер дал задний ход, на время прекратив свой террор.

Вот только минут через десять метрах в ста от правого борта корвета в воздухе расцвел короткий всплеск огня и дыма, а море вскипело десятками небольших фонтанчиков. Минуты через три точно такой же воздушный подрыв произошел уже в тридцати метрах от корвета, затем с небольшим недолетом, а после по деревянной палубе ударила шрапнель, выбивая людей из расчетов скорострельных малокалиберных орудий и многочисленных пожарных. Не менее дюжины шрапнельных снарядов за короткое время разорвались над корветом, завалив его верхнюю палубу десятками тел. Уцелели лишь те, кто успел скрыться на батарейной палубе, да занятые на откачке воды.

Израсходовав весь взятый боезапас, паровой катер вернулся к минному крейсеру, а над палубой транспорта начал развиваться белый флаг. Поставив противника на грань гибели, можно было, наконец, начать деловой разговор. Еще отметив удачный залп, приведший японский корабль к нынешнему предсмертному состоянию, Иениш понял, что если тот не потонет сразу, с него можно было бы снять неплохие трофеи, достать которые на транспортных пароходах не представлялось возможным. Все же каждый военный корабль являлся носителем немалого количества орудий и боеприпасов, получить которые в личное пользование было бы весьма неплохо. Вот только если бы многие из европейских командиров кораблей в схожих обстоятельствах могли "сдать шпагу" победителю, упертые японцы, скорее, намертво забаррикадировались бы внутри корабля, да еще и подорвали бы себя напоследок дабы прихватить с собой хоть кого-нибудь из противников. А, стало быть, требовалось устроить все таким образом, чтобы в одночасье не потерять абсолютно все. Да и время играло против экипажа минного крейсера — мало ли кто мог появиться на горизонте в любую минуту.

Передав через капитана "Микава-Мару" предложение провести переговоры и дождавшись положительного ответа Иениш, в сопровождении Протопопова и переводчика, вышел под белым флагом на паровом катере. Во сколько сожженных нервных клеток встал ему путь в какие-то сто метров Иениш так никогда и не узнал, но колени пару раз предательски дрогнули, стоило задержать взгляд на жерлах бортовых орудий.

Тем не менее, путь был пройден без происшествий и пристав к опущенному трапу, который из-за возросшей осадки корвета уже уходил на пару ступеней в воду, пассажиры катера поднялись на борт "Каймона".

— Иениш, Виктор Христофорович — инструктор Бэйянского флота Империи Цин. — первым представился он японскому офицеру, стоявшему впереди группы встречающих. — Владелец и командир яхты "Полярный лис".

Дождавшись перевода со стороны низенького китайца, командир корвета представился в ответ и поинтересовался причинами побудившими русский корабль атаковать японские суда.

— Как я уже упомянул, я вместе со всем экипажем был принят в состав Бэйянского флота в качестве инструкторов. Посему, в настоящее время я ни в коем случае не представляю интересы или же побуждения Российской Империи, а выступаю исключительно как частное лицо. Полагаю, вы сможете в дальнейшем передать данную информацию своему командованию, дабы избежать негативных моментов в отношении наших государств.

— Я, несомненно, передам это командованию, господин Иениш. — принялся дословно переводить слова капитана 2-го ранга Сакураи господин Цун, — Но означают ли ваши слова, что вы не собираетесь топить мой корабль.

— Сожалею, но сие невозможно. Ваш корабль, так или иначе, будет потоплен. Я лишь могу предложить вам спасти тех своих офицеров и моряков, что все еще живы. Спускайте шлюпки и переводите на них свой экипаж. Если собственных спасательных средств окажется недостаточно, вам будут переданы шлюпки с захваченных нами пароходов. Мы поможем довести шлюпки до корейского острова Чеджу, где вы вместе с экипажем перейдете на борт захваченной нами ранее шхуны. На нее же будут переведены команды захваченных пароходов, и вы все сможете вернуться обратно в Японию.

— А что будет с моим кораблем, после того как мы его оставим? — сохраняя каменное лицо, поинтересовался японский офицер.

— Как я уже говорил, ваш корабль будет затоплен в любом случае. Вы можете забрать с собой флаг и судовую кассу. Также вам и всем офицерам будет разрешено сохранить личное оружие. Со своей же стороны вы и каждый член вашего экипажа будете обязаны дать расписку в не участии в боевых действиях против Империи Цин до окончания войны. Только на таких условиях вы сможете сохранить ваших людей для своей страны и уберечь свою честь от позора плена.

— Я не могу позволить вам безнаказанно потопить мой корабль, господин Иениш. Мой долг офицера Японского Императорского Флота и подданного императора Муцухито требует от меня погибнуть, но не отступить перед лицом врага.

— Погибнуть вы всегда успеете, господин капитан 2-го ранга. Поверьте мне, военный моряк рискует не вернуться домой даже в мирное время, что уж говорить о военном. Да и утопить ваш сильно поврежденный корабль мы сможем в любую минуту, не дав вам ни малейшей возможности оказать сопротивление. И вы сами это прекрасно понимаете. Я же предлагаю вам весьма выгодные условия. И даже готов дать расписку, что не буду брать ваш корабль в качестве трофея, а непременно затоплю его, после того как вы его покинете.

— В таком случае, почему бы вам не потопить нас прямо сейчас? Почему вы медлите?

— То, что судьбе было угодно превратить нас в противников, вовсе не означает, что вы являетесь моим непримиримым врагом. Я не испытываю какого-либо удовольствия от

убийства людей, господин капитан 2-го ранга. Я просто делаю свою работу — пресекаю снабжение вашего флота и армии доступными мне способами. И если при этом у меня появится возможность не проливать лишнюю кровь, я буду стремиться именно к подобному развитию ситуации.

— Вы офицер, господин Иениш?

— Капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота в отставке. Был уволен с действительной службы по состоянию здоровья после потери своего корабля и большей части команды. Моим долгом было уйти на дно вместе с моим кораблем, но судьбе было угодно сохранить мне жизнь. Возможно, теперь судьба через меня дает подобную возможность и вам тоже, господин капитан 2-го ранга.

— Вы позволите мне остаться вместе с моим кораблем?

— Если такого будет ваше желание.

— В таком случае я прошу позаботиться о моих людях. Среди них много раненых и скорейшая медицинская помощь им не помешает.

— Непременно, господин капитан 2-го ранга. Все раненые будут переведены на стоящий по соседству пароход и под опекой моих людей будут доставлены в Чеджу. Также я позволю вам выделить пять человек из числа своей команды для ухода за ними.

В течение всего времени, что ушло на снятие японского экипажа, Иениш и сопровождавшие его моряки находились на борту медленно затапливаемого "Каймона". Лишь когда транспорт двинулся в сторону Чеджу, таща на буксире забитые людьми шлюпки, к паре небольших кораблей подошли оба угольщика. Одновременно с ними непосредственно к корвету подошел минный крейсер и с него на борт японского корабля полетели шланги водяных помп.

— Что все это значит, господин Иениш? — окинув взглядом принявших суесться на борту его корабля русских матросов, поинтересовался капитан Сакураи.

— Я частное лицо, господин Сакураи. И полностью обеспечиваю функционирование корабля и команды за свой счет. Китайцы не выделяют мне даже угля. Так что мне приходится зарабатывать на всем чем только можно. Поэтому я без утайки скажу вам, что прежде чем затопить ваш корабль моя команда снимет с него все, что можно будет продать. А чтобы снять с него все ценное, прежде нам необходимо удостовериться, что он не утонет раньше времени.

— А ведь я поверил вашему слову, господин Иениш.

— И правильно сделали, господин Сакураи. Тем более что я не нарушил его. И не собираюсь нарушать в будущем. Ваши люди выживут, и им будет предоставлена шхуна для возвращения в Японию. Ваш корабль будет затоплен, и вы разделите его судьбу. Так что все, что я обещал, я выполняю.

— Что же, вы преподали мне отличный урок, господин Иениш. В подобных договорах не может быть мелочей. Надеюсь, вы понимаете, что в свете новых обстоятельств я не могу позволить вам заполучить мой корабль. Ведь сняв те же орудия, вы сможете продать их китайцам, и вскоре они будут стрелять по воинам страны восходящего солнца.

— Вы полагаете, что жизни ваших людей не стоят тех пары тысяч фунтов, что я собираюсь выручить, продав то, что удастся снять с вашего корабля?

— Они давали присягу служить императору до самой смерти. И если такова воля богов, они заплатят требуемую цену, но не посрамят свое имя и воинскую честь!

— Что же, как бывший офицер Российского Императорского Флота я вас прекрасно

понимаю. — обернувшись назад и увидев утвердительный кивок от боцмана, Иениш вновь вернулся к беседе, — Но я никак не мог позволить вам забрать с собой еще и моих людей, господин капитан 2-го ранга. Пока мы с вами беседовали, мои люди обезвредили вашего человека сидевшего в артиллерийском погребе. А чтобы вы в полной мере ощутили мое недовольство подобным поведением с вашей стороны, я затоплю ваш корабль на мелководье, так что погибнуть с ним вам не будет суждено.

— Но ведь мы договаривались!

— Мы договаривались, что вы разделите судьбу своего корабля. И вы ее разделите.

Каменное спокойствие демонстрируемое капитаном Сакураи с первой минуты встречи, наконец, дало трещину. Дрогнув лицом, японец принялся шарить по поясу в поисках рукояти револьвера, но тяжелый взгляд из-под бровей русского боцмана и зажатый в его руке Смит-Вессон, как бы случайно направленный прямоком в него, заставили прекратить всякие поползновения.

— Смерть легка как перышко, долг тяжел как гора. — прервал затянувшее молчание услышанной как-то от Ивана фразой Иениш, — Так в чем же заключается ваш истинный долг, господин капитан 2-го ранга?

Услышав из уст переводчика фразу, некогда произнесенную его императором, Сакураи Кикунозо встрепнулся и с удивлением уставился на русского капитана. Этот человек с непривычной фамилией неожиданно для всех появившийся в рядах врагов его страны и приложивший руку ко всем потерям понесенным японским флотом, тем не менее, вызывал у капитана 2-го ранга невольное восхищение. Помимо выдающихся качеств как военного моряка, что наглядно показал недавний бой, он, вдобавок, оказался мастером ведения переговоров. Одной своей последней фразой русскому удалось мгновенно склонить его к принятию столь трудного решения.

— Как жаль, что вы не воюете на нашей стороне, господин Иениш. — с великим трудом и некоторыми ошибками выговорив фамилию своего визави, поклонился достойному во всех аспектах противнику капитан Сакураи.

— Это вряд ли было бы возможно, господин капитан 2-го ранга. Мы никогда не встанем под знамена агрессора. Но те, кто подвергнется нападению, могут рассчитывать на нашу помощь. И раз мы смогли прийти к согласию, прошу дать мне слово, что вы не будете предпринимать попытки уничтожить ваш корабль либо чинить какие-либо препятствия моим людям.

— Даю вам свое слово. — вновь поклонился капитан 2-го ранга Сакураи.

Полностью прекратить поступление воды оказалось невозможно, но водоотливные средства справлялись с откачкой воды, и потому еще через пол часа поданный с одного из угольщиков буксировочный трос натянулся, и вся процессия сдвинулась с места.

Более семи часов заняла буксировка поврежденного корвета к бухте города Ченджу, где он, взятый на буксир многочисленными лодками, спущенными со всех судов, был затащен поближе к мели, где уже сидела "Генбу-Мару". Солнце к этому моменту уже скрылось за горизонтом и потому все работы по извлечению корвета от всего, что было плохо прикручено или не прикручено вообще, приходилось вести при свете немногочисленных фонарей. Часть боеприпасов уже была вытащена на верхнюю палубу еще во время буксировки, но постепенно поднимающийся уровень воды грозил залить сотни столь ценных снарядов, что отодвинуть все работы до утра не представлялось возможным.

Два дня ушли у немногочисленной русской команды на мародерку. Вслед за

боеприпасами с набравшего за ночь воды и полностью легшего на песчаную мель "Каймона" первым делом выгрузили уголь, до которого еще не добралась вода, поставив на перегрузку полсотни японских моряков. Уголь был не боевым и потому грузили его в закрома угольщика, что Иениш планировал оставить себе. На него же весь второй день те же моряки перегружали топливо из угольных ям второго угольщика. А пока под боком шла авральная работа по бункеровке, на борту "Каймона" всюду раздавался не умолкающий лязг и громкие матюги — команда минного крейсера с помощью лома и такой-то матери демонтировала приглянувшиеся их командиру орудия.

Помимо снятых в первый же день пяти скорострелок Норденфельда, одна из которых имела винтовочный калибр и 75 мм десантной пушки Круппа, демонтировать и забрать с собой решили все шесть 120 мм орудий.

Поскольку ворочать многотонные стальные конструкции на небольшой батареейной палубе не было никакой возможности, для начала над орудиями сняли палубный настил и сделав с помощью лебедки из уцелевших мачт подобие крана, разобранные на части орудия грузили на сооруженные из шлюпок и досок плоты которые на буксире парового катера доставляли к "Микава-Мару" оборудованному краном. Само же судно подойти к корвету никак не могло из-за слишком большой осадки.

Трогать же единственное 170 мм орудие не решились по причине его тяжести и монументальности. Моряки лишь сняли с него замок, да отвезя подальше в бухту, выбросили его за борт. Снаряды же с пороховыми зарядами залили водой, чтобы не таскать лишнюю тяжесть. После, механики спустились в полузатопленное машинное отделение и подобно дорвавшимся до амбара хомякам, утащили все, что весило менее ста килограмм и пролезало в двери.

Следом пришла очередь прочего судового имущества, включая шлюпки и паруса, так что вскоре вся палуба "Микава-Мару" оказалась завалена бухтами, ящиками, мешками, свернутыми парусами и прочим добром, не поместившимся в трюм, где находилось инженерное имущество для японской армии.

Изрядно облегченный "Каймон" довольно легко смогли сдернуть с мели и под гудки собравшихся в бухте пароходов, он вскоре вновь лег на дно, но теперь на его борту находился одетый в парадное капитан 2-го ранга Сакураи. Иениш сдержал свое слово, и капитан разделил судьбу своего корабля. Тот же факт, что человеку было суждено выжить и продолжить службу, а малоценный корвет хоть и подняли по окончании войны, но пустили на дрова, уже был вне его компетенции.

Уставшие, но довольные, как обожравшиеся сметаной коты, русские моряки, выстроив трофейные суда в кильватерную колонну, покинули приютившую их гавань утром 4-го октября и без каких-либо проблем прибыли в Шанхай через два дня.

Будучи знакомым с любовью китайцев объегорить всех и вся, Иениш приказал оставить трофейные суда на внешнем рейде вплоть до момента получения полагающихся за призы средств, а сам крейсер провел в порт и вновь пристроил его под боком русского стационара, канонерской лодки "Бобр", сменившей здесь "Разбойника" ушедшего к русским берегам на охрану рубежей.

Слух о возвращении минного крейсера мгновенно разлетелась по порту, и потому, не прошло и часа, как перед трапом появился одетый в дорогой европейский костюм улыбчивый китаец, неплохо владеющий русским языком. Предъявив перстень в качестве опознавания, представитель заказчика был препровожден в кают-компанию, где его с

нетерпением ожидали Иениш с Иваном, прибывшим получасом ранее.

— Господин Иениш, господин Иванов, несказанно рад видеть вас в добром здравии. Позвольте представиться, мистер Ван. Можете обращаться ко мне именно так.

— Что же, день добрый, мистер Ван. Прошу присаживаться. — указал на небольшой стул напротив себя Иениш. Кают-компания крейсера могла поразить разве что своими скромными размерами, и потому на роскошные диваны и кресла места в ней не оставалось.

— Покорнейши благодарю. — слегка поклонился китаец, продолжая удерживать на лице располагающую улыбку.

— Хотя я и знаю, что это не в обычаях вашего народа, мистер Ван, но я предлагаю перейти сразу к делу. Время, знаете ли, деньги! И чем больше этого самого времени мы проведем в море, тем больше все мы сможем заработать.

— Золотые слова, господин Иванов! — тут же закивал китаец. — Насколько я понимаю, вы вернулись не с пустыми руками.

— Вы, верно, понимаете, мистер Ван. — вновь взял слово Иениш. — У нас имеется для вас три парохода, с грузами продовольствия, одежды, инструмента и кардифа. В настоящее время они ожидают вашего оценщика на рейде. Хотелось бы поскорее сдать их вам на руки, пока японцы не налетели. Я более чем уверен, что в Шанхае хватает их шпионов, и телеграмма о нашем появлении уже ушла адресату на японских берегах.

— А что же вы сразу не ввели их в порт? Теперь придется терять столь много драгоценного времени. — изобразив отчаяние всем своим лицом, покачал головой доверенный представитель китайских чиновников, согласившихся подзаработать во время войны.

— Считайте меня перестраховщиком, мистер Ван. То, что англичане и американцы благоволят японцам, знает последняя дворовая собака, а потому мы все же опасаемся некорректных действий со стороны представителей их концессии и флота. Посему, как только мы закончим прием угля и свежей воды, тут же отчалим. Заодно сможем доставить на призы вашего представителя.

— К сожалению, я не столь богат дабы иметь представителей. — вновь приклеив на лицо располагающую улыбку, развел руками китаец, — Потому за оценщика буду выступать я сам.

— Тем лучше. — кивнул Иениш. — А что касается личного состояния. То это дело поправимое, мистер Ван. И если вы мне сможете в течение часа помимо экипажей для призов подобрать еще два десятка знакомых с морским делом человек, не совсем бандитской наружности, в следующий раз мы сможем привести в два раза больше судов. Полагаю, это будет в наших общих интересах?

— Вы, несомненно, правы, уважаемый господин Иениш. И да, за час я смогу найти необходимое количество людей. Но к чему ограничиваться двумя десятками? Я могу найти и больше.

— Нет. Больше не стоит. У нас военный корабль, а не лайнер и каждое койко-место на счету. И так всем придется потесниться. Было бы иначе, мы изначально имели бы куда больший экипаж.

— Не смею перечить вам в этом вопросе, уважаемый господин Иениш. — склонил голову Ван, — Не мне, сухопутной крысе, давать советы бывалым покорителям морей и океанов.

— Я рад, что вы правильно поняли мои слова, господин Ван. Предварительно мы

оценили все три судна в сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Груз — в девять тысяч фунтов. Надеюсь увидеть вас через час на борту моего корабля с третьей частью озвученной суммы. А теперь позвольте откланяться, дела. — не дав своему, несомненно, хитрому собеседнику сказать хоть одно слово против, Иениш поднялся, коротко кивнул и покинул каюту в компании Ивана, оставив стоявшего на стреме матроса проводить гостя до трапа.

Ровно в назначенное время к трапу подошла толпа китайцев, треть которой щеголяла одинаковой формой, но какого рода войск и войск ли вообще оставалось непонятно. Возглавлял эту ватагу все тот же мистер Ван, который, тем не менее, отказался подняться на борт и лишь указал на подошедший паровой катер в качестве своего средства передвижения.

Недоверие своих партнеров было принято с пониманием и потому, избавив от ножей и двух револьверов китайских любителей халявы, пообещав вернуть все при высадке на призы, экипаж "Полярного лиса" загнал всех в кают-компанию и матросский кубрик, где под охраной вооруженного караула они теснились пол часа, пока минный крейсер, не торопясь, продвигался на внешний рейд.

Три часа мистер Ван ползал по судам, заглядывая во все углы и сверяя груз с изъятими у бывших владельцев накладными, чуть ли не пробуя все на зуб и постоянно перешептываясь с двумя невзрачными китайцами, прибывшими с ним на катере. В конечном итоге он остался вполне доволен первым уловом, и вскоре с борта катера был доставлен пузатый саквояж, заметно оттягивавший китайцу руки.

Чего в нем только ни оказалось — пачки английских бумажных фунтов номиналом от одного до десяти, пять сотен соверенов и втрое больше серебряных монет достоинством в полсоверена, французские франки, как бонами, так и монетами, были и привычные русские рубли, не говоря уже о китайских серебряных лянх и японских золотых йен.

И все же Ван попытался обдурить, сыграв на курсе валют. Лишь предварительная подготовка, проведенная Иваном еще в Санкт-Петербурге, позволила подсчитать итоговую сумму и потребовать с Вана доплаты в пятьсот фунтов. Тот обиженный в лучших чувствах сам принялся за пересчет, но в конечном итоге вынужден был признать недостачу и после очередного визита на катер выложил еще пачку новеньких пятифунтовых банкнот. Так три бывших японских парохода обзавелись новыми хозяевами, а в судовую кассу легло средств на пятьдесят три тысячи фунтов. И еще вдвое меньшая сумма, после реализации китайскими партнерами всего честно награбленного, должна была поступить на счет Ивана во французском банке "Индокитай", филиал которого в Шанхае уже принял 150 тысяч лян серебра. Во всяком случае, Иенишу с Иваном хотелось верить, что заинтересованные в получении дальнейших трофеев китайские партнеры не рискнут сразу зажимать деньги.

Стоило завершиться финансовым расчетам, как китайским компаньонам тут же напомнили о необходимости оформления всех необходимых бумаг, включая акт дарения на судно "Рюджин-Мару", что был оставлен в собственности формируемой эскадры.

Уже на следующий день, не тратя времени зря, Иениш на 13 узлах повел свой корабль обратно в полюбившиеся охотничьи угодья, в надежде перехватить еще несколько транспортов покинувших японские порты до того как сообщение об их первой удаче достигло японских берегов. А то, что данная информация из Шанхая уже ушла всем заинтересованным лицам, не подлежало сомнению. Иван же, оставшийся в Шанхае, занялся разгрузкой и размещением того груза с "Микава-Мару", что не подлежал передаче новым владельцам.

Заскочив в Чеджу и обнаружив там только притопленный "Каймон", они вновь заняли

излюбленную позицию посреди пролива. Поскольку 1-я японская армия вовсю готовилась к прорыву укреплений возведенных в устье реки Ялу, а для штурма Ляодунского полуострова уже начали готовить 2-ю армию, транспорты с пополнением, продовольствием и припасами выходили из японских портов ежедневно, оттого движение по Чеджунскому проливу не останавливалось ни на день.

Естественно, пришедшее в штаб флота сообщение о бесчинствах рейдера, взбаламутило слегка застоявшееся болото, но все современные крейсера за исключением серьезно пострадавшей в бою "Мацусимы" и все канонерские лодки находились в Желтом море и на реке Тайтонг, сторожа как порты разгрузки своих транспортов, так и прячущийся на своей базе китайский флот, а из старых кораблей, которые можно было бы отправить в качестве охраны, под рукой были только пять устаревших корветов да переделанная в учебный корабль бывшая императорская яхта, не считая древнего броненосного фрегата, которому выходить в море было противопоказано в связи с изрядным возрастом. Вот только разделить столь малые силы на четыре сотни пароходов и шхун зафрактованных правительством для снабжения войск не представлялось возможным. Охрану получали только конвои перевозящие по-настоящему ценные грузы. Причем, судя по полученным данным, выделение одного корабля для охраны каравана судов не гарантировали полной безопасности, ведь все пароходы отправленного недавно под охраной корвета "Каймон" конвоя очутились в Шанхае, а о самом корвете не было ни слуху, ни духу.

Но пока приняли решение, пока новые циркуляры разослали по всем портам страны, пока их довели до капитанов судов, к корейским берегам ушли двадцать шесть судов, из которых догнать и вернуть назад удалось только семь, остальные же шли напрямик в пролив, ставший ловушкой уже не для одного транспорта. Единственное что успели предпринять, так это срочно подготовить к выходу находившиеся в Сасебо старые деревянные корветы "Цукуба" и "Тенрю". Однако, "Полярный лис" заявился в свои охотничьи угодья за день до выхода японских кораблей из Сасебо и успел изрядно повеселиться до их прибытия.

Уже через сорок минут после занятия позиции "Полярный лис" заставил остановиться два небольших транспорта в 1500 и 2500 тонн водоизмещения с грузом фуража и японского угля. По сравнению с предыдущей добычей эта пара выглядела совсем жалко, но и топить их рука не поднималась. Тем более что угольщик оказался весьма новым. В результате, оба с китайскими призовыми командами были отправлены в Шанхай в надежде, что они не растворятся в водах Тихого океана по пути. А то ведь от таких партнеров можно было ожидать чего угодно. Вот только разбавлять китайский экипаж своими людьми Иениш не рискнул. Подсунутые мистером Ваном головорезы могли и потерять по дороге сопровождающих, а лишаться своих и так немногочисленных людей он не хотел. К тому же случись им нарваться на заблудший японский корабль, дающие от силы десять узлов транспорты не имели шанса на побег.

Еще через два часа была перехвачена парусная шхуна с грузом угля. Уголь оказался местным, японским, так что подходил разве что для транспортов, а потому на него никто не позарился. По идее шхуну следовало потопить, раз уж даже китайские моряки отказались вести ее в Шанхай, но тратить на нее оставшиеся снаряды тоже никто не решился, и потому сняв экипаж, ее отпустили в свободное плавание, направив к берегам континентальной Кореи, где хватало небольших островков с немалым количеством подводных скал. За многие века мореплавания они погубили тысячи судов, и вскоре количество жертв должно было

увеличиться еще на одну.

Далее почти пять часов пришлось бегать от шедших один за другим пароходов под флагами Англии, Голландии и Германии. Может вместе с ними удалось проскочить и какому-нибудь везучему японцу, но экипаж рейдера ничуть не жалел об этом — на их долю добычи все равно хватало.

"Кобе-Мару" встреченный уже на закате оказался как приятной, так и проблемной добычей. Грузопассажирский лайнер водоизмещением в четыре с половиной тысяч тонн, являлся отличным приобретением. Не менее нужным в хозяйстве был и его груз небольших повозок, военных палаток и продовольствия. А вот многочисленные пассажиры и команда вгоняли в уныние. Зафрактованное армией, судно перевозило тысячу человек, которые вместе с сотней экипажа повисали ярмом на шее захвативших их русских. Хорошо еще, что судно перевозило носильщиков, а не солдат, так что захват обошелся практически бескровный. Лишь взятые с собой на борт китайцы успели прирезать и выкинуть за борт пятерых японских матросов, прежде чем три прогремевших на палубе выстрела остановили начавшееся безумие. Причем, если два первых выстрела старший офицер крейсера сделал в воздух, то третий достался недоумку рискнувшему дернуться с ножом в сторону Лушкова.

Оглядев свернувшееся в клубок и вопящее от полученной в живот заряда дробы тело, старый боцман навел свой дробовик на столпившихся вокруг своего пострадавшего товарища китайцев и рыкнул нечто невразумительное, но весьма громкое и не оставляющее возможностей о размышлении насчет его последующих действий. Под тяжелым взглядом боцмана и пяти присоединившихся к нему русских матросов, вооруженных монструозными револьверами, китайца распрямили, осмотрели, добили ножом в сердце да выкинули за борт, сопроводив напоследок короткой молитвой. Или ругательством. Никто из присутствующих на борту русских так и не понял по причине не знания языка.

Более эксцессов не последовало и полсотни перешедших с минного крейсера моряков, выставив караулы на пассажирских палубах, повели трофей в Шанхай. Поддерживая ход в пятнадцать узлов, принявший командование над трофеем Лушков имел все шансы догнать отправленные ранее суда и не бояться что китайские партнеры их "потеряют", благо захваченный лайнер в лучшие годы мог выдавать 18 узлов и сейчас даже на японском угле вполне уверенно держал достигнутую скорость. Уже через десять часов они нагнали предыдущую пару трофеев и подстроившись под их 8 узлов, за сутки дошли до Шанхая.

Оставшийся же в проливе Иениш решил перехватить еще один транспорт, на которого должно было хватить моряков для призовой партии и лишь после отправиться вдогонку за предыдущими трофеями. Более в ближайшие пару месяцев он не планировал возвращаться в Чеджуйский залив, решив перенести охоту к восточным берегам Японии, для чего получивший название "Находка" и поднявший флаг русского торгового флота трофейный угольщик прямиком из Шанхая отправился к островам Бонин, откуда "Полярный лис" мог совершать короткие набеги к Йокогаме и Токио.

Ночью обнаружить кого-либо не удалось, а вот с первыми лучами солнца на горизонте показался дым и уже через час на палубу очередного японского парохода поднимались русские моряки. Не сей раз трофеем стал пароход водоизмещением в две с половиной тысячи тонн и почти полторы тысячи тонн риса и бобов. Не успели на захваченном транспорте вновь дать ход, как на востоке вновь появились дымы, и увлекшийся Иениш повел "Полярного лиса" навстречу возможным новым трофеям, не смотря на то, что для формирования последней призовой партии пришлось отдать расчеты обоих 47 мм орудий.

Тем временем на мостике "Тенрю" тоже засекли расстилающийся прямо по курсу дым и на всякий случай приготовились к бою. Встретив по пути к проливу шхуну "Генбу-Мару" с экипажами захваченных японских судов и остатками экипажа "Каймона", на небольшом отряде из двух устаревших кораблей узнали, что противник, с которым им, возможно, придется пересечься, умел не только грабить торговцев, но и весьма успешно воевать. Причем, судя по рассказу капитана 2-го ранга Сакураи, канониры на русском минном крейсере, вставшем под цинский флаг, знали свое дело туго, и любому столкнувшемуся с ним в бою кораблю предстояло познать на себе мощь 120 мм фугасных снарядов, что для кораблей с изрядным количеством дерева в конструкции сулило немалые проблемы.

Низкий и узкий силуэт стремительно приближающегося рейдера на "Тенрю" распознали за три мили и сообщив на шедший в кильватере "Цукубу" о встреченном противнике, начали разворачиваться бортом к рейдеру, поскольку вести огонь прямо по носу корвет устаревшей конструкции не мог, впрочем, как и куда более древний "Цукуба", бывший, наверное, самым старым кораблем во всем флоте.

— Похоже, японцы все же послали охотников по нашу душу, Виктор Христофорович. — опустил бинокль, повернулся к своему компаньону Протопопов. — Это никакая не шхуна, а корвет "Тенрю" — младший брат избитого нами "Каймона". А вот следом за ним идет, возможно, просто вооруженная шхуна.

— Охотники, говорите? — усмехнулся Иениш, — А не припомните ли вы анекдот про охотников и медведя, что рассказывал нам Иван Иванович? Не правда ли, у нас сложилась схожая ситуация?

— Ваша правда, Виктор Христофорович. — зеркально усмехнулся Протопопов. — Так значит, будем держать?

— Придется сдерживать их хотя бы некоторое время. Надо дать нашему последнему призу пару часов форы, да и не хочется тащить их на хвосте до самого Шанхая. Вот только тратить снаряды на столь непрезентабельного противника тоже жалко. Так что давайте, для начала, заставим их побегать вслед за нами. Угля у нас еще в достатке, а пострелять мы всегда успеем.

Дав команду машинному отделению держать ход в 16 узлов, Иениш развернул корабль на север, увлекая подальше от захваченного недавно парохода обоих противников и держа их на солидном расстоянии. Правда, первые десять минут с шедшего головным "Тенрю" пытались вести обстрел минного крейсера, но на тридцати кабельтовых снаряды ложились как попало, а не как того желали японские канониры. К тому же относительно скорострельных 120-мм орудий на борт у японского корвета имелось всего два, а вот составлявшие основу его огневой мощи 150-мм и 170-мм орудия скорострельностью похвастать не могли.

В попытке не упустить врага, на "Тенрю" смогли так раскочегарить котлы, что корвет разогнался до скорости в 13,5 узлов, чего не показывал уже года три. Но казалось, что противник даже не заметил труда его кочегаров и машинной команды, легко вырвавшись вперед. Единственным результатом подобного достижения стало отставание "Цукубу" с трудом державшего 10 узлов в течение всего пути от Сасебо. И большего, разменявший четвертый десяток деревянный корвет, дать не мог. Наоборот, попытка увеличить скорость хоть еще немного привела к прорыву одного из паропроводов, и ход вскоре упал до 8 узлов.

Не доходя мили до видневшихся впереди прибрежных островов Корейского полуострова

"Полярный лис" развернулся на 90 градусов влево на борт и принялся с большой скоростью удаляться от преследователей. Однако настырные японцы не бросили попытки преследования и продолжали дымить вслед за улепетывающим минным крейсером.

— Если они так же будут идти за нами вплоть до самого Шанхая, рано или поздно боя нам не избежать. А ведь еще имеется вероятность того, что японцы направили какой-нибудь корабль напрямик к Шанхаю. А на рейде порта у нас будет куда меньше шансов удачно отбиться. — опустив бинокль, произнес Иениш. — Как вы думаете, Николай Николаевич, может, стоит отделаться от них, пока есть такая возможность? Тем более вон как они разбежались друг от друга. Кабельтов пятнадцать будет.

— Не забыли, Виктор Христофорович, я всего лишь наблюдатель. — улыбнулся Протопопов, — И потому не могу давать советы. Но будь моя воля, ни один из этих кораблей не ушел бы из залива. — и нагнувшись поближе к Иенишу, едва слышно прошептал, — Чем больше отправим на дно сейчас, тем меньше доведется стрелять через десять лет.

— Возможно, вы и правы, Николай Николаевич. — тяжело вздохнул Иениш и спустившись с открытого мостика в боевую рубку, обратился к присутствующим, — К бою, господа. Будем их топить. Сперва займемся отставшим. Чем быстрее останемся один на один, тем лучше. Всех лишних с палубы долой!

Дав солидный крюк и пройдя в двадцати пяти кабельтовых от "Тенрю", который успел сделать всего шесть выстрелов, пока минный крейсер находился в секторе обстрела, "Полярный лис" уже на сближении открыл огонь по коптившему небо "Цукубе". При суммарной скорости сближения в 26 узлов уже через пять минут дистанция сократилась до двадцати кабельтовых и с повернувшегося бортом старого корвета ударили четыре орудия. Причем фонтаны от падения снарядов выглядели куда больше тех, что подымали снаряды с "Тенрю". Да и скорострельность его орудий неприятно поразила находящихся на борту минного крейсера моряков. Никто из них не ожидал, что на столь древнем и тихоходном корыте японцы установят новые скорострельные шестидюймовки. Но именно на "Цукубе" проводили обучение артиллеристов для Японского Императорского Флота, потому и результаты стрельбы оказались более чем впечатляющими. Прими Иениш правила боя времен парусного флота, когда двигавшиеся параллельно корабли раз за разом обстреливали друг друга десятками ядер и "Полярный лис" вряд ли смог пережить этот бой. Но тот, кто сам прежде учил артиллеристов, мгновенно оценил выучку команды и возможности японского корабля и отвернув крейсер вправо, начал выводить его из небольших секторов обстрела японских орудий, ведших огонь через бортовые порты.

Пытавшийся не упустить противника, командир "Цукубы" вынужден был постоянно менять курс, чем сбивал прицел артиллеристам, и тем раз за разом приходилось начинать пристрелку заново. Та же проблема возникла на минном крейсере — артиллеристам никак не удавалось поймать постоянно меняющуюся дистанцию и вести обстрел противника приходилось на глаз.

Все попытки минного крейсера выйти в нос или в корму, командир японского корвета пресекал умелым маневрированием, подставляя рейдер под бортовой залп и заставляя того постоянно отворачивать. В результате бой свелся к беспорядочной перестрелке длившейся до первого удачного попадания. А ведь на подходе уже был второй японский корвет, и потому необходимо было на что-либо решаться — отрываться от оказавшегося весьма кусачим противника на скорости или рискнуть и попытать счастья на малых дистанциях.

Иениш решил рискнуть и повернув корабль к противнику, пошел на сближение,

двигаясь зигзагом, чтобы оба 120 мм орудия имели шанс вести огонь. Заодно, подобный ход заметно снижал бортовую проекцию его корабля, а постоянное изменение угла сближения заставляло японских канониров лишь попусту тратить снаряды. Впрочем, так же попусту тратил их расчет кормового орудия минного крейсера, и только носовое било относительно прицельно находясь в своеобразном коридоре, где единственной меняющейся величиной была лишь дистанция до цели. И если первых накрытий добились японские артиллеристы, то первый снаряд в противника всадило именно носовое 120 мм орудие "Полярного лиса".

— Так держать! — прокричал рулевому Иениш, заметив взрыв на борту японца, — Максимальная скорострельность! Передать данные на кормовое орудие!

За те полторы минуты, что противники шли друг к другу бортами, с минного крейсера успели выпустить двадцать три снаряда, а с японского корвета только пятнадцать. С десяти кабельтов профессионалам своего дела промахнуться было не реально. В "Цукубу" угодило еще четыре снаряда, один из которых разбил носовое орудие, попав тому прямо в ствол и вызвав некоторое замешательство на батарейной палубе корвета. "Полярный лис" получил одно попадание и два близких накрытия. Единственный точно выпущенный снаряд попал в спонсон бортовой 47 мм пушки и проделал немалую дыру как в борту, так и в палубе. Само же орудие вырвало вместе со станком и выбросило в море с частью борта парового катера, который оно задело во время своего полета. Пара же близких разрывов вогнуло внутрь несколько листов обшивки, а разлетевшиеся осколки проделали с десятков небольших пробоин.

С трудом устояв на ногах от чудовищного сотрясения корабля, Иениш тут же приказал отвернуть от противника на восемь румбов влево и продолжать вести огонь только из кормового орудия. Сам же принялся дожидаться доклада вылетевшего из рубки Протопопова.

— Все нормально, Виктор Христофорович. — успокоил друга вернувшийся через минуту Протопопов, — Мы потеряли 47-мм орудие правого борта и часть обшивки, но на ход это никак не повлияло. Также поврежден борт парового катера и слегка обгорела палуба, но пожарный расчет уже заканчивает заливать ее. Убитых и раненых нет. Синяки и ссадины не в счет.

— Как хорошо, что мы отослали расчеты противоминного калибра в последней призовой партии. — перекрестился Иениш, — А то бы на такой дистанции они непременно встали бы за орудие. Не забудьте отметить в отчете, что жертв удалось избежать, поскольку никого лишнего на палубе не находилось.

— Непременно, Виктор Христофорович.

— А что там наш противник?

— Горит понемногу. Но не слишком сильно. Может, добавим для верности?

— Как бы нам самим не добавили для верности. — скривился как от зубной боли Иениш, — Да и второй уже был слишком близко. Не хочу больше так рисковать. Получи мы такой снаряд пониже ватерлинии и все. Не с нашим водоизмещением и броней лезть под снаряды такого калибра.

На отходе кормовое орудие крейсера успело выпустить еще пятнадцать снарядов, добившись двух попаданий, не смотря на непрерывное маневрирование минного крейсера. Для любого современного крейсера семь 120 мм фугасных снарядов не представляли серьезной угрозы, для корабля того же класса, к которому принадлежал "Полярный лис", обеспечивали как минимум продолжительный ремонт, для деревянной парусно-винтовой

пехуны построенной в 1851 году они стали роковыми. Даже меньшая, по сравнению с японскими, пожароопасность русских снарядов, не спасла старый корабль от тяжелых повреждений и многочисленных возгораний. Одновременно в трех местах на его борту в небо поднимались языки бушующего пламени, и лишь наличие весьма большого экипажа, не смотря на понесенные от обстрела потери, позволило вести успешную борьбу за сохранение корабля.

Во избежание подрыва боезапаса, заряды и снаряды начали выкидывать в море через порты не обстреливаемого борта. Занявшуюся огнем мачту срубили под самым основанием, и та вскоре рухнула в море. Туда же летели горящие и тлеющие деревянные обломки. Те, кому не хватило инструмента, обмотав руки рубахами, подхватывали такие обломки и швыряли их за борт, получая свою порцию ожогов. В море же полетел начавший тлеть уголь, грозивший выжечь весь корабль изнутри. Лишь через час непрерывного бешеного труда уставшие моряки смогли позволить себе упасть с ног там, где стояли, сумев отстоять свой корабль у губительного огня.

Все это время вокруг терпящего бедствие собрата кружил "Тенрю", отгоняя беспокоящим огнем почувствовавшего кровь хищника. После того как стало ясно, что японец из-за пожаров потерял ход и управление, Иениш попытался выйти ему в нос или корму, чтобы безнаказанно добить подранка, но второй подоспевший японский корвет надежно перекрыл путь и злобно огрызался, подобно сторожевому псу.

— Что будем делать, Виктор Христофорович? — окинув взглядом очередные фонтаны воды вставшие в двух кабельтов от корабля, поинтересовался Протопопов. — Вряд ли японцы расстреляют все снаряды в попытке отогнать нас. Да и попасть могут сдуру.

— На сорока кабельтов не попадут. — отмахнулся Иениш, — А вот заплатить за то, что повредили моего лисенка, я их заставляю! — капитан с нежностью и отеческой теплотой в глазах погладил броню рубки. — Пусть знают, с кем стоит связываться, а с кем нет. Если наш подранок не сможет дать ход, японцы либо сами затопят его, либо возьмут на буксир. И то и другое меня вполне устроит. Оба их корабля не могут вести огонь, как по носу, так и по корме и потому при букировке мы легко сможем их достать. Да и подразнить их не мешает. Если тот дым на горизонте окажется японским транспортом, будем внаглую захватывать его прямо у них на глазах. Посмотрим, бросят ли они своих коллег нам на растерзание ради спасения транспорта.

К величайшему сожалению Иениша, подошедшим кораблем оказался английский грузопассажирский пароход, курсировавший между Японией и Китаем. И если один русский капитан был расстроен, то три сотни пассажиров и сотня экипажа парохода пребывали в восторге, ведь им посчастливилось стать зрителями настоящего морского боя.

Решивший выполнить свой воинский долг, капитан "Тенрю" повел корабль на помощь пароходу, имевшему огромные шансы быть японским, наперерез которому бросился минный крейсер противника. Естественно, более быстрый и находившийся ближе к пароходу минный крейсер успел первым и сбросив скорость, пристроился в полукабельтове с левого борта судна. Если до этого момента "Тенрю" не мог вести огонь по наглому рейдеру из-за отсутствия погонного орудия, то теперь, даже развернувшись к нему бортом, стрелять было никак нельзя, опасаясь задеть лайнер. А то, что это не грузовой пароход, уже хорошо было видно.

В то время как командир японского корвета, сжав от бессилия кулаки, продолжал гнать свой корабль напрямик под орудия наглого рейдера, с "Катая" столпившиеся у его левого

борта пассажиры и члены экипажа с немалым интересом рассматривали идущий по соседству небольшой военный корабль под военно-морским флагом Империи Цин с развороченным и закопченным бортом и обложенными мешками с песком носовым и кормовым орудиями, что были направлены на еще один приближающийся корабль.

Первым неладное почуял командир лайнера. Оценив состояние приблизившегося корабля, и задержав на пару секунд взгляд на его орудиях, он тут же схватился за бинокль и принялся рассматривать приближающийся корабль, стараясь рассмотреть его флаг. То же самое он приказал делать примчавшемуся старшему помощнику и матросам, что находились в рубке.

— Японский. — выдохнул старший помощник и с недоумением посмотрел на своего капитана.

— Вот черт! — чуть ли не взревел Эндрю Мэллоун, — Этот проклятый китаец прикрывается нами от огня японца! Вы только посмотрите, сам он может открыть огонь в любой момент, но если японец ответит, он скорее попадет в нас, чем в этот крохотный крейсер! Ублюдки хотят втянуть нас в свою битву! Немедленно передайте на китайца требование отвернуть в сторону! Рулевой, право руля. Полный разворот!... — капитан тут же принялся раздавать приказы, дабы уберечь свое судно, пассажиров и команду от очень больших неприятностей.

— Похоже, наш щит решил сбежать. — вздохнул Протопопов, провожая взглядом кренящийся на левый борт из-за резкого переложения руля лайнер.

— Ничего страшного. Свою работу он уже выполнил. Хотелось бы, конечно, начать чуть позже, но и так неплохо. Передайте на орудия, дистанция двенадцать кабельтов, открыть огонь.

На пристрелку ушло семь снарядов и полторы минуты, после чего море вокруг "Тенрю" начало кипеть от падающих вокруг снарядов. Небольшая дистанция и возможность ведения продольного огня довольно скоро сказались, и на палубе корвета разорвался первый снаряд. Секунд через двадцать еще один снес половину передней мачты и не взорвавшись, улетел в море. Один близкий разрыв повредил деревянную обшивку, и в трюм началось поступление воды.

И пока на минном крейсере канониры, обливаясь потом, поддерживали максимально возможную скорострельность, посылая в противника до десяти снарядов в минуту из каждого орудия, перебежавшие на корму и правый борт лайнера пассажиры с трепетом и восхищением смотрели на то и дело скрывающийся за фонтанами воды японский корабль. Дружный вздох пронесся по палубе лайнера, когда над обстреливаемым кораблем вспух грязно-серый гриб разрыва и появились языки пламени. Какой-то невероятно удачливый журналист успевший сбежать в свою каюту, под ворчание офицеров лайнера пристроил фотоаппарат на крыле мостика и раз за разом делал снимки, не жалея пластин и магния.

Лишь когда "Тенрю" развернулся бортом к "Полярному лису" Иениш дал приказ на разворот вправо и давший полный ход рейдер уже через три минуты полностью скрылся за бортом лайнера, оставив японских канониров ни с чем, но подарив им еще один 120 мм фугасный презент, проделавший солидную пробоину в борту, и обеспечивший пожар на жилой палубе.

Обогнав лайнер, минный крейсер вновь взял вправо и пройдя в сотне метрах перед его носом, на 18,5 узлах устремился напрямик на юг. Благодаря превосходству в скорости Иениш решил попытать счастья в добивании первого противника, для чего требовалось

оторваться от шедшего в 11,5 кабельтов противника. Риск, конечно, был велик, но ведь и они сами не собирались сидеть, сложа руки. Правда, в закромах оставалось всего сорок три снаряда на оба орудия, но даже в этом случае они могли рассчитывать на неплохой результат.

Наконец, рассмотревший флаг, под которым шел лайнер, капитан "Тенрю" не смог сдержаться и высказал все, что он думает о коварных русских, а после попадания в его корабль пары снарядов, от негодования треснул биноклем по планширю, отчего хрупкая и ценная оптика разлетелась вдребезги. А когда ушедший из-под огня минный крейсер выскочил как черт из табакерки из-за носа лайнера и сильно дымя, устремился на весьма высокой скорости перпендикулярным ему курсом, он был готов сожрать свою фуражку. Русский одним своим ходом поставил его в очень тяжелое положение. С одной стороны, упусти он рейдер, и тот имел неплохие шансы добраться до сильно пострадавшего "Цукубы", но при этом можно было сохранить "Тенрю" от новых повреждений, тем более что, судя по черному дыму валящему из-под палубы, команда еще не справилась с последствиями предыдущего столкновения. С другой стороны, пойдя он прямым курсом обратно к "Цукубе", чтобы вновь прикрыть его своим бортом, под огонь которого противник никак не хотел лезть, тот непременно подстроился бы сзади и принялся безнаказанно обстреливать корвет из своего носового орудия, а вот сам "Тенрю" ответить не мог ничем — ретиральной пушки на нем не имелось. Конечно, можно было бы установить на корме 75 мм десантную пушку, но с ее дальностью стрельбы и точностью попасть по держащемуся в десяти кабельтов противнику нечего было и мечтать. Тем не менее, решение надо было принимать и принимать срочно.

Попытка отпугнуть рейдер, навязав ему линейный бой, ни к чему не привела. Тот не свернул с курса и лишь еще больше сократил свое отставание от "Тенрю", ведя редкий ответный беспокоящий огонь, который добавил еще одну пробоину в корпусе корвета. Слегка отвернув на юго-запад, так чтобы удерживать противника в прицеле хотя бы орудий среднего калибра командир "Тенрю" попытался отыграть хоть часть расстояния у минного крейсера, но тот, мгновенно отреагировав на маневр, повернул более круто вправо, угрожая зайти корвету в корму. Тут же пришлось парировать этот маневр своим. В результате путь в четыре мили занял более часа и стоил "Тенрю" уничтоженного 75 мм орудия, сваленной кормовой мачты, двух пожаров и двадцати трех человек ранеными и убитыми, но корвет все же смог добраться до своего ранее пострадавшего товарища и уже там подставить противнику ошестинившийся орудиями борт.

Возможно, оба этих корабля так и не увидели бы восход следующего дня, но на "Полярном лисе" банально закончились снаряды к 120 мм орудиям, а ствол носового орудия, выпустившего все остававшиеся на борту снаряды, покрылся трещинами и грозил вскоре разорваться.

Ведшийся же с "Тенрю" огонь из размещенной на корме десантной пушки, успевшей выпустить полсотни снарядов, привел к одному, явно случайному, попаданию в нос, как раз в листы которыми заклепали порт носовой 47 мм пушки. Но располагавшийся там склад боеприпасов бакового орудия к этому моменту оказался девственно пуст, да и бронестенки стеллажей, где хранились унитары, спокойно выдержали попадание полудюжины осколков.

— Что-то мы сильно увлеклись, Виктор Христофорович. — усмехнулся Протопопов, рассматривая в бинокль удаляющиеся силуэты японских кораблей, — Сами же хотели сохранить снаряды на всякий случай, а теперь, случись что, мы даже от миноносца не

отобьемся.

— Что есть, то есть, Николай Николаевич. — согласно кивнул Иениш и расплылся в улыбке, — Но постреляли то хорошо! Молодцы канониры! Заслужили сегодня награду! А то, что снаряды потратили... Да и черт с ними! На то они и снаряды, чтобы мы, военные моряки, их тратили!

— И что предполагаете делать теперь? Ведь такие снаряды здесь не достать, а ждать пароход из Санкт-Петербурга месяца три придется. Не меньше. Если там еще согласятся выслать нам боезапас, ведь мы здесь, по идее, все добровольцы и содержать нас государство не обязано. От китайцев же ждать чего-либо вообще не приходится. Раз уж они свой собственный флот держали на постоянном голодном пайке, отчего он до сих пор не может оклематься после боя, то ради нас китайские чинуши даже не почешутся.

— Все так, Николай Николаевич. — согласно кивнул Иениш. — А еще у нас трещины по стволу носового орудия пошли. Так что даже раздобудь мы снаряды, с одним орудием многого все равно не навоюем. К тому же, сколько еще выстрелов выдержит второе орудие, одному лишь Богу известно. Может сто, а может пять. Новые же стволы, нам точно не достать. Поэтому будем использовать то, что есть. У нас шесть полностью боеспособных короткоствольных 120-мм пушек Круппа, и две Армстронга сходных с нашими родными Канэ, но требующие хорошей чистки. Первые хороши тем, что имеются в немалых количествах, да и снарядов к ним более семи сотен. Но вот их боевые характеристики заметно уступают таковым английских орудий, да и со станинами непонятно что делать. Родные то круговой обстрел обеспечить никак не смогут, а на станки от Канэ они не встанут без серьезной переделки. И смогут ли китайцы помочь нам с подобной доработкой — тот еще вопрос. А вы как полагаете, Николай Николаевич, чем нам лучше заменить наш главный калибр?

— Как бы я ни хотел выбрать орудия Армстронга, здравый смысл говорит мне остановиться на изделиях господина Круппа. Для охоты на транспорты их хватит с лихвой, а случись нечто подобное недавно произошедшему, мы вновь рискуем расстрелять не одну сотню снарядов. Для немецких пушек их у нас 743 штуки и они так же являются унитарными, что позволит не переделывать имеющиеся стеллажи. К английским же орудиями у нас только 232 снаряда и 237 выстрелов к ним. А ведь еще какое-то количество снарядов непременно придется потратить на пристрелку и обучение наших артиллеристов. Так что один бой и нам вновь придется озаботиться проблемой смены орудий.

— Что же, у меня примерно такие же мысли.

— А наши орудия оставим в Шанхае?

— Нет. Официально мы потеряли свой груз во время шторма, так что в воду их и отправим. Я имею в виду стволы. — тут же поспешил уточнить Иениш, увидев немалое удивление в глазах Протопопова. — Остальное, что не понадобится для установки орудий Круппа, скрутим и уберем в закрома. Я планирую оставить нам тот небольшой угольщик, что мы захватили пару дней назад, вот на него и сгрузим все лишнее.

Нагнав по пути к Шанхаю последний из захваченных пароходов, минный крейсер принял его в кильватер и с первыми лучами солнца 10 октября бросил якорь на внешнем рейде китайского порта под боком у пришедшей днем ранее тройки трофеев. За два дня пути немало потрудившийся экипаж рейдера не только отошел от проведенного боя и на скорую руку залатал полученные повреждения, но и используя подручные средства, отправил за борт оба ставших простым балластом ствола. Но прежде офицеры осмотрели, ощупали и

обнюхали каждый квадратный дюйм потрудившихся орудий, после чего засели составлять отчеты, не забывая вставлять в них свои мысли на счет продления ресурса стволов.

Господин Ван был удивлен, господин Ван был поражен, господин Ван не знал, где взять причитающиеся русским деньги и куда девать более тысячи пленных японцев. Он уже даже успел пожалеть о своем сотрудничестве с русскими. Знай он, что за пару недель можно наловить подобный улов, то еще в начале войны приобрел бы судно и сам вышел в море, дабы нарушать снабжение вражеской армии. И, естественно, то, что при этом в его собственность могли отойти немалые материальные активы, являлось для истинного патриота Империи Цин, которым сам Ван, несомненно, являлся, второстепенным делом. Именно по этому поводу и занимался самобичеванием господин Ван, обследуя новые трофеи. И уж конечно он не стал бы делать столь глупую вещь как доставка тысячи военнопленных в китайский порт. Благо, океан большой, всех принял бы с распростертыми объятиями. Но эти русские не были его людьми, и хотя приносили немалую пользу, также доставляли неслабую головную боль. Ведь столь крупный успех как захват тысячи японских солдат, а он уж постарается доказать, что это именно солдаты — гордые воины страны восходящего солнца, а не черноногие носильщики, годные разве что на работу ишаков, не мог остаться незаметным от дворца. И потому деньгами от реализации трех приведенных транспортов придется делиться с еще большим количеством страждущих, так что и самому могло ничего не достаться.

К тому же русские партнеры настойчиво рекомендовали безотлагательно выплатить им причитающуюся долю и уводить трофеи из Шанхая в ближайшее время, поскольку подобной пощечины Японский Императорский Флот не мог оставить безнаказанной. А ведь ему почти удалось убедить русских в отсутствии серьезных сумм, сдав им в прошлый раз всю собранную из тайников и банков мелочь. Но сейчас, когда за спиной мирно беседующего с ним Иениша стояло с десятков рослых и крепких матросов с монструозными револьверами в кобурах, а собеседник как раз сетовал на нехватку средств для оплаты услуг этих самых матросов, сказать, что денег нет, почему-то не поворачивался язык. Хотя очень хотелось! Тем более что новый улов был оценен в сто двадцать шесть тысяч фунтов стерлингов, третью часть которых требовалось выплатить немедленно.

В конечном итоге сорок две пачки новеньких банкнот достоинством в 10 фунтов были с удовольствием приняты, проверены и посчитаны господином Ивановым под добродушную улыбку господина Вана сопровождавшуюся едва слышным зубным скрежетом. Все же отдавать деньги господин Ван не любил. Никому и никогда! Однако, свою жизнь он ценил куда выше презренного металла и потому делиться приходилось постоянно и со всеми, что вечно вгоняло его в депрессию. Слишком многие зажавшиеся чинуши желали откусить от его куска пирога, делая в ответ лишь одно — закрывая глаза на его существование. По сравнению с этими разжиревшими и обленившимися соотечественниками, русские получали его деньги хотя бы за работу. Пусть сравнительно непыльную, как показала практика, но работу!

— Все верно, господин Ван. — закончив священнодействовать над деньгами, Иван передал их Протопопову, — Николай Николаевич, будьте добры, запирайте это добро в сейфе.

— Конечно, Иван Иванович. — коротко кивнул тот и подхватив саквояж, удалился из кают-компаний.

— Как уже было сказано, господин Ван, более в Шанхай мы не сунемся. Во всяком случае, до конца войны. Куда прикажете приводить следующие трофеи?

— В порт Вэньлин. Знаете такой?

— Да. — коротко кивнул Иениш, — Но в нем мы точно не сможем пополнить запасы угля.

— Отчего же, господин Иениш? — тут же удивился китаец, — Пусть порт и не столь велик как Шанхай, но и в нем найдутся угольные склады.

— Тот уголь, что там найдется, нам не подойдет. Его разве что прибрежным трампам скармливать. Для нас основным залогом выживания является скорость, а потому и уголь должен быть только высшего качества — кардиф или ньюкасл. Подойдет и наш, русский, с Сахалина. Но его добывают только разве что для нужд Тихоокеанской эскадры.

— А я и не знал таких тонкостей. — покачал головой Ван.

— Поэтому подобными тонкостями занимаемся именно мы. — усмехнулся Иениш. — И если у вас вдруг возникнет желание самостоятельно выбраться в море, чтобы поживиться за японский счет, советую не брать первое попавшееся корыто, которое не сможет никого догнать и ни от кого убежать, а сперва обратиться хотя бы к профессиональным морякам.

— Ну что вы, господин Иениш. Я человек сугубо мирный. Купить-продать — вот мое ремесло. А право размахивать абордажными саблями я предоставляю вам. Каждый из нас хорош именно в своем деле.

— Вы только не подумайте, что мне жалко, господин Ван. — вновь усмехнулся Иениш. — Океан большой. Судов у японцев еще в достатке. Однако, в настоящее время вы единственный наш "торговый партнер" и мне не хотелось бы терять время на поиски нового, случись с вами какая беда. Если уж соберетесь оснастить собственный корабль, сами хоть не ходите на нем.

— Благодарю за вашу заботу, уважаемый господин Иениш. И если я все же сподоблюсь снарядить подобное судно. На какие характеристики вы бы посоветовали обратить внимание?

— Скорость, дальность хода, условия обитания экипажа и его количество, вооружение. Именно в таком порядке, господин Ван. — закончил загибать пальцы Иениш. — Как вы можете видеть на примере нашего корабля, с двумя предпоследними условиями у нас совсем туго, потому мы были вынуждены, захватив три-четыре приза, возвращаться в порт. Да и серьезной дальностью хода мы не можем похвастать. Потому и крейсировали относительно недалеко от Шанхая.

— Понятно. А почему вы поставили вооружение на последнее место?

— Ну, тут все просто. По сути, мы рейдер — корабль предназначенный для перехвата торговцев на морских коммуникациях противника. Для принуждения гражданского судна к остановке не обязательно иметь на борту огромные орудия в изрядном количестве. Одного или двух более чем достаточно. Встретившись же с вражеским патрульным кораблем, вам лучше уйти от него и попытать счастья в другом месте, нежели рисковать своими жизнями и кораблем, вдобавок выбрасывая деньги в море, ведя по противнику огонь. Снаряды, они ведь тоже денег стоят. Причем немалых. А чтобы нанести противнику изрядные повреждения, этих самых снарядов необходимо выпустить не одну сотню. И только единицы из этих сотен попадут в цель.

— Но насколько я смог заметить, вам все же пришлось сойтись в бою с японцами. И, судя по тому, что вы здесь и с немалой добычей, несладко пришлось именно японцам. — расплылся в приторно сладкой улыбке китаец.

— Не скажите, господин Ван. — покачал головой Иениш. — Пусть мы и смогли

нанести противнику куда большие повреждения, утопить нам никого не удалось. — в это время Иениш еще не знал, что у старого и ветхого "Цукубы" от сотрясений в корпусе образовалось немало течей и взявший его на буксир "Тенрю" едва успел дотащить старичка до мели, у которой уже покоился "Каймон", прежде чем тот исчерпал запас плавучести.

— Но отбить у вас захваченные пароходы японцы не смогли, значит, победили вы. — продолжил петь соловьем похвальные дифирамбы Ван, — Будь все наши моряки подобны вам и вашей команде, мы уже давно победили бы в этой войне.

— А вот здесь я с вами соглашусь, господин Ван. Все, кто служит под моим командованием, являются лучшими профессионалами своего дела. Да и я не просто так два года командовал кораблем в учебном артиллерийском отряде Балтийского флота, обучая искусству артиллерийской стрельбы русских моряков. Именно оттого, что все мы мастера своего дела, нам способствует подобный успех. Помните об этом, набирая себе экипаж, а то потеряете и людей и корабль и вложенные в них деньги.

— Благодарю за беспокойство о моей скромной персоне, господин Иениш. — поклонился Ван, — Я постараюсь учесть все, что вы мне поведали. Но если вас не затруднит, может, подскажите, какая скорость должна быть у подобного судна, по вашему мнению?

— Не менее 20-ти узлов, господин Ван. Сейчас у японцев найдется всего три крупных корабля способных идти с подобной или большей скоростью. Из них только один имеет бронепалубу, остальные два — это безбронные авизо. Сами понимаете, что шанс нарваться на один из этих кораблей не сильно велик. К тому же японцы вряд ли отпустят в свободную охоту свой единственный быстроходный крейсер. Но лучше быть готовым к бою и не вступить в него, чем вступить в бой, будучи не готовым.

— Правильно ли я понимаю, что судов и кораблей способных выдать подобную скорость весьма немного?

— Правильно, господин Ван. И из тех, что изначально не создавались как военные корабли, подобную скорость могут показать разве что лучшие пассажирские лайнеры, что курсируют между Европой и Америкой.

— А из тех судов, что сумели захватить вы, какой самый быстрый?

— Лайнер "Кобе-Мару", что сейчас стоит под боком. Если будете скармливать его прожорливым топкам кардиф, он на короткое время сможет дать 15 узлов. Такая скорость недоступна ни одному из старых японских корветов, с которыми мы сталкивались во время своих действий, но ее легко могут дать все их новые крейсера, потому риск возрастает многократно, но зато благодаря немалым размерам, на его борту можно разместить несколько десятков призовых команд. Вдобавок, при полностью заполненных угольных ямах и на экономичной скорости он сможет пройти пять тысяч миль. А это много. Уж поверьте.

— Хм. Я подумаю на его счет, господин Иениш. А что насчет вооружения?

— Если не планируете ввязываться в бои с крейсерами противника, двух скорострельных орудий в 150-мм или 120-мм будет вполне достаточно. Ну и еще одно помельче, дабы не тратить дорогостоящие снаряды на предупредительные выстрелы. В принципе, можете поставить хоть старые дульнозарядные пушки — гражданским пароходам и этого хватит. Но случись все же встреча с японским военным кораблем, описанные мною ранее орудия могут дать вам шанс на побег. Все же прочее лишь отсрочит неминуемую гибель или плен.

— Насколько я знаю, у вас имеется определенный запас орудий и снарядов на портовых складах. Сможете ли вы мне уступить парочку из них?

— В принципе, я мог бы предложить вам два 120-мм орудия Круппа. Правда, имеющиеся к ним станки обладают слишком малыми углами наводки по горизонтали и установив их на носу и корме, вы не сможете вести огонь на борт. Тем не менее, это очень хорошие орудия. Несколько хуже тех, что еще недавно стояли на моем корабле, но не намного.

— Да, я не мог не заметить их отсутствия. Не удовлетворите мое любопытство, господин Иениш? Куда же они подевались?

— Они исчерпали свой ресурс, господин Ван. Как и у всех составных частей любого корабля, у орудий имеется ограниченный ресурс, который мы полностью исчерпали в боях с японцами.

— А каков данный ресурс у орудий, что вы готовы продать?

— Честно говоря — не имею ни малейшего понятия. Сколько снарядов японцы успели выпустить из них, до того как орудия попали в наши руки, не сможет сказать уже никто. Одно могу сказать точно — признаков сильного износа мы на них не видели, так что полсотни, а то и сотню снарядов каждое из них выпустить сможет. В любом случае, больше сотни снарядов я никак не смогу вам уступить. Слишком ценный и редкий сейчас этот ресурс.

— Прошу меня простить за мое невежество, но озвученная вами цифра является большой?

— Смотря для чего, господин Ван. Если просто охотиться за транспортными судами — то большой. Если вести активные боевые действия — то примерно столько можно выпустить из одного орудия за время боя.

— Боюсь спросить, но, во сколько мне может обойтись подобное вооружение?

— Если считать с учетом боеприпасов, то — подняв глаза к потолку, Иениш принялся что-то подсчитывать в уме, беззвучно шевеля губами, — сто тысяч рублей.

— Сколько! — не смог сдержать хриплого выкрика китаец.

— Сто тысяч рублей, господин Ван. Спешу вас заверить, что для военного времени подобная цена является весьма привлекательной.

— И во сколько она больше цены мирного времени?

— Всего лишь в два — два с половиной раза. Не более того.

— Хм. Я и не подозревал, что современное вооружение может оказаться столь дорогим.

— Еще как может, господин Ван. Знали бы вы во сколько мне обошлась покупка и оснащение моего небольшого крейсера! Даже с учетом последних трофеев он все еще не окупился. Так то!

— А что-либо менее дорогое вы мне можете предложить?

— Можем. Но подобное вооружение может быть сколь-либо эффективным лишь против миноносцев, да небольших шхун. Даже небольшой гражданский пароход сможет без особых последствий перенести огонь из таких небольших пушек, не говоря уже о любом военном корабле классом от канонерки и выше. Поверьте старому моряку, проведенному на военной службе большую часть своей жизни — экономить на вооружении своего корабля — это самое последнее дело. Но решать, конечно же, вам. Со своей стороны готов продать вам одно 75-мм десантное орудие с полутора сотней снарядов за двадцать тысяч рублей и два четырехствольных скорострельных орудия Норденфельда дюймового калибра с шестью сотнями снарядов к ним. За последние я попрошу двадцать пять тысяч.

Еще никогда за всю свою долгую жизнь господину Вану не приходилось столь сильно

разрываться между врожденной экономией, которую многие, кто его знал, почему-то обзывали "жадностью" и желанием помочь своей стране в борьбе с давним врагом, путем лишения этого самого врага материальных ценностей. Два часа переговоров насыщенных витиеватыми фразами и тысячами комплиментов позволили лишь выторговать себе в дополнение к двум 120-мм орудиям бесплатное дополнение в виде митральезы Норденфельда и десятка японских винтовок.

Задержаться в Шанхае пришлось на целые сутки. Помимо решения финансового вопроса, пришлось потратить время на подкрепление установленных ранее заплат и перегрузку на крейсер двух орудий Круппа и снарядов к ним. Попытку установить их ни имеющиеся станки решили предпринять на одной из китайских военно-морских баз.

Первоначальное решение ремонтироваться в Вэйхайвэе пришлось пересматривать, поскольку злопамятный военный комендант, не забывший тех десятков тысяч лян, что его вынудили отдать в счет оплаты трофейной канонерской лодки, запретил предоставлять услуги небольшой верфи, и даже обязательная взятка не смогла помочь в разрешении возникшей проблемы.

Потеряв два дня в бесплодных попытках договориться, Иениш, в конечном счете, махнул рукой на упертых генералов и загрузив на борт еще и орудия Армстронга с боеприпасами, повел минный крейсер в Люйшунькоу, где до сих пор "ремонтировался" весь китайский флот, включая совершенно не пострадавшие корабли.

С момента последнего посещения Люйшунькоу прошел почти месяц, и команда минного крейсера смогла воочию оценить результаты труда работников китайских верфей. "Чженьюань" уже покинул сухой док и выглядел вполне целым и невредимым, так же как и флагман флота. Оба броненосца сверкали свежей краской на целых бортах и лишь видневшиеся на их палубах тут и там группы рабочих свидетельствовали о том, что ремонт еще не завершен. И лишь погорелец "Лайюань" все еще выглядел как после хорошей трепки, что, впрочем, в виду полученных им повреждений было не удивительно. Полностью исправить полученные им повреждения взялись бы разве что на верфи, где он был рожден.

По сравнению с подобными повреждениями, проблемы "Полярного лиса" таковыми на самом деле не являлись. Механизмы минного крейсера не пострадали и лишь требовали чистки и должного обслуживания, что в условиях защищенной со всех сторон военно-морской базы можно было делать, не боясь оказаться перед лицом врага со спущенными штанами. С заменой же развороченных листов обшивки могли справиться и сами моряки, благо участие матросов наряду с рабочими в постройке корабля после его спуска на воду, было обыденным делом в России. Вот только все места у пирсов оказались заняты десятками судов и кораблей, так что сразу приткнуться куда-нибудь поближе к имеющимся на базе ремонтным мастерским и кранам не было ни малейшей возможности. В тех же немногих просветах, что встречались по пути, могли поместиться разве что небольшие рыбацкие джонки, да снующие по акватории многочисленные лодки. В результате встать пришлось на якорь и впоследствии добираться до берега на весельном катере.

Не смотря на не слишком теплое прощание после последней встречи, адмирал Дин был весьма рад вновь увидеть русского капитана вставшего под знамена его флота. После взаимных приветствий, он указал на кресло и дождавшись, когда Иениш уместится в нем, приступил к беседе.

— С тех пор как вы покинули Вэйхайвэй несколько недель назад, я более не имел возможности получать информацию о вас и вашем корабле. Может быть поведаете мне, чем

вы занимались? То, что не отсиживались где-либо мне и так понятно. Стоит только вспомнить ваши действия во время боя у Ялу.

— В основном тем, чем и планировал — перехватывал вражеские транспорты обеспечивавшие снабжение японских войск. Не хочу хвастаться, но более десятка судов так и не дошли до порта назначения.

— Весьма похвально, господин Иениш. Не сомневаюсь, что ваши действия, не преминули сказаться на возможностях японской армии. Но мне доложили, что ваш корабль пришел с весьма заметными боевыми повреждениями. Полагаю, вам вновь пришлось сойтись с японцами в бою?

— Вы абсолютно правы, господин адмирал. Причем, должен сказать, что сойтись в бою пришлось не единожды. Японцы отряжали на охрану своих транспортов имевшиеся во флоте корветы, вот с ними и дрались.

— Судя по тому, что вы поведали о десятке захваченных судов, верх в боях одержали именно вы.

— Можно сказать и так. Один корвет сейчас лежит притопленный на мели у корейского городка Чеджу. Еще один избит так, что японцы замучаются его ремонтировать. Третий же отделался менее серьезными повреждениями, но тоже не скоро вновь выйдет в море. Хотя и нам досталось. В Вэйхайвэе исправить полученные нами повреждения не взялись, вот мы и пришли сюда. И судя по виду ваших кораблей, здесь с нашими проблемами смогут справиться с легкостью. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь в этом деле, господин адмирал?

— Непременно, господин Иениш. Я отдам необходимые распоряжения, чтобы вам оказывали всемерную поддержку в ремонте вашего корабля. Надеюсь, он не сильно пострадал?

— Не сильно, господин адмирал. Но своими силами нам пришлось бы возиться слишком долго. Здесь же имеется вполне хорошая ремонтная база, так что мы надеемся управиться за неделю.

— Рад слышать, что вы и ваш корабль не сильно пострадали. А теперь утолите же мое любопытство. Можете поподробнее рассказать о ваших встречах с японскими корветами? ... — Дин Жучан продержал у себя Иениша почти три часа, в подробностях выспрашивая перипетии последних недель жизни "Полярного лиса" и его экипажа.

К своему величайшему удивлению Иениш узнал, что Бэйянский флот собирался покинуть Люйшунькой уже через пару дней, чтобы перебраться в Вэйхайвэй и даже все еще требовавший серьезного ремонта броненосный крейсер планировалось взять с собой и доделывать уже силами рабочих Вэйхайвэя. К чему была такая неожиданная спешка, Иениш не понимал, поскольку японская армия была еще в сотнях километров от военно-морской базы, защищенной к тому же весьма серьезными укреплениями.

Тем не менее, 18-го октября все корабли и большая часть транспортов, прихватив с собой столько угля, снарядов и прочих припасов, сколько влезало в трюмы, покинули Люйшунькоу и выстроившись несколькими кильватерными колоннами, ушли, оставив крепость, которую они должны были защищать с моря, на произвол судьбы.

В тот же момент как корабли скрылись вдаль, произошли радикальные изменения в работах ведущихся на "Полярном лисе". Все рабочие, не сказав ни слова, собрали инструмент и покинули борт корабля. Как Иениш ни кричал, как ни ругался, отловленные им инженеры и бригадиры в ответ лишь улыбались, кланялись да разводили руками, но к работам

возвращаться не спешили. Вместе с адмиралом Дином, покинувшим базу, ушло и его слово и прикрытие, обеспечивавшие ведение работ на пострадавшем минном крейсере.

Глава 5. Лиса в курятнике

Пока на первых полосах европейских газет одно за другим появлялись сенсационные новости связанные с Россией, действиями ее подданных и неожиданными решениями ее монарха, за многие тысячи километров от Санкт-Петербурга основные виновники потрясающих мир новостей дружно матерились, выбивая из зарвавшихся китайских интендантов необходимые для ремонта своего корабля материалы, инструмент и рабочие руки. И если с первыми двумя пунктами после обильного вливания в карманы интендантов серебра удалось разобраться, то вот с рабочими руками было туго. Во всяком случае, с теми, у кого руки росли откуда надо. Нет, выбор был немалый, но все мало-мальски толковые работники и бригадиры сразу после ухода китайского флота кинулись собирать манатки. Никто из них не тешил себя иллюзией, что столь оперативно покинутая флотом военноморская база сможет устоять перед натиском японской военной машины. Кому как не тем, кто восстанавливал пострадавшие в бою корабли, было известно насколько мощный у японцев флот, тем более что их крейсера чуть ли не каждый день маячили в нескольких милях от выхода из порта, сторожа остатки китайского флота, что не смогли покинуть Люйшунькоу по техническим причинам и одновременно демонстрируя, кто в море хозяин.

Но позволить себе сняться с насиженного места могли только те, у кого в карманах водилось серебро, а то и золота. Естественно, помимо чиновников, гревших свои потные ручонки на флотских заказах, подобным могли похвастать разве что те немногие мастера, на чьи плечи ложилась основная тяжесть сложных технических работ. Все же без грамотных специалистов даже целая толпа нагнанных на ремонтные работы малоопытных и низкоквалифицированных работников, которые и составляли девяносто процентов сотрудников верфи, никакой ремонт не мог быть произведен, а потому с ними было необходимо считаться и делиться.

В конечном итоге, как и все в Цинской империи, ремонт "Полярного лиса" возобновился с новой силой лишь после того, как перед носом руководства верфи захрустели веселые фунты. Двух сотен английских фунтов стерлингов оказалось достаточно, чтобы тут же нашлись свободные и, что самое главное, квалифицированные руки вкупе с потребными материалами. Всего неделя понадобилась на ремонт пострадавшего борта и установку английских орудий, но из-за переборки потрудившихся за последний месяц машин и монтажа немецких стволов на русские станки погостить в Люйшунькое пришлось целых две. В связи с тем, что сухой док оказался пуст, удалось даже очистить днище от выросших на нем ракушек, что пусть и немного, но добавило скорости минному крейсеру.

К тому моменту как обновленный и свежеекрашенный "Полярный лис" оказался готов к новым трудовым свершениям, 2-я японская армия, уже восемь дней как высадившаяся на полуострове, практически не встречая сопротивления, продвигалась к Люйшунькоу. Единственное, что активно мешало японцам в их милитаристических планах, были жуткое бездорожье и зарядившие дожди.

Японский флот, оправившийся после битвы у Ялу, всюю хозяйничал в Желтом море, так что ни один пароход не успевший покинуть базу вместе с остатками китайского флота не решался высунуться за границу Люйшунькоу. Лишь "Полярный лис" пусть и несколько

перегруженный из-за лишнего вооружения и боеприпасов, временно укрытых в бывшем минном складе, имел шансы убежать от японских крейсеров, отчего и был направлен военным комендантом базы на разведку вдоль восточного побережья Ляодунского полуострова.

Отказываться Иениш не стал, ожидая повстречать не только японские крейсера, но и войсковые транспорты. Более трех недель они уже не выходили на промысел и то, что могло принести им реальные деньги, все еще ходило под японскими флагами. Вошедший во вкус Иениш, впрочем, как и вся команда, не могли смириться с таким положением вещей и в отличие от своих китайских коллег несказанно обрадовались возможности покинуть порт. К тому же все еще требовалось потренировать расчеты стрельбе из новых орудий, а делать это в акватории порта никто бы не позволил. Пусть таблицы стрельбы для этих орудий и были найдены в сейфе "Акаги" получившей самое современное вооружение незадолго до начала войны, провести учебные стрельбы было более чем необходимо, не смотря на дефицит боеприпасов.

Если какой из японских кораблей и вел наблюдение за портом, на его борту вряд ли кто-нибудь смог заметить небольшую черную тень, выскользнувшую на внешний рейд в кромешной тьме ночи. Двигаясь в течение часа на 10 узлах строго на юг, Иениш постарался увести свой корабль с путей возможной встречи с японскими наблюдателями и сделав небольшой крюк, вернулся к восточному берегу Ляодунского полуострова напротив порта Даляньвань.

Так, следуя вдоль побережья, уже через четыре часа они заметили впереди многочисленные дымы и отвернули к островам Эллиота, чтобы не встречаться с японским флотом. А в том, что это был именно он, командир "Полярного лиса" нисколько не сомневался. Уже после полудня они легли в дрейф недалеко от места, где разыгралось недавнее сражение двух флотов. Где-то здесь должны были проходить пути снабжения японских армий, продвигавшихся вглубь территории Китая, и потому всем было приказано усилить внимание.

В первый день, впрочем, как и во второй, никого обнаружить не удалось. Зато с погодой сильно повезло и над поверхностью моря то и дело раздавались орудийные выстрелы — спущенные на воду деревянные плотники с азартом расстреливались осваивающими новые орудийные системы артиллеристами, на обучение которых Иениш выделил всего три десятка снарядов, загромождавших наравне с мешками с углем все свободное пространство на борту небольшого корабля.

К концу первого дня артиллеристы крейсера научились накрывать небольшой плот на дистанциях до 15 кабельтов, но уже на 20-ти снаряды начинали ложиться с большим разлетом, а на 25-ти вообще как попало. Возможно, подобного было более чем достаточно для ведения огня по берегу, но для морских сражений как те в которых пришлось поучаствовать команде минного крейсера, орудия, показывающие подобный результат, не могли выступить в качестве надежной дубины. Лишь на второй день, потратив еще два десятка оторванных Иенишем от сердца снарядов, бывшие лучшие артиллеристы Балтийского флота смогли показать результат близкий к тому, чего они добивались с орудиями Канэ.

Так никого и не дождавшись, Иениш повел крейсер к Даляньваню, чтобы осмотреть остатки выскочившего там на камни небольшого китайского крейсера, но к своему удивлению наткнулся по пути на необычный конвой из одного транспорта шедшего под

охраной целой стаи миноносцев.

"Ямасиро-Мару", переделанный с началом войны в базу миноносцев, и вооруженный двумя трехдюймовками и восемью револьверными 37-мм пушками Гочкиса вряд ли мог носить гордое наименование вспомогательного крейсера и уж точно не тянул по неприступности на горный замок, что означало в переводе его наименование, но именно таковым пароход проходил по учетным документам, отчего и был отпущен в море вместе с приписанными к нему отрядами миноносцев без какой-либо дополнительной охраны полагавшейся всем прочим транспортным судам.

У обозревшего открывшуюся взору картину Иениша глаза загорелись, подобно лисе пробравшейся в курятник. Корабль, построенный для уничтожения миноносцев противника, повстречал именно такого врага, избивать которого и был рожден. Два отряда 35-ти метровых миноносцев японского флота, построенных совсем недавно во Франции, не могли похвастаться выдающимися характеристиками. Водоизмещение в 54 тонны, два 37-мм орудия, два минных аппарата и заявленная, но не достижимая максимальная скорость в 20 узлов делали их весьма посредственными представителями своего класса. Впрочем, именно такими, если не хуже, являлась основная часть миноносцев всех стран мира.

— Машинное, полный вперед! — прокричал в переговорную трубку почуявший добычу Иениш. — Не жалеть ни угля, ни масла!" оторвавшись от трубки, он посмотрел на не менее возбужденного Протопопова, — Такая встреча случается один раз в жизни и упускать свое, мы не будем!

— Полностью согласен с вами, Виктор Христофорович. Тем более еще никогда ранее минный крейсер не встречался в бою с миноносцами. Это какой же доклад мы сможем составить!

— Полный, Николай Николаевич! Я бы даже сказал, полнейший доклад! Приказываю привести все орудия к бою. Транспорт не трогать, никуда он от нас не денется. Будем охотиться на миноносцы!

Дымы от приближающегося корабля давно были замечены на японских кораблях, вот только все никак не удавалось разглядеть, кто именно приближается к небольшому конвою. Прошел уже месяц как японский флот хозяйничал в этих водах, а китайских кораблей никто не видел, но в жизни случалось всякое, и потому для скорейшего опознания навстречу неизвестному судну был выслан миноносец N7. Не торопясь, дабы не изнашивать нежные машины миноносца, лейтенант Изава, повел свой небольшой корабль навстречу неясной черточке на горизонте, над которой поднималось изрядное облако черного дыма.

Невысокий узкий силуэт мог принадлежать многим кораблям Японского Императорского Флота — крейсеров 3-го ранга, безбронных авизо и канонерок в его составе хватало, и все они, осуществляя патрульные функции, имели шансы оказаться приближающимся кораблем. Вот только когда расстояние сократилось до десяти кабельтов, а с неизвестного корабля, идущего, надо заметить, на очень солидной скорости, так никто и не ответил на сигналы, подаваемые с борта миноносца, самые нехорошие мысли принялись лезть в голову лейтенанта.

Дав команду на разворот, он оказался неприятно удивлен тем фактом, что оказавшийся теперь уже за кормой корабль не только не отстает от его миноносца, но весьма заметно нагоняет его. Стоило дистанции сократиться до 8 кабельтов, как на носу неизвестного

корабля показалась вспышка, и в двух десятках метров перед носом небольшого миноносца поднялся фонтан воды. На 16 узлах небольшой кораблик влетел в не успевшую опасть воду, окатившую расчеты орудий и всех кто находился на мостике с ног до головы. Следующий снаряд упал в пяти метрах за кормой и по стальному корпусу зацокали раскаленные осколки.

Поняв, что уйти от вражеского корабля на одной только скорости не удастся, лейтенант приказал идти зигзагом, переключая штурвал после каждого выстрела. В течение пяти минут ему удавалось играть со смертью и выигрывать, уходя от редких прицельных выстрелов. Они даже сумели заставить противника отвернуть, выпустив на одном из отворотов самоходную мину из поворотного аппарата. Вот только у всего имеется как начало, так и конец. Везение же экипажа миноносца N7 закончилось, когда до своих оставалось не более двух миль. 120-мм снаряд угодил прямо в трубу и рассыпавшись сотнями небольших осколков, снес с палубы всех, кто находился на мостике и у опустевшего минного аппарата. Чудом уцелели только комендоры, да и те большей частью оказались ранены.

Неуправляемый миноносец, теряющий из-за разбитой трубы скорость, вскоре получил еще одно попадание и перевернувшись через правый борт, меньше чем за минуту ушел на дно, утянув за собой весь экипаж. Может кто из находившихся на верхней палубе и мог бы спастись, но взорвавшийся котел, буквально разорвавший небольшой кораблик на куски, не оставил им ни малейшего шанса.

— Песец вам, крысята! — буквально прорычал прильнувший к амбразуре боевой рубки Иван, — Топи их, Виктор Христофорович! Всех на дно!

— Не извольте беспокоиться, Иван Иванович. Свою работу мы знаем туго.

Наблюдавшие за гибелью собрата офицеры и матросы оставшихся близ пароходов миноносцев тут же устремили взгляды на своего флагмана в ожидании приказа. С одной стороны, лезть днем на небольшом и небронированном миноносце на крейсер было чистой формы самоубийством, с другой стороны, имея за спиной транспорт набитый минами и прочими припасами, отступить они не имели права, тем более что крейсер был один и небольшой, а их было девять.

Разделившиеся на два отряда оставшиеся миноносцы начали обходить небольшой минный крейсер с флангов, а с повернувшего навстречу неприятеля "Ямасиро-Мару" ударила носовая трехдюймовка. Редкий огонь носового орудия "Полярного лиса" никак не мог остановить тот вал кораблей, что устремился ему навстречу и потому Иениш отвернул корабль вправо, чтобы ввести в бой еще два орудия, а также отсрочить момент сближения с одним из отрядов. Выстроившиеся довольно кривым строем фронта миноносцы, не прерываясь ни на секунду, посылали в небольшой крейсер 37-мм снаряды, так что море по его левому борту вскипело от падающих стальных болванок.

В ответ с борта минного крейсера застучала 47-мм пушка и оба 120-мм орудия, выбравших в качестве мишени головной миноносец ближайшего отряда.

Получив в течение минуты три попадания 47-мм бронебойными снарядами, миноносец N5 не отвернул и продолжал вести свой дивизион вперед, хоть и лишился носового минного аппарата. Одни из снарядов пробил его вместе с находящейся внутри миной насквозь и остановился, лишь угодив в мостик, снеся по пути ногу наводчика одного из орудий. Небольшой миноносец стойко перенес еще два попадания малокалиберными снарядами и несчетное количество осколков от рвущихся вокруг него фугасов, пока не исчез в яркой вспышке. Очередной 120-мм фугас угодил точно в уже поврежденный минный аппарат и

вызвал детонацию находившейся в нем мины. Носовая часть небольшого корабля буквально испарилась, а его корма мгновенно нырнула под воду, мелькнув напоследок все еще вращающимся винтом. Миноносец ушел под воду за считанные секунды. Вместе с ним погиб и командир 2-го отряда миноносцев. В любой другой ситуации потеря командира еще могла повлиять на ход событий, но здесь и сейчас командиры миноносцев видели врага прямо перед собой и продолжали гнать своих стальных морских коней вперед, не считаясь с потерями.

Тем временем на борту "Полярного лиса" матерящиеся себе под нос свободные от вахты матросы, спустившись под бронепалубу, вслушивались в звон и скрежет над своими головами, сопровождавшими каждое попадание небольшого снаряда в минный крейсер. "Полярный лис" уже успел обзавестись не менее чем полутора десятками аккуратных пробоин в своем высоком борте, но к счастью, как корабля, так и всей команды, еще ни один 76-мм снаряд, способный пройти сквозь его тонкую бронепалубу, как раскаленный нож сквозь масло, не попал в цель, не смотря на бешеную скорострельность демонстрируемую артиллеристами вспомогательного крейсера.

Удовлетворившись уничтожением еще одного миноносца, Иениш вновь изменил курс, направляя корабль на север, так что продолжать вести бой могло только одно кормовое орудие, но зато теперь выходявшие в минную атаку миноносцы, оказавшиеся на дистанции в 5-10 кабельтовых лишились возможности применить свое главное оружие, но при этом продолжили представлять из себя идеальные мишени. К тому же с каждой секундой они все больше удалялись от вспомогательного крейсера, чья трехдюймовка изрядно нервировала Иениша.

За следующие пять минут матросский кубрик в ютовой надстройке и кают-компания превратились в развалины, будучи разбитыми десятками угодивших в корму небольших снарядов, а японцы потеряли еще один миноносец и готовы были расстаться с четвертым, потерявшим управление после того, как 120-мм фугас подчистую снес мостик вместе 37-мм орудием правого борта.

Подивившись прыти небольшого крейсера и осознав, что догнать его невозможно, командир 3-го отряда, приняв командование над шестью оставшимися миноносцами, приказал отвернуть обратно к своему кораблю-базе, чтобы уже совместными усилиями противостоять опознанному минному крейсеру русских. Тот наглядно смог продемонстрировать, что дневная атака миноносцев на сохранивший ход и вооружение корабль является изощренной и дорогой формой самоубийства.

Имейся на "Полярном лисе" полный боезапас, Иениш не замедлил бы с преследованием и уничтожением миноносцев вместе с вспомогательным крейсером, обстреляв и потопив последний с безопасной дистанции. Вот только 135 оставшихся на борту снарядов диктовали необходимость абсолютно противоположных действий, не смотря на два прилетевших трехдюймовых подарка заставивших считаться с тем, кого и за противника то принимать не хотелось. Все же "Полярный лис" со своими 12 миллиметрами брони никак не тянул на звание бронепалубного крейсера, что и доказали два пробивших бронепалубу снаряда. Первый разворотил угольную яму и зарылся в угле, второй пробил корабль насквозь и упокоился в море, повредив по пути вентилятор системы забора воздуха носовой кочегарки, не считая переборок.

Вновь лезть под снаряды способные вывести минный крейсер из строя посреди моря контролируемого японцами Иениш совершенно не хотел, но и упускать столь удачно

попавшегося на пути противника небольшое зеленое земноводное поселившееся в душе капитана 1-го ранга не желало. Здравый разум сошелся в смертельной схватке с коммерческими интересами и получив пару увесистых оплеух, благоразумно отступил, позволив, наконец, капитану сделать выбор. Все же тот факт что не каждый миноносец тонул после первого попадания 120-мм снарядом, но при этом гарантированно терял ход подвигло его к мысли, что с этих небольших кораблей можно было бы снять много чего интересного, что хоть как-то могло компенсировать будущие затраты на ремонт.

— Идем на сближение с японцами. Отвернуть на одиннадцать румбов вправо. Постараемся держать их под обстрелом всех орудий, способных вести огонь на правый борт. Как нагоним, окажемся на дистанции кабельтов в пятнадцать — двадцать, там уже будем смотреть, что к чему. Всем орудиям сосредоточить огонь на вспомогательном крейсере противника. На миноносцы отвлекаться только если они подойдут на десять кабельтов. — отдав распоряжения и убедившись, что все исполняется четко и без лишнего нервного напряжения, Иениш вновь поднял к глазам бинокль и принялся наблюдать за фонтанами начавшими вскоре вставать вокруг парохода.

Дистанция, конечно, была великовата для ведения точной стрельбы из имевшихся орудий, да и угол обстрела являлся далеким от оптимального, из-за чего для каждого нового выстрела приходилось вносить многочисленные поправки, но уже через полторы минуты снаряды начали падать вокруг намеченной цели, и теперь дело было за законом больших чисел. Чем больше снарядов они вываливали в единицу времени на вспомогательный крейсер, тем больше была вероятность его поражения.

Японцы тоже не сидели сложа руки и активно обстреливали минный крейсер из кормовой трехдюймовки. С их стороны это было единственное орудие способное прицельно послать снаряд на такую дистанцию, но, даже развив небывалую скорострельность, японские артиллеристы не могли похвастать даже посредственным результатом. Снаряды ложились в кабельтове, а то и двух от "Полярного лиса", показывая, что на подготовке артиллеристов вспомогательного крейсера японцы явно сэкономили.

Первое попадание случилось лишь на шестой минуте возобновившегося боя. 120-мм фугас разнес спасательную шлюпку, организовав небольшой пожар на борту "Ямасиро-Мару" и обеспечив корабельному врачу пациентов из состава расчета стоявшей поблизости 37-мм пушки. Второго попадания удалось добиться лишь через две минуты и десятка выпущенных впустую снарядов. Вот только для судна водоизмещением в 3700 тонн даже десяток подобных снарядов не являлись смертельно опасной проблемой, а судя по статистике, имевшиеся на борту снаряды должны были закончиться куда раньше.

Прорывав что-то невразумительное, Иениш приказал принять на девять румбов вправо, чтобы не только начать сближение с противником, но и сделать ему кроссинг Т с кормы. За двенадцать ушедших на сближение минут "Полярный лис" получил таки еще два попадания 76-мм снарядами, но и сам добился еще четырех попаданий, отчего в центральной части вспомогательного крейсера разгорался неслабый пожар. Вражеские миноносцы, развернувшись на 180 градусов, вновь предприняли попытку атаки наглого рейдера, и Иениш даже успел дать команду перенести огонь на этих небольших наглецов, как последний выпущенный по пароходу носовым орудием снаряд продрался через раскореженный одним из своим предыдущих товарищей люк трюма и разорвался среди сложенных в нем боеприпасов. Над "Ямасиро-Мару" тут же поднялся огромный столб пламени, а буквально через секунду немаленький пароход исчез в огромной вспышке, сопровождавшейся

неслабым грохотом и ударной волной, не говоря уже о дыме и копоти. Десятки сдетонировавших самоходных мин разорвали его на тысячи мелких кусочков. Именно этот золотой выстрел подписал смертный приговор миноносцам, оказавшимся слишком близко от идущего на полных порах минного крейсера.

Ни убежать, ни отбиться от выжавшего из своих машин 18,3 узла "Полярного лиса" у группы оставшихся миноносцев не было ни малейшего шанса, что и подтвердила храбрая, но безумная и бездумная попытка атаки, в которой еще один миноносец отправился на морское дно, а второй, активно паря пробитым котлом, закачался на волнах, полностью потеряв ход. Командиры оставшихся четырех миноносцев приняли самое верное решение — разделившись, они начали разбегаться в разные стороны, давая шанс скрыться хоть кому-нибудь из них, и двоим даже удалось добраться до своих к концу этого безумного дня, но еще двое пополнили список потерь, канув в морской пучине вслед за своими собратьями.

Убедившись, что догнать ни одного из оставшейся пары миноносцев им не удастся, Иениш вернул корабль к ближайшему дрейфующему подранку. Встав у того по корме и взяв на прицел всех орудий, способных вести огонь на правый борт, с минного крейсера спустили оба катера и призовые партии на веслах пошли к раскачивающемуся на волнах миноносцу. Не смотря на хорошо заметные повреждения, весь экипаж миноносца погибнуть никак не мог и потому приближались к нему с большой осторожностью и не перекрывая сектора обстрела орудиям крейсера.

Из семи выживших членов экипажа миноносца двое оказались серьезно ошпарены, а на оставшихся пятерых из всего вооружения сохранился только один револьвер, да и тот упал в воду вместе с телом храбреца выскочившего на верхнюю палубу и попытавшегося открыть огонь по приближающимся лодкам. Дружный залп из более чем десятка стволов просто снес японца за борт. Более оказать сопротивление никто не пытался.

Быстро осмотрев миноносец и убедившись, что без замены котла самостоятельно ему уже не бегать, команда минного крейсера весьма быстро закрепила на нем буксироваочный трос и на десяти узлах получившаяся сцепка отправилась отлавливать второго подранка. В отличие от своего собрата, второй миноносец сохранил котел в целости и сохранности, но гибель практически всего экипажа, за исключением кочегаров и полностью разбитое рулевое управление не позволили ему скрыться от вернувшегося с охоты хищника. Пятерка уцелевших японцев попыталась было затопить свой корабль, но вовремя поднявшаяся на борт призовая партия смогла отстоять свой трофей у моря, естественно, не без помощи водоотливных средств подошедшего вскоре вплотную крейсера.

Чтобы зазря не рисковать доставшимися с таким великим трудом и напряжением трофеями, с них прямо в море демонтировали все вооружение. Причем одну мину с хрипами и матюгами смогли зарядить в свободный носовой аппарат "Полярного лиса", благо калибр мин был тем же, и по длине она вполне умещалась в минном аппарате.

Допросив пленных, удалось узнать разве что название уничтоженного судна, да имена взятых в плен моряков. Рассказывать что-либо более этого они отказались, и, было похоже, приготовились к неизбежной смерти. Поняв, что ничего от них больше не добиться, Иениш приказал посадить всех под замок и отправился на поиски Протопопова, что занимался организацией ремонтных работ и подсчетом ущерба. То, что в "Полярный лис" угодило более шести десятков снарядов, он и так знал, но хотелось быть уверенным, что кроме дыр в бортах эти стальные болванки более ничего не добились. Заодно следовало проверить раненых — два матроса схлопотали таки осколки и отдыхали после проведенных операций.

Вскоре же требовалось приступить к куда более горькому делу — прощанию с погибшим. Один из артиллеристов кормового орудия был убит наповал попавшим в него бронебойным 37 мм снарядом.

Закончив с церемонией прощания, Иениш повел образовавшийся караван обратно в Люйшунькоу. Пробный выход так и не принес ни копейки, зато обеспечил очередными тратами на ремонт.

Не прошло и часа как сигнальщики обнаружили дымы по левому борту. Не смотря на имевшиеся повреждения и буксируемые миноносцы, "Полярный лис" полностью сохранил свою боеспособность и потому Иениш не колебался, направляя свой корабль навстречу неизвестным. Конечно, можно было нарваться на одного из немногих японских ходоков, способных догнать его корабль, но он предполагал, что большая часть современных крейсеров будет выделена японцами для охраны места высадки, да патрулирования вблизи Люйшунькоу.

Спустя полтора часа Иениш опустил бинокль и переглянувшись с Протопоповым, тяжело вздохнул. С одной стороны, им невероятно повезло — в четырех милях по левому борту шла кильватерная колонна из восьми пароходов и то что шли они загруженные под завязку не вызывало сомнений. Захват одного этого конвоя мог дать столько средств, что начинала кружиться голова. С другой стороны, японцы не были дураками, чтобы отпускать столь лакомый кусок без охраны. Два парусно-винтовых корвета следовали по флангам кильватерной колонны и всем своим видом показывали, что на халаву рассчитывать не стоит.

— Везет нам на эти корветы. — грустно усмехнулся Иениш. — Как ни выйдем на дело, так вечно с ними встречаемся. И когда они уже у японцев закончатся?

— Если сможем разобраться с этими, то скоро. — хмыкнул в ответ Протопопов. — Всего то пара штук и останется.

— Дело за малым — разобраться с этими. — пробормотал Иениш. — А ведь у нас снарядов осталось с гулькин нос. Да и корветы эти побольше будут. Справимся ли, Николай Николаевич?

— Во всяком случае, мы должны попытаться. Транспорты растянулись почти на две мили. Если даже не удастся разобраться с корветами, хоть один транспорт мы точно сможем достать, а то и отбить.

— Да, если не попробуем, не узнаем. Вот только на сей раз в артиллерийскую дуэль мы лезть не будем. Зря что ли у нас МИННЫЙ крейсер! Дождемся ночи и попытаемся выйти и минную атаку. Колонна у них большая, идти без огней поостерегутся, чтобы не протаранить друг друга. А темнеет сейчас рано. Так что до места высадки дойдут уже только глубокой ночью. — подумав немного, он добавил, — Или не дойдут.

— А что будем делать с миноносцами?

— Миноносцы придется временно оставить без буксира. Ну да ничего, по одному функционирующему котлу и рулевому управлению в их сцепке имеется. Так что в случае чего смогут доковылять до ближайшего берега. А коли нам повезет, вернемся за ними, да еще и с прибытком.

— Боюсь, Виктор Христофорович, что на все задуманное у нас банально не хватит людей.

— Хватит, Николай Николаевич. В притык, но хватит.

В течение всего дня "Полярный лис" держался в 35–40 кабельтов справа от японского

конвоя, не приближаясь, но и не удаляясь, давая командам японских корветов привыкнуть к своему постоянному присутствию. И лишь когда тьма надежно скрыла небольшой крейсер от чужих глаз, на его борту погасили все огни, отдали буксировочный трос и развернувшись на юг, крейсер начал постепенно ускоряться. На продолживших же путь миноносцах ходовые огни наоборот зажгли, чтобы не спугнуть противника раньше времени. Иениш принял решение атаковать тот корабль, что шел по левому траверзу конвоя, для чего и держался весь день справа, чтобы если кто и ожидал нападения, то именно с этой стороны.

Естественно, на японских кораблях и судах имелось немало наблюдателей до рези в глазах вглядывавшихся в море, дабы вовремя разглядеть опасность. И сопровождавший их в течение всего дня караван боевых кораблей изрядно нервировал как капитанов гражданских судов, так и офицеров японского флота. Но погасить, подобно "Полярному лису", все огни и резко изменить курс — означало повысить вероятность столкновения, ведь суда шли довольно близко. Не гасить огни — означало выдавать свое местоположение китайскому рейдеру с русским экипажем, который уже успел прославиться в японском флоте как гроза корветов и транспортов. Да еще следовавший за ним миноносец навевал на совсем уж дурные мысли.

Будь в охране один из новейших крейсеров или авизо и тогда можно было бы включить прожекторы и получить хоть какой-то шанс вовремя разглядеть летящую над самой водой тень небольшого миноносца, вот только на малоценные композитные корветы ставить недешевые прожекторы, при том что бюджет страны и так трещал по швам и держался исключительно на кредитах, никто не решился. В результате, оставалось надеяться лишь на удачу да зоркость матросов.

Более часа напряженного вглядывания в темноту утомят кого угодно. Те, у кого глаза не слипались от усталости, раз за разом терли их кулаками, чтобы избавиться от рези, а врага все не было. Меж тем "Полярный лис" обошел конвой с кормы и отбежав от него на пару миль, обогнал по левому борту, после чего пошел на сближение. Хоть японский корвет, охранявший транспорты с этой стороны, невозможно было отличить от транспортов по одним лишь ходовым огням, его дневное местоположение в ордере запомнили хорошо и надеялись, что дабы не повышать опасность столкновения, капитан корвета не рискнет сильно менять его, а уж на подходе можно было бы включить оба прожектора, чтобы найти затерявшийся среди транспортов небольшой корвет, благо оба прожектора могли светить прямо по курсу.

Заскрежетала цепь и над таранным форштевнем минного крейсера начал подниматься клювообразный люк, прикрывавший оба носовых минных аппарата. Чтобы не испытывать судьбу, Иениш принял решение выпустить в противника обе мины, благо трофеи снятые с японских миноносцев позволяли восполнить подобные траты. Все же минное оружие было слишком капризным и непредсказуемым, а рисковать своим кораблем и командой зазря он не желал. Когда до колонны транспортов осталось всего четыре кабельтовых, на крыльях мостика минного крейсера вспыхнули два прожектора и тут же принялись шарить по видимым прямо по курсу огням, выискивая японский корабль.

Корвет обнаружился довольно скоро. Если днем он шел в промежутке между третьим и четвертым судами конвоя, то теперь находился между четвертым и пятым. Чтобы отвлечь противника от ожиданий минной атаки, с борта "Полярного лиса" тут же ударили все орудия, способные достать до оказавшегося в пяти кабельтов противника, а минный офицер крейсера принялся лихорадочно рассчитывать курс для минной стрельбы.

Обе мины были выпущены с расстояния чуть меньше трех кабельтов, после чего на "Полярном лисе" выключили прожекторы, и небольшой корабль из-за резкого переложения руля начал крениться на правый борт. Иениш собирался пройти сквозь кильватерную колонну японцев между третьим и четвертым в колонне транспортами и атаковать артиллерийским огнем второй корвет, благо тот мог вести огонь только на борт. Вот только сперва следовало дожидаться результата минной атаки. В случае если ни одна из мин не достигла бы цели, связываться со вторым корветом не было бы никакого смысла. Потому то все кроме подготовившихся к открытию огня артиллеристов, напряженно вслушивались, жадно ловя каждый звук.

И все же капитан рейдера смог обмануть всех и нанести удар первым. Как матросы ни всматривались в темноту, обнаружить противника до того как на нем зажглись два ярких прожектора, никому не удалось, при том, что подобрался он весьма близко. Имейся на борту "Катсураги" носовое орудие, возможно, они успели бы нанести противнику какой-либо урон. Но единственным, что могло вести огонь по выскочившему из темноты рейдеру под таким углом оказалось небольшое четырехствольное орудие Норденфельда чьи снаряды вряд ли могли нанести серьезный урон кораблю подобных размеров. Тем не менее, огонь был тут же открыт, но на фоне пяти 120-мм фугасов и десятка 47-мм снарядов, выпущенных с борта минного крейсера, три десятка дюймовых снарядов выпущенных в ответ смотрелись откровенно жалко. Один из пяти выпущенных противником 120-мм снарядов угодил в борт и проделав в деревянной обшивке немалое отверстие, вызвал пожар на нижней палубе, а пара 47 мм болванок завязли в угольной яме, чудом не влетев в машинное отделение, после чего противник погасил огни и вновь исчез из вида. Все понимали, что он там, впереди, но сделать что-либо не могли. Единственное решение, которое успел принять командир "Катсураги" — увеличить ход, чтобы нагнать идущие впереди транспорты, оставшиеся один на один с вражеским рейдером. А через пол минуты палуба под его ногами подпрыгнула так, что в себя он пришел, уже находясь в воде в окружении многочисленных обломков. Одна из выпущенных мин ударила 60-тиметровый корабль прямо по центру и тот, очень быстро набрав воды, лег на борт.

В тот же миг как небо озарила вспышка, а над морем разнесся рокот сильного взрыва, прожектор находившийся на правом крыле мостика минного крейсера вновь вспыхнул мощностью десятков тысяч свечей и уже через пять секунд слепящий луч уперся в нос второго корвета, до которого было чуть более двух кабельтов. Тут же ударили все орудия и носовая часть "Мусаси" брызнула в стороны кучей обломков. Чтобы не быть протаранным, Иениш приказал не снижать скорость, но к тому моменту как "Полярный лис" оказался в секторе обстрела бортовых орудий японского корвета, тот уже агонизировал. Семнадцать поразивших его носовую часть 120-мм снарядов не оставили небольшому кораблю ни малейшего шанса. В одну сплошную огромную пробоину образовавшуюся на месте его носа принялся хлестать неудержимый поток воды, сметая все на своем пути и весьма легко проникая во все новые отсеки через не задраенные люки водонепроницаемых переборок. В результате корабль столь сильно сел носом за какие-то три минуты, что вода начала заливать в открытые орудийные порты, а затем над поверхностью поднялся огромный фонтан воды — это взорвались котлы агонизирующего корабля. Разорванный на две части он мгновенно скрылся под водой, оставив на поверхности лишь многочисленные деревянные обломки да тела погибших моряков.

— Гениально! — прервал Протопопов воцарившееся на мостике после неимоверно быстрой победы молчание, — Виктор Христофорович, это гениально! Других слов у меня нет, и не будет!

— Благодарю, Николай Николаевич. Но по большей части это заслуга наших артиллеристов и минной команды. Вот кто настоящие герои!

— Несомненно, Виктор Христофорович. — кивнул капитан 2-го ранга, — Но без грамотного командира ни один матрос не смог бы добиться подобных успехов. А потому повторяю — это было гениально!

После скоротечной гибели охранения на японских пароходах принялись один за другим гасить огни, а сами суда расползаться в разные стороны. В результате, не смотря на активное метание и использование прожекторов, захватить удалось только три транспорта. Еще троим удалось скрыться, а двое отправились на морское дно — с их бортов при попытке сблизиться начинался вести столь плотный ружейный огонь, что посылать на его захват своих людей Иениш не рискнул.

Результат разгрома конвоя оказался столь внушительным, что получивший выволочку лично от императора адмирал флота граф Ито Сукэюки приказал создать отдельный отряд самых быстроходных кораблей флота для охоты за столь сильно попортившим кровь как флоту так и армии минным крейсером. Но это было после, а пока "Полярный лис", отыскав оставленные ранее миноносцы, принялся конвоировать захваченные суда в Вэйхайвэй, поскольку Иениш прекрасно понимал, что после подобной оплеухи японский флот не позволит ему уйти из Люйшунькоу, вернись он туда для ремонта. К тому же именно в Вэйхайвэе находился весь Бэйянский флот и потому следующий раунд этой войны, несомненно, должен был начаться именно там. Да и груз захваченных судов виделось возможным пристроить именно там без каких-либо проблем. Три десятка пушек и осадных орудий калибром в 90-мм, 120-мм и 150-мм и тысячи снарядов к ним могли неслабо повысить огневую мощь собравшихся в Вэйхайвэе войск и устроенных в нем фортов.

Вот только даже захват этих трех судов не обошелся без применения силы. С бортов всех троих при приближении крейсера открывался редкий ружейный огонь, который подавлялся стрельбой из 47-мм пушки, и лишь после этого на суда подымалась призовая партия. В отличие от длинных винтовок, которые с примкнутым штыком оказывались выше японских солдат, револьверы и ружья в условиях абордажа оказались куда более применимыми и пару неугомонных стрелков, что еще не побросали оружие на палубу, удалось ликвидировать довольно быстро. Сработала и очередная задумка Ивана, вылившаяся еще в Санкт-Петербурге в изготовление бронекирас. Неказистая с виду и тяжеленная, прикрывавшая только грудь 6-мм бронеплита, которую всюю костерили вынужденные надевать ее первые номера боевых пятерок, хоть и прогнулась в месте попадания тупоголовой 8-мм винтовочной пули, обеспечив матросу перелом пары ребер и серьезный ушиб легкого, все же спасла его жизнь, наглядно показав, что все мучения во время многочисленных тренировок не прошли впустую.

Большая часть расчетов захваченных орудий погибла на одном из потопленных транспортов, поскольку грузовые пароходы, не имея пассажирских кают, могли принять на борт не более десятка солдат, которые сопровождали бы столь ценный груз. Оттого и стрельба с этих судов велась весьма редкая. По этой же причине ни одно из судов не было взорвано сопровождающими орудия офицерами — все они погибали еще во время

перестрелки.

Силуэт "Полярного лиса" в Вэйхайвэе знали уже хорошо, оттого со входом на внутренний рейд не возникло особых задержек. Боновые заграждения были отбуксированы в сторону, а пришедший на паровом катере лоцман провел конвой через минные поля.

Оказавшись под прикрытием многочисленных фортов и всего Бэйянского флота, Иениш смог, наконец, позволить себе расслабиться, поскольку в течение всего пути до китайской военно-морской базы серьезно опасался наткнуться на японские крейсера. Но за те сутки, что понадобились на переход, им так никто и не повстречался, кроме нескольких рыбацких джонок на подходе к Вэйхайвэю, так что все переживания и непрерывное бдение оказались напрасными.

Стоило минному крейсеру встать на якорь, как к его борту вновь подвалил паровой катер и Иениша пригласили на беседу к адмиралу Дину. По всей видимости, японцы уже перерезали телеграфное сообщение с Люйшунью, и потому получать свежие новости об их продвижении было неоткуда.

— Здравия желаю, господин адмирал. — отдал честь Иениш, стоило ему оказаться в адмиральской каюте на "Диньюане".

— Здравствуйте, господин Иениш. — слегка поклонился в ответ адмирал и указав на кресло, предложил присаживаться. — Как я смог воочию убедиться, вы вновь смогли дать японскому флоту по носу и увести у него целых три парохода. Я уже не говорю о двух миноносцах! Не поведаете, где и при каких обстоятельствах вам вновь улыбнулась удача? А также как сейчас обстоят дела в Люйшунью?

— Конечно, господин адмирал. — кивнул Иениш. — Скажу сразу, что еще четыре дня назад, когда мы покинули Люйшунью, японцы не подошли даже к Даляньваню, потому до штурма Люйшунью еще далеко, но то, что он, несомненно, произойдет — это факт. По данным полученным от членов экипажей захваченных нами судов, японцы создали транспортный флот из полусотни крупных пароходов, который под охраной кораблей их флота перебрасывает свежую армию на Ляодунский полуостров. Эти три транспорта как раз были из состава этой флотилии...

Беседа продлившаяся полтора часа окончилась экскурсией по трофейным судам и демонстрацией десятков захваченных орудий, от вида которых у цинских офицеров едва не закапали слюни. Во всяком случае, блеск в глазах у них был хорошо замечен даже в темноте судовых трюмов. Побитые же миноносцы не вызвали особой реакции по причине их посредственного состояния и малой боевой ценности.

Два последующих дня прошли в многочасовых жесточайших торгах, в течение которых обе заинтересованные стороны шаг за шагом приближались к взаимоприемлемому решению. В конечном итоге за два миноносца, возвращенные на бывшую "Акаги" орудия Армстронга, двадцать шесть орудий и большую часть боеприпасов выгруженных с приведенных трофеев, Иениш по решению суда получал в свою собственность все три захваченных судна, а также к нему переходил самый крупный из оказавшихся в Вэйхайвэе китайских пароходов "Лиуюн". Себе Иениш после согласования с Иваном оставил четыре 120 мм пушки Круппа, которые планировалось использовать в дальнейшей работе их частной охранной компании. Также Иениш выбил для своего корабля право первоочередного ремонта и как только стороны ударили по рукам "Полярный лис" встал у пирса судоремонтного завода.

Оставаться в Вэйхайвэе он не собирался. Во-первых, это никак не могло способствовать улучшению материального положения как его самого, так и его экипажа, а во-вторых,

ознакомившись с делами на китайской эскадре, он понял, что японцы уже выиграли. О каких-либо наступательных операциях китайскому флоту нечего было и мечтать, поскольку еще одного сражения подобно тому, что произошло у реки Ялу, Бэйянский флот не выдержал бы. Он мог бы громко хлопнуть напоследок дверью, но и только. Поврежденные механизмы и неполный боекомплект, пополнить который было неоткуда, не оставляли китайскому флоту ни малейшего шанса, тем более что единственная военно-морская база, которая могла бы провести ремонт пострадавших после очередного боя кораблей, была этим самым флотом оставлена без боя. Можно сказать — брошена на произвол судьбы, поскольку без прикрытия со стороны флота войска оставшиеся в Люйшунью вряд ли могли сдержать японцев.

21-го ноября японцы взяли штурмом укрепления Люйшунью, а 22-го полностью захватили как крепость, так и город. Еще задолго до того как крепость пала, в ней началось повсеместное мародерство. Большая часть командного состава, прирав к рукам все более-менее ценное, что удалось загрузить на лошадей, сбежала из обреченной крепости еще до подхода японцев к укреплениям Люйшунью. Оставшиеся же без начальства солдаты и ополченцы, недолго думая, принялись растаскивать то, что не смогли прибрать к рукам офицеры. Но все это оказалось сущей мелочью по сравнению с тем, что устроили японские войска. Неизвестно что стало причиной, но ворвавшиеся в город отряды японцев принялись убивать всех подряд, так что к моменту, когда бойня завершилась, десятки тысяч китайцев были застрелены, заколоты или забиты насмерть — практически все население города. В живых осталось лишь несколько десятков человек.

К этому времени отремонтированный "Полярный лис" следовал на буксире захваченного ранее угольщика к островам Бонин, где можно было в относительно комфортных условиях и не привлекая к себе чьего-либо внимания, за исключением местных жителей, переждать зимние штормы, действовать в которые столь небольшому кораблю виделось чрезвычайно опасным. А пока суда неспешно скользили по морской глади, в капитанской каюте минного крейсера три компаньона с благоговением подсчитывали полученные за последние четыре парохода барыши.

Поскольку все четыре судна уже были признаны их собственностью, и делиться с многочисленными цинскими чиновниками не имело смысла, господин Ван за десятую часть, пошедшую в его личный карман, смог пристроить трофеи едва ли не в мгновение ока. Заодно удалось стянуть часть предыдущего долга, правда, согласившись отдать тому же Вану четвертую часть на многочисленные взятки. Патологических жаден среди цинских чиновников было немало, а вот дураков не водилось вообще, потому, видя, что страна проигрывает войну, все они стремились урвать кусок-другой, до того как все покатиться в тартарары.

Более двух миллионов пятидесяти тысяч рублей, если переводить на русские деньги, легло в их карман с начала рейдерства и немалая часть этих средств всем своим видом сейчас ласкала взор собравшихся в кают-компании компаньонов. И пусть порядка двух сотен тысяч надо было выплатить экипажу, а оставшиеся деньги поделить на три части, итоговая сумма была более чем внушительной. К тому же не следовало забывать о двух трофейных судах, что перешли во владение судовой компании Иениша и самом минном крейсере, представлявшим весьма немалую ценность. Да и война еще далеко не закончилась, так что после непродолжительной зимовки, имелся шанс пощипать японский торговый флот еще раз-другой.

Хлопок дверью.

Забутые Богом земли или уголок первозданного рая — кому как больше нравится, так можно было охарактеризовать архипелаг Бонин раскинувшийся на десятки тысяч квадратных километров и состоящий из 40 островов. Все эти земли японцы закрепили за собой еще в 1875 году, но активно заселять или развивать их каким-либо образом не стремились в виду полной экономической нецелесообразности. Слишком далеко эти острова отстояли как от метрополии, так и от налаженных торговых путей, да и предложить кроме продукции сельского хозяйства ничего не могли. Потому и заглядывал сюда японский правительственный пароход не чаще чем раз в пол года, чтобы доставить "свежие" новости, очередную партию переселенцев, ряд вещей и инструментов, что невозможно было изготовить на островах, но в которых нуждались несколько тысяч уже осевших здесь бывших жителей Иокогамы и Токио, да забрать по грабительским ценам накопленное для продажи продовольствие. Также с недавних пор сюда вновь начали заглядывали американские и английские шхуны промышлявшие браконьерством у русских дальневосточных берегов, являвшиеся источником основной части денег для местных жителей. С их приходом цены на все товары и услуги взлетали в разы и за то время, что шхуны стояли в заливе, ожидая подхода своих коллег, предприимчивые японцы старались вытянуть из карманов моряков все серебро до последней монетки, не говоря уже о золоте. Впрочем, эти тоже появлялись сезонно, потому к приходу "Полярного лиса" и "Корсаковского поста" в весьма удобной гавани острова Хахаджима, стояла на якоре лишь одинокая "Находка" пришедшая сюда парой месяцев раньше. Вообще, тот факт, что все три корабля вполне удачно добрались до этого острова, не сев по пути на мель или не напоровшись на рифы, являлось чем-то из разряда фантастики, поскольку всеми этими неприятными для любого судна сюрпризами весь архипелаг был буквально усеян.

Сказать, что долгожданная встреча разделенной на время команды прошла в радостной дружественной обстановке, значило не сказать ничего. С позволения командования купленная у местного населения выпивка полилась рекой, а свежайшее мясо вкупе с овощами и фруктами с превеликим удовольствием употреблялись моряками и как закуска и просто в качестве еды. Консервы, солонина и крупы уже настолько осточертели морякам, что один вид свежих продуктов вызывал активное слюноотделение и желание забить всем этим великолепием свой желудок до отказа.

По той простой причине, что последний раз какое-либо судно, не считая "Находки", посещало эти места еще до начала Японо-Китайской войны, местные ничего не знали о творившемся противостоянии, потому с большим энтузиазмом приняли вести о прибытии еще двух кораблей, один из которых ходил под цинским военно-морским флагом.

— Красота-а-а-а! — протянул неимоверно довольный жизнью Иван и перевернулся на живот. Уже месяц они провели на Сент-Джонсе, как именовался этот остров у всех кроме японцев, занимаясь исключительно отдыхом. Правда, уже через пару недель большинству моряков приелись как прогулки по поражающему воображение своими контрастными пейзажами острову, так и охота с рыбалкой, потому, во избежание ненужных эксцессов, Иениш загнал всех кто принялся уделять излишнее внимание как бутылке, так и местным красоткам в стальные сердца кораблей с наказом вычистить все до зеркального блеска. — Виктор Христофорович, не напомните мне, когда мы намереваемся покинуть этот земной

рай?

— Через четыре дня, Иван Иванович. — приподняв широкополую шляпу, под которой было столь сладко дремать на свежем воздухе, откликнулся из-под соседнего навеса Иениш. — У нас осталось всего два месяца до завершения контракта с Цинской империей и надо использовать данное время на полную. Когда еще представится возможность пополнить практически за бесплатно свой собственный флот новыми трофеями? Да и не показывались мы более нигде весьма длительное время, так что смею надеяться, что японцы слегка притупили свою бдительность и нам не встретятся в грядущем выходе их боевые корабли.

— Дай то Бог! — сонно отозвался Иван. — Если раньше у меня имелись всякие возвышенные романтические ожидания о схватках с вражескими кораблями и захватах набитых сокровищами судов, то теперь я четко осознаю, насколько бредовыми они являлись. Такая жизнь точно не для меня, Виктор Христофорович. Я не рожден, чтобы стоять под градом вражеских снарядов на мостике своего корабля. Это факт. Мое место — скромный офис откуда можно раздавать указания и закинув ноги на стол, ожидать их скорейшего выполнения многочисленными расторопными подчиненными, попивая при этом ароматный кофе. И в связи с этим у меня имеется определенное предложение. Может отпустите меня под присмотром наиболее головастых и хватких моряков из экипажа "Полярного лиса"?

— Это куда же прикажете мне вас отпустить? — немало удивился Иениш.

— Честно говоря, я и сам еще не решил. С одной стороны, имеется Трансвааль — самый богатый на золото регион в мире. Но там уже десять лет как ведут разработки все кому не лень, и я сильно сомневаюсь, что нам может достаться хоть что-нибудь. С другой стороны, имеется Клондайк — золото в котором пока еще никто не нашел. Но по запасам этого самого золота их в принципе нельзя сравнивать. Клондайк и рядом не стоял с Трансваалем. Вот я и размышляю, что же лучше — синица в руках или журавль в небе.

— Так зачем мучаться? Вот закончится контракт с Цинской империей, снарядим две экспедиции.

— Что-то я сильно сомневаюсь, Виктор Христофорович, что нам хватит сил и людей на две экспедиции. Кому-то ведь еще надо будет задержаться на нашем Дальнем Востоке. Да и немало людей захотят вернуться обратно домой. А это все время. Время которе мы теряем и ресурсы, которых у нас пока нет. Вам, Виктор Христофорович, кажется все привычным, но для меня столь медленная жизнь и информационный голод превратились, наверное, в самое жуткое испытание. — осмотревшись вокруг и удостоверившись, что никто не может подслушать, Иван поднялся с расстеленного на песке пледа и перенес его под навес своего компаньона, уселся рядом с Иенишем. — Там, в нашем времени, благодаря развитию техники люди привыкли к совершенно другому ритму жизни. Вот сколько мы сюда добирались с Балтики? Восемьдесят дней! Немыслимая для моего времени трата времени! И меня буквально корежит от одной мысли, что для организации данных экспедиций нам придется потратить год, если не больше. Пока уладим все дела здесь. Пока доберемся до Балтики. Пока найдем необходимых для экспедиций людей и подготовим запасы. Пока найдем хоть какую-нибудь достоверную информацию о местах назначения. Пока доберемся до них. Это же кошмар!

— Ну, не все так уж плохо как вы себе представляете, Иван Иванович. У нас, конечно, не имеется мгновенной связи, что была повсеместно распространена в ваше время, но из того же Шанхая вполне возможно отправить телеграмму в Петербург. Отпишусь супруге,

чтобы озаботилась поисками нужных людей и вот увидите, к нашему возвращению все уже будет готово. Я бы и сам с удовольствием отправил вас прямо сейчас во Владивосток. Кто знает, что нас ждет через день или через неделю, а так хоть кто-то из посвященных в тайну уцелеет. Но раньше конца марта туда даже не стоит пытаться соваться. А к этому сроку уже все мы будем полностью свободными от всех принятых перед империей Цин обязательств.

— И что прикажете мне делать все это время? — тяжело вздохнул Иван.

— Добывайте информацию. Не знаю как вы, Иван Иванович, но ни я, ни кто-либо другой из экипажа "Полярного лиса" не имеет никакого представления о методах ловли и обработки рыбы, что приняты в этих краях. И как прикажете нам заниматься данным делом, если под рукой не имеется ни одного специалиста? Так что подберите себе кого потолковее из племянников нашего дорогого господина Цуна и пообщайтесь хотя бы с китайскими рыбаками. Кто-то же из них должен ходить к нашим берегам на промысел. Я уже не говорю о японцах и корейцах! Забирайте "Корсаковский пост" и отправляйтесь налаживать связи. А людей я вам подберу из лучших, так что не пропадете. Заодно отконвоируете очередной трофей к нашему дорогому мистеру Вану.

— Очередной трофей? — вздернул бровь Иван.

— Да. Не сегодня — завтра ожидается приход японского парохода. Перехватывать его по пути не имеет никакого смысла — мучайся потом с пассажирами и командой. А так, высадим всех здесь же. Полагаю, всевозможный инструмент, что ожидается на борту парохода, нам еще пригодится в планируемых экспедициях?

— Еще как!

— Вот и я так же думаю. Кстати, как сдадите Вану трофей, можете наведаться в Шанхай и заказать переделку судна в траулер. Ходит "Корсаковский пост" уже под русским торговым флагом, так что японцев можете не опасаться. А против китайских пиратов хватит и личного оружия, случись нападение. Плюс, можете взять с собой десяток трофейных винтовок. У японцев переделка обошлась бы дешевле, да и быстрее, но столь сильно наглеть нам точно не следует.

"Цуруга-Мару" появился в бухте на третий день и его капитан в мгновение ока превратился из истинного японца в натурального европейца, столь сильно расширились его глаза от вида развивающегося над "Полярным лисом" флага. Поскольку наблюдатели заметили японца еще задолго до его входа в гавань, уйти у старенького судна переступившего за третий десяток лет беспорочной службы от разведшего пары минного крейсера не было никакой возможности.

Узнав из доставленных газет и со слов, как членов команды, так и пассажиров, что хоть японцы и пинают китайцев на всех фронтах, война все еще продолжается, Иениш отдал приказ готовить суда к выходу. Тот факт, что почти весь японский флот занимался блокированием Бэйянского флота в Вэйхайвэе и сопровождением войсковых транспортов был ему только на руку, предоставляя возможность безнаказано пошалить у восточного побережья Японии.

За три дня, идя на 9 узлах, "Полярный лис" достиг острова Хоккайдо и лег в дрейф в 20 милях от Токийского залива. Именно сюда приходила большая часть американских судов и именно отсюда вывозились японские товары произведенные на многочисленных заводах и предприятиях префектур Канагава, Токио и Тиба. Поскольку изначально было принято решение не действовать против судов ходящих под флагами не японского флота, независимо от их груза, Иенишу пришлось изрядно погонять свой небольшой крейсер, постоянно

уклоняясь от встреч с европейскими и американскими пароходами, с любого из которых могли сообщить о неизвестном военном корабле, что, учитывая близость к Военно-Морскому арсеналу Йокосука, являвшемуся базой для учебных кораблей японского флота, могло привести к весьма нежелательной встрече. По этой же причине постоянно приходилось бегать от рыбацких джонок, толпами сновавших вблизи побережья. Лишь на следующий день им повезло заметить небольшой пароход под японским флагом. Невезунчиком оказался "Сумидагава-Мару" шедший в Нагасаки с грузом ткани. Захват судна прошел без сучка, без задоринки. Стоило прибалдевшим японским морякам разглядеть цинский флаг и направленные на их небольшое судно орудия, как они тут же подняли лапки вверх. Все же на дворе стоял январь, и отправляться купаться в неприветливо холодные воды Тихого океана ни у кого из команды японского транспорта не было никакого желания.

Сменив экипаж на десять человек с призовой партии, очередной трофеей отправился на встречу с вставшей на якорь у острова Мицуне "Находкой". С одной стороны, этот остров лежал весьма близко, чтобы не гонять крейсер на прием угля за тридевять земель, с другой стороны, он находился в стороне от торговых маршрутов и потому риск попасться кому-нибудь на глаза был минимален.

Не успел скрыть за горизонтом "Сумидагава-Мару" как Протопопов разглядел в бинокль еще один пароход появившийся со стороны Токийского залива. В отличие от предыдущей жертвы этот не собирался идти вдоль берега, а двигался прямоком на минный крейсер, отчего невозможно было определить его класс и принадлежность. Лишь через некоторое время последующее наблюдение показало, что это колесный пароход, но по какой причине он принялся удаляться от берега так и осталось тайной. Тем не менее, упускать идущие в руки деньги никто не собирался и "Полярный лис" сам двинулся навстречу японцу.

Какого же было удивление русских моряков, когда при проходе бортами на дистанции всего в кабельтов они разглядели развивающийся на корме парохода японский военноморской флаг. Едва опомнившиеся канониры начали суесться около своих орудий, как с борта японца ударил выстрел, за ним другой, третий.

Построенный как императорская яхта, "Дзингэй" пробыл в столь почетном статусе всего пять лет, после чего был передан флоту для обучения команд миноносцев. Неизвестно чем полуторатысчтонный деревянный колесный пароход походил на миноносец, тем более что минных аппаратов на него так и не смонтировали, но в списках флота он начал числиться корветом и после понесенных флотом потерь принялся совершать регулярные выходы на патрулирование восточных берегов страны. Сперва на его борту тоже долго не могли опознать идущий навстречу корабль, но налетевший ветер весьма неудачно для экипажа "Полярного лиса" развернул цинский флаг на обозрение японских моряков, так что, сложив два и два, они весьма быстро получили четыре и принялись активно суесться вокруг четырех имевшихся на борту орудий. Прекрасно зная, чем закончилась встреча с русским минным крейсером для прочих корветов японского флота и сравнив характеристики своего корабля с уже погибшими, никто из экипажа "Дзингэй" не строили больших иллюзий на свой счет. Все готовились к неизбежной смерти, поскольку ни отбиться, ни убежать от "Полярного лиса" у них не было ни единого шанса. Оставалось единственное — продать свою жизнь подороже.

Обе 57-мм пушки способные вести огонь на левый борт принялись всаживать в

небольшой русский крейсер снаряд за снарядом, стоило тому подставить борт. До того как противник ответил, японские канониры успели произвести семь точных выстрелов, а потом вести огонь стало некому. Два 120-мм снаряда прилетевших в ответ мгновенно снесли одно орудие вместе немалой частью борта и выкосили расчет второго, оставив японский корвет без половины зубов. Еще три снаряда разорвались внутри корпуса, пробив тонкий деревянный борт и уничтожив большую часть роскошной внутренней отделки, что когда-то должна была услаждать взор японского императора. Красивейшее дерево покрытое не одним слоем лака мгновенно занялось огнем, обеспечив работой десятки японских моряков.

За последующие две минуты "Дзингэй" получил еще семь попаданий, после которых о спасении корабля нечего было и мечтать. Помимо разгорающегося пожара во внутренних помещениях, огонь принялся пожирать верхнюю палубу сразу в двух местах, а врывающаяся через пробоину вода постепенно затапливала один за другим кормовые отсеки корабля. Единственной возможностью для спасения оказался остров Осима находившийся в трех милях прямо по курсу. Точнее, это был шанс спасти экипаж обреченного корабля, поскольку если не пожар, то прибрежные скалы грозили деревянному пароходу неминуемой гибелью.

Иениш, не желавший более подставлять свой корабль под вражеский огонь, отвел "Полярного лиса" на три мили от агонизирующего японца и принялся наблюдать за развитием событий. Они более чем серьезно потрепали столь неожиданного противника, так что оставалось дожидаться, когда полученные тем повреждения окончательно скажутся на живучести корвета.

За пол часа прошедших после столь скоротечного двухминутного боя невероятно упертым японцам удалось не только справиться с многочисленными пожарами, но и сдержать постепенно прибывающую через пробоины воду. Но вздохнуть с облегчением его команда смогла лишь, когда днище заметно севшего в воду корабля заскрежетало о прибрежные камни. Подводная часть обшивки тут же обзавелась новыми пробоинами увеличившими поступление воды, но вовремя стравленный из котлов пар позволил избежать их подрыва и начать операцию по спасению уцелевшей части команды.

Естественно, находясь в подобном состоянии "Дзингэй" не смог оказать какого-либо сопротивления подлетевшему с кормы минному крейсеру. Попытка же японцев с помощью ружейного огня отогнать наглый рейдер закончилась тремя выстрелами из носового 120-мм минного крейсера и разнесенной вдребезги кормой японского корабля. Вместе с частью борта и палубы разлетелась в стороны и вся веселая компания любителей пострелять. Так же один снаряд лег в воду недалеко от уже спущенной на воду шлюпки, наглядно показывая, кто в доме хозяин. Убедившись, что противник более не имеет возможности оказывать сопротивление, Иениш приказал спустить катера и готовить призовые партии.

Поскольку все старшие офицеры корабля погибли от последнего снаряда, на очередной раунд переговоров пришлось идти младшему механику как старшему из всех уцелевших. Вообще, сперва Иениш планировал добить подранка и не мучаться, но полученные в бою повреждения требовали взывания хоть какой-либо компенсации за исключением моральной и потому прежде чем топить японца, он планировал снять с него все, что плохо лежит или не прибито насмерть. Брать же в качестве трофея сам корабль уже не имело никакого смысла — слишком сильные повреждения он получил и более не представлял из себя какой-либо ценности.

Отправленный на шлюпке господин Цун, вернулся минут через пятнадцать с категорическим отказом последнего японского офицера сдавать корабль. Пожав плечами,

Иениш дал отмашку артиллеристам и как только очередной снаряд поразит и так изрядно покореженную корму, направил переговорщика теперь уже к забитым спасательным шлюпкам. Терять из-за глупой отваги молодого японца то, что он уже считал своим, Иениш не собирался.

Убедившиеся в полном превосходстве противника японские матросы кочевряжиться не стали и вернувшись на корабль, не только потушили вновь принявшийся разгораться на корме пожар, но с превеликим удовольствием помогли русским морякам в деле мародерства. Естественно, из того великолепия, что когда-то имелось на борту императорской яхты, до этих дней не дожило ничего. Те же немногие остатки былой роскоши, что не удалось убрать с борта перед передачей корабля флоту, погибли в пожаре, так что экипажу "Полярного лиса" пришлось довольствоваться лишь небольшим количеством стрелкового оружия, капитанским сейфом, да уцелевшим вооружением. Естественно, основная проблема возникла с демонтажем и перевозкой трех 57-мм пушек, но за два часа вооруженные ломami, крепким словцом и кучей почти добровольных помощников русские моряки смогли вырвать их с мясом и даже переправить на борт своего корабля вместе с тысячей снарядов. Только после полной очистки "Дзингэя" от всего ценного, японским морякам позволили переправиться на берег, а заодно забрать с собой экипаж ранее захваченного судна.

Убедившись, что все японцы находятся на берегу и получив доклад об окончании погрузки трофеев, Иениш приказал открыть огонь в район машинного отделения японца, чтобы тем не пришло в голову восстанавливать доставивший им столько неприятностей корабль. Вот только попытка артиллеристов нащупать это самое машинное отделение оказалась роковой для деревянного корабля. Пять влетевших в борт 120 мм снарядов перебили киль "Дзингэй" и разломившись на две части, он весьма споро принялся тонуть. Над водой осталась лишь надежно сидевшая на камнях носовая часть, а оторвавшаяся корма завалилась на бок и почти полностью скрылась под волнами. Прекрасно зная, что их давно заметили, и сообщение о китайском рейдере рано или поздно дойдет до японских военных, Иениш поспешил скрыться с места разыгравшейся трагедии.

И все же прежде чем уходить к Мицунэ, он решил немного пробежаться вдоль восточного побережья и сместившись на 40 миль в юго-западном направлении, повстречал флагман Морской акционерной компании Осаки — грузопассажирский пароход "Акаши-Мару". Чтобы избавиться от головной боли, в роли которых выступали полсотни пассажиров очередного трофея, он позволил команде подвести транспорт поближе к берегу и спустить шлюпки, после чего поспешил отконвоировать пароход к Мицунэ, а уже оттуда вся компания совершила тысячекилометровый переход до Сомати. Этот переход стал одним из немногих моментов, когда Иениш позволил себе пустить скупую мужскую слезу. А как ее было не пускать, глядя за тем как в топки прибрежных галош скармливают дорожный кардиф, поскольку собственных запасов топлива захваченных судов никак не хватало на столь продолжительный путь. Лишь одно грело его душу, за исключением затрофейных судов конечно, — ни один из попавших в крейсер снарядов не нанес фатальных повреждений. Пусть им снесли один из прожекторов, пусть его капитанская каюта оказалась разбита вдребезги, а кают-компания в очередной раз требовала серьезного ремонта, машины и котлы не пострадали, а в экипаже не было потерь. Лишь один матрос получил осколок в плечо, но доктор уверял, что там уже было все в порядке.

Чтобы не жечь на очередном переходе столь дорогой его сердцу кардиф, Иениш с Протопоповым решили наведаться в район Нагасаки. В городе, который постепенно

становился одним из центров японского сталелитейного производства, непременно должны были обитать угольщики, так что без столь необходимой сейчас добычи уйти оттуда надо было постараться. Быстрый налет позволил отловить на подходе к порту небольшой угольщик "Хидеоши-Мару" с семьей сотнями тонн японского угля на борту. Именно запасы этого угля позволили переправить трофеи в Вэньлин, не трогая кардиф.

В 20-х числах января в Шанхай прибыло разом два новых судна разрастающегося парохозяйства "Иениш и Ко". Бывший "Сумидагава-Мару" переименованный в "Маука" и "Хидеоши-Мару" получивший по аналогии название небольшого айнского поселения "Понто-Кэси". Бывший угольщик ждала переделка в траулер, наподобие "Корсаковского поста", а грузопассажирский "Маука" было решено оставить, как есть и использовать по прямому назначению только теперь под русским флагом. К этому времени в Чифу под прикрытием кораблей русского флота бросила якорь "Находка", а в бухте Вэйхайвэй вновь объявился небольшой, но героический минный крейсер.

Конечно, то, что китайцы фактически проиграли войну, Иенишу было абсолютно понятно, но вот оставить союзников в той мышеловке, куда они сами себя загнали, не позволяла честь офицера Русского Императорского Флота, хоть и числившегося в отставке. К моменту, когда "Полярный лис" вновь пришел в китайскую военно-морскую базу, на его борту не имелось ни одного лишнего человека. Всех остававшихся на борту членов призовых партий перевели на угольщик. Туда же сгрузили все лишнее, а освободившееся место под завязку забили мешками с углем. Более встречаться со ставшей таким шикарным транспортом снабжения "Находкой" вплоть до окончания срока договора с Империей Цин Иениш не планировал, а для операций на небольшом удалении или для поспешного бегства набранного угля должно было хватить с лихвой.

Из двадцати восьми китайских боевых кораблей собравшихся в Вэйхайвэе две трети составляли миноносцы и старые ренделовские канонерки, чью боевую ценность в боении с японским флотом смело можно было списывать со счетов. Тихоходные и слабовооруженные изначально, к началу войны с Японией они уже морально устарели, а китайские моряки и интенданты еще больше подточили их невеликие возможности. Миноносцы же хоть и являлись вполне современными кораблями, почти все требовали капитального ремонта машин и замены котлов. Лишь старый знакомый "Цзо-И" мог похвастаться относительной прыткостью. Остальные же, включая один из восстановленных трофеев, с трудом выдавали 13–15 узлов и то на короткое время.

Не лучше обстояли дела с более крупными кораблями. Все, кто принимал участие в битве у Ялу, имели неполный боекомплект, а также множество до сих пор не исправленных повреждений. Еще два корабля являлись небольшими композитными авизо, уже долгие годы используемыми лишь в качестве учебных. И только вечный беглец — "Цзиюань" мог быть признан как полностью готовый к бою после казни его предыдущего командира, оказавшегося самым слабым звеном неплохого крейсера. Естественно, противостоять такими силами даже семи крупным японским бронепалубникам нечего было и мечтать, а ведь помимо современных крейсеров японцы стянули к Вэйхайвэю практически все, что могло держаться на воде и стрелять, оставив охранять родные берега совсем уж древние развалины.

Правда, переть напролом через многочисленные форты, вооруженные, в том числе, современными крупнокалиберными орудиями, прикрывавшие Вэйхайвэй со всех сторон,

японцы даже не пытались, а высадив морской десант в Дэнчжоу сперва отрезали базу от сообщения с Пекином, оседлав единственную нормальную дорогу и оставив китайцам лишь труднопроходимые горные тропы. Следом пришло сообщение о высадке японского десанта в Жунчэне. В результате вырисовывалась картина скорого неминуемого окружения Вэйхайвэя.

— Господин Иениш, когда вы впервые прибыли на мой флот, я не сильно обрадовался данному факту. — устало улыбнувшись, адмирал Дин Жучан дождался окончания перевода и отпив глоток чая, продолжил, — Я полагал вас наблюдателем от тех облеченных властью людей, чьи интересы во многом расходились с моими деяниями. Потому и оказал не столь теплый и радужный прием чего вы, несомненно, не заслуживали. Свою ошибку я осознал слишком поздно. Битва у Ялу расставила все по своим местам. А ваши последующие действия лишь подчеркнули ваш величайший военный опыт и талант морского офицера. Весь мой флот не смог нанести противнику столь же сильные потери, как один небольшой корабль находящийся под вашим командованием. Мне стыдно за свое поведение и я прошу вас простить меня, если это только возможно.

— Господин адмирал, вам, право слово, не за что просить прощения. Окажись я на вашем месте, я бы тоже с настороженностью отнесся к свалившимся неизвестно откуда на голову иностранцам. Особенно, если нечто подобное происходит в преддверии серьезной операции. Я все понимаю, господин адмирал и поверьте на слово, не держу зла. Впрочем, как и любой член моей команды.

— Вы знаете, господин Иениш, порой я начинаю сожалеть, что именно вы не оказались на моем месте. Возможно, оцени я вас по достоинству до боя с японским флотом, прими во внимание ваши советы, дай куда большие полномочия, и конечный результат мог быть совсем иным. Тогда, несколько месяцев назад, я совершил непростительную ошибку, за которую теперь расплачивается весь флот. А после неминуемой гибели флота будет расплачиваться вся страна. Я виноват перед вами и виноват перед своей страной. И если испросить прощения у страны я сейчас не имею никакой возможности, то ваше столь неожиданное прибытие позволило мне скинуть хоть один камень с души. Факт того, что я виноват перед вами, даже не обсуждается, и потому я покорнейше прошу принять мои искренние извинения. Простите меня, господин капитан 1-го ранга за мою слепоту, простите меня за мою гордыню.

— Господин адмирал. Не смотря на ваши слова, сказанные от самого сердца, я все еще полагаю, что вам не за что виниться передо мной. Но, дабы успокоить вашу душу, я принимаю все ваши извинения за себя лично и за мою команду. Надеюсь, это позволит снизить вес давящего на вас груза ответственности и обязательств.

— Позволит, господин Иениш. — склонил голову адмирал, — Благодарю вас за столь ценный дар. Теперь мне даже дышать будет куда легче.

— Рад, что смог помочь вам хоть в этом. — улыбнулся в ответ Иениш и вслед за адмиралом приподнял пиалу с чаем и отпил непривычный и сильно расслабляющий напиток. Все же китайский зеленый чай слишком сильно отличался от привычного Иенишу черного и оказывал на неподготовленный организм близкое к пьянящему воздействие.

— Мой флот доживает последние дни, господин Иениш. — отставив пиалу, Дин Жучан принялся подводить своего собеседника к основной теме разговора, — Но я не желал бы его бессмысленной гибели в очередном линейном сражении с японцами. Этот флот — мое детище. Его офицеры и матросы — мои дети, которых я растил и воспитывал долгие годы. Каждый из них готов выполнить свой воинский долг до конца, но я никак не готов

жертвовать ими попусту. — слегка приврал адмирал, поскольку в среде матросов уже вовсю начали появляться упаднические настроения и разговоры о неминуемом поражении в войне. — Но и приказать выбросить белый флаг я не имею права. Мы все еще достаточно сильны, чтобы пустить японцам кровь, а орудия фортов Вэйхайвэя способны пустить на дно любой корабль. Правда, будучи полностью отрезанными, мы не сможем долго продержаться на имеющихся припасах. Уже сейчас я могу сказать, что запасов продовольствия хватит едва на один месяц. Потому я и сказал в начале нашей беседы, что флот обречен. Не японские снаряды, так голод уничтожит его. А отступать нам более некуда. Даже прими я решение увести корабли в южные порты империи, японцы, несомненно, догонят нас и навяжут бой, к которому мы абсолютно не готовы. К тому же мы сдали без боя Люйшунькоу, и я не хочу повторения произошедшей в нем резни в Вэйхайвэе. Потому флот будет находиться здесь до последней возможности. Но это вовсе не значит, что мы должны просто сидеть на месте и ждать, когда японцы придут забрать наши жизни. Здесь и сейчас именно вы являетесь наиболее опытным и способным офицером моего флота, господин капитан 1-го ранга, и потому именно вас я прошу найти то решение, которое позволит мне уйти со спокойным сердцем.

— Уйти, господин адмирал? — подумав, что переводчик ошибся, уточнил Иениш.

— Именно, господин капитан 1-го ранга. Только так я смогу оплатить свою вину перед страной. Но прежде чем завершить свой жизненный путь, я бы желал удостовериться, что вслед за мной не последуют мои люди, а вот почетный эскорт из японцев окажется достаточно большим. Возможно ли по вашему мнению удовлетворить мою последнюю просьбу?

— Вы знаете, господин адмирал. Наверное, именно я понимаю вас как никто другой. — тяжело вздохнул Иениш. — Полтора года назад я потерял большую часть своих людей, когда моя броненосная лодка пошла на дно во время разыгравшегося шторма. Лишь божье проведение позволило спастись мне и еще двадцати семи душам из более чем полутора сотен. В разыгравшейся буре уцелел только наш катер. Остальным же катерам и шлюпкам пережить гнев природы не удалось. Я лично наблюдал как поодиночке или целыми десятками идут на дно мои офицеры и матросы. Смотрел и ничего не мог поделать. Погиб мой корабль, погибли мои люди, а я уцелел. Большого позора в тот момент я себе представить не мог. Вы бы знали, сколько раз меня посещали мысли свести счеты с жизнью. — покачал головой Иениш. — Но окружившие меня участием и заботой люди помогли мне справиться с этим тяжким грузом и буквально заставили продолжить жить дальше. Я оставил мысли о самоубийстве и в итоге оказался здесь, перед вами. Как вы полагаете, в конечном итоге они оказались правы? — не дождавшись ответа от ушедшего в себя адмирала, Иениш вновь вернулся к основной теме разговора, — Так же как и вы, господин адмирал, я не знаю, что в конечном итоге ждет весь ваш флот и ваших моряков, — такие подробности Иван не помнил или вообще не знал, сказав только, что японцам удастся заполучить один из китайских броненосцев, — но если вы предоставите мне необходимые полномочия, я постараюсь организовать операцию. Не могу обещать, что удастся нанести серьезный урон японскому флоту, но нервы мы им потрепем.

— О большем не смею просить, господин капитан 1-го ранга. — вновь склонился в поклоне отмерший адмирал, — У вас будут широчайшие полномочия и по любому вопросу можете сразу обращаться ко мне.

— В таком случае, — хитро усмехнулся Иениш, — начинаю обращаться. Как бы мы ни

назывались, вам прекрасно известно, что мы наемники. Как капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота в отставке, я бы не стал выдвигать вам каких-либо требований связанных с личной материальной выгодой, но сейчас я являюсь капитаном частной яхты "Полярный лис" и обязан заботиться о будущем доверившихся мне людей. Потому, говорю прямо, что за бесплатно мы воевать не будем. Таково было условие нашего найма. А, предвидя ваш вопрос насчет боя у Ялу, говорю сразу, что это была лишь наша собственная инициатива, которая в конечном итоге принесла нам первую прибыль.

— Понимаю, господин Иениш. И не смею вас как-либо упрекать в данном вопросе. Вы заключили сделку и честно выполняете ее условия. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— В сложившейся ситуации меньше чем за сто тысяч рублей мы не сдвинемся с места, господин адмирал.

— Это...очень большие деньги, господин Иениш. — покачал головой адмирал, — Боюсь, что даже изыми я всю наличность из городской казны, касс фортов и кораблей, я не наберу и половины требуемой суммы.

— Можете не переживать на сей счет, господин адмирал. В сложившейся ситуации я как совладелец пароходства "Иениш и Ко" согласен принять оплату двумя небольшими пароходами, что имеются в порту. Все равно, так или иначе, они должны достаться японцам, но вот изымать суда находящиеся под русским торговым флагом они вряд ли рискнут. А чтобы все бумаги были оформлены без проволочек, можете передать всем задействованным в этом деле личностям, что они смогут спрятать на борту моих будущих судов все нечестно нажитое ими имущество. Главное, чтобы оно влезло в трюмы.

— Полагаю, что подобное предложение встретит самое искреннее понимание. — усмехнулся Дин Жучан, — Вы уже выбрали пароходы?

— Да. Мы ведь осматривали все в прошлый раз, когда производили обмен на орудия. Так что я в курсе состояния находящихся здесь судов. Теперь дело за главным — ознакомиться с состоянием кораблей флота, чтобы я смог понять, на что именно можно рассчитывать при планировании операции...

К 25-му января японцы закончили высадку своего десанта на захваченный в Жунчэне плацдарм и основные силы флота перешли на стоянку к острову Цзимин между Вэйхайвэем и мысом Шаньдун, чтобы полностью блокировать Бэйянскую эскадру, оставив в Жунчэне лишь четверку канонерок. В этот же день на английском пароходе пришедшем в Вэйхайвэй адмиралу Дину было доставлено письмо от адмирала Ито. Командующий японским флотом обращался к своему давнему другу с предложением спустить флаг, дабы поскорее закончить и так проигранную Империей Цин войну.

Зачитав послание японского адмирала Иенишу, адмирал Дин разорвал его на глазах командира "Полярного лиса" и лишь поинтересовался сроком, когда отобранные тем корабли смогут нанести удар по противнику.

Прекрасно понимая, что очередного артиллерийского боя у японцев никак не выиграть, Иениш решил сделать ставку на миноносные силы флота. Из пятнадцати миноносцев, миноносок и минных катеров разной степени сохранности, помимо не растерявшего прыти "Цзо-И" после продолжительной ревизии он отобрал еще два сходных с ним по характеристикам миноносца немецкой постройки, канибализировав для их восстановления более медленный миноносец N15 также рожденный в Штеттине на верфи "Вулкан".

Целая неделя ушла на латание основных дыр в машинах и котлах обоих миноносцев, но сбитые костяшки и сорванный голос старшего механика "Полярного лиса" стоили конечного

результата. На мерной миле раскочегарившийся "Ую-И" смог показать скорость в 18,7 узлов, а "Ули-Сан" даже умудрился слегка превысить 19 узлов. Поскольку к этому моменту изрядно потрудившиеся машины минного крейсера могли выдать не более 18 узлов даже с учетом потери веса после установки орудий Круппа, Иениш посчитал достигнутые результаты более чем приемлемыми и в ночь на 28-е января повел за собой три наиболее боеспособных миноносца, приказав продолжать наводить порядок в машинах оставшихся на базе миноносных кораблей.

Принявший в кильватер три миноносца "Полярный лис" с единственным едва заметным фонарем, свет которого можно было заметить, только следуя четко за кормой минного крейсера, вывел своих ведомых за пределы бухты и принялся удаляться в сторону корейского берега. Море хоть и было беспокойным, накатывавшие волны позволили небольшим кораблям относительно спокойно идти на 12 узлах. Путь небольшого отряда лежал к Жунчэну — последнему достоверно известному месту дислокации японского флота.

Все же потеряв в непроглядной тьме замыкающий колонну "Ули-Сан", к восходу солнца минный крейсер и два сопровождавших его миноносца оказались напротив бухты Жунчэн, но кроме трех транспортов и четверки небольших канонерок никого не обнаружили. Тем не менее, никто отменять намеченную атаку не собирался, и все три небольших корабля, подготовив носовые минные аппараты к стрельбе, в том числе путем сбивания с них намерзшего за ночь льда, устремились к все еще не видевшему их противнику. Восходящее солнце настолько сильно слепило наблюдателей на японских кораблях, что узкие силуэты миноносцев и небольшого минного крейсера, подкрадывающихся к ним на среднем ходе, чтобы не сильно дымить, полностью скрадывались.

Первыми заметили незваных гостей экипажи стоявших мористее транспортов. С более высокого борта они смогли рассмотреть приближающиеся неизвестные корабли, но определить их класс и уж тем более принадлежность в сложившихся условиях было в принципе невозможно. Единственное, что гражданские моряки реквизированных для нужд флота пароходов успели сделать — так это передать флагами на ближайшую к ним канонерку "Бандзё" сообщение о приближении неизвестных кораблей.

К этому времени расстояние от шедшего головным "Полярного лиса" до "Бандзё" сократилось уже до пяти кабельтов, и судьба канонерки зависела исключительно от двух покоящихся в носовых аппаратах крейсера самоходных мин.

Так и осталось неясным смогли ли японцы рассмотреть в приближающихся кораблях противника или просто произвели предупредительный выстрел, но поднявшееся над канонеркой облачко порохового дыма совпало с моментом отстрела минным крейсером обеих мин. Одна за другой две рыбки ушли в сторону цели, и крейсер принялся отворачивать влево, чтобы закрыться бортами пароходов от возможного ответного огня большей части остальных японских канонерских лодок. В ту же минуту отстрелялись и оба китайских миноносца, после чего так же отвернули в сторону транспортов, по которым собирались выпустить мины из поворотных аппаратов.

Из восьми трижды проверенных и перепроверенных самоходных мин сдетонировали только четыре. Остальные либо не сработали, либо прошли мимо, либо утонули по пути — причин могло быть море, все же оружие считалось весьма ненадежным хоть и крайне эффективным при штатном срабатывании.

Стоило над бухтой разлететься рокоту взрыва, а над "Бандзё" подняться громадному столбу воды, как с борта минного крейсера ударили два 120-мм орудия, один за другим

посылая снаряды в ближайший транспорт. Промахнуться на столь малой дистанции по неподвижному большому пароходу не представлялось возможным, и к тому моменту как отзвучал последний, четвертый, взрыв, отправивший на дно "Ваканора-Мару", в соседний с ней "Отару-Мару" влетело уже восемь снарядов.

Начав разгоняться уже в момент отворота, к тому времени как проснувшиеся артиллеристы двух уцелевших японских канонерок открыли ответный огонь, вся троица рвалась вперед уже на 16 узлах, продолжая наращивать темп. Лишь не прекращавшее стрельбы кормовое орудие "Полярного лиса" давало понять, что противник все еще находится в зоне досягаемости, но стремительно таявшие на фоне кроваво-красного солнечного диска силуэты ясно давали понять, что догнать нахалов посмевающих потревожить сон японских моряков нечего и мечтать. Единственный, постоянно стоявший под парами корабль, уже лег на правый борт и практически скрылся под водой, а остальным чтобы дать хотя бы минимальный ход требовалось не менее получаса.

Из пяти атакованных минами судов и кораблей больше всего не повезло канонерке "Бандзё". Обе выпущенных по ней "Полярным лисом" мины не только попали точно в цель, но и сдетонировали, так что небольшой кораблик оказался обречен. Насколько не повезло "Бандзё" настолько же повезло "Чокай" — одна из выпущенных по ней мин потерялась где-то по дороге, а вторая лишь бессильно ударила по корпусу канонерки, после чего затонула. Торпедированный "Ваканора-Мару" затонул на ровном киле лишь через пол часа, но впоследствии был поднят и отремонтирован, а вот сильно пострадавший от артиллерийского огня "Отару-Мару" хоть и остался на плаву, почти полностью выгорел и был пущен на иголки. "Майя" же пораженная одной 356-мм миной хоть и легла на дно, числиться утонувшей никак не могла, поскольку в момент атаки находилась на мелководье и даже верхняя палуба осталась торчать над поверхностью воды.

Возвращаться при дневном свете к Вэйхайвэй, где их вполне мог подстеречь быстроходный "Иосино" способный по паспортным данным выдать скорость в 23 узла, дураков не было, и Иениш отвел обоих ведомых подальше от берега, где они спокойно приняли с крейсера по восемь тонн угля. Лишь жутко холодная вода и не прекращающиеся волнение досаждали морякам, но подобные неприятности они были готовы перетерпеть на фоне достигнутого успеха.

Потеряшка "Ули-Сан" обнаружился в целости и сохранности в Вэйхайвэе. Подошедшие ночью к своей базе крейсер и миноносцы, дав заранее согласованный сигнал, без каких-либо происшествий дождались встречающих и следуя за ними, проскользнули через минное поле и боновые заграждения. Бросив якорь на привычном месте, тут то они и обнаружили потерянного участника рейда. Что именно стало истиной причиной его досрочного возвращения на базу — потеря мателота или трусость командира так и осталось тайной за семью печатями, но тот факт, что рейд закончился без потерь для их небольшого отряда, лишь повысил значимость одержанной победы. Да, они пустили на дно всего пару небольших кораблей не играющих особой роли в противостоянии двух флотов. Да, солдаты и большая часть припасов с атакованных транспортов уже давно были переправлены на берег, и их гибель не сильно отразилась на ходе наступления японской армии. Но на фоне прочих неудач и общего ничегонеделания подобный результат тянул на одобрительное похлопывание по щеке самой императрицей Цыси, как много позже выразился Иван, в очередной раз введя Иениша в когнитивный диссонанс своим отношением к коронованным особам.

Не успели отзвучать поздравительные речи и тосты в честь вернувшихся с победой моряков, как ранним утром 30-го января японская армия начала штурм береговых фортов, прикрывавших восточный вход в бухту Вэйхайвэя. Северная японская штурмовая колонна под командованием генерала Одэры Ясудзуми фланговым ударом смогла сбить китайские заслоны, но при попытке начать штурм фортов, попала под обстрел своей же артиллерии, что когда-то была захвачена командой "Полярного лиса". В отличие от китайских снарядов, начиненных в лучшем случае черным порохом, и потому обладающих посредственной бризантностью, снаряды этих орудий оказались куда более смертоносными. Не смогли помочь избиваемой пехоте даже срочно выдвинутые на прямую наводку легкие горные орудия. Пусть японским артиллеристам и удалось подавить семь таких скорострельных орудий, подошедшие поближе к берегу канонерки нивелировали своим огнем эти потери. К тому моменту, когда к обстрелу подключился и "Полярный лис", от японской горной артиллерии остались одни рожки, да ножки.

Потеряв убитыми и ранеными под тысячу человек, включая генерала Ясудзуми, японцы отхлынули от фортов для перегруппировки, позволив защитникам перевести дух. Подошедший же чуть позже "Конго" в компании крейсера 3-го ранга "Цукуси", при попытке приблизиться к самому восточному форту, мгновенно попал под обстрел тяжелых орудий и сделав всего десяток выстрелов, был вынужден отойти к охраняющим их от китайских кораблей "Наниве" и "Акицусиме". Попыток преследования даже не предпринимали, поскольку броненосцы не могли дать ход более 7 узлов, а без их прикрытия лезть в открытое противостояние даже с такими силами японцев китайским крейсерам было категорически противопоказано. Миноносцы же большей частью либо находились в срочном ремонте, либо еще не были подготовлены к новому выходу после ночного возвращения.

В это же время вторая японская колонна смогла сбить с позиций и заставила отступить китайский отряд в 2000 человек, прикрывавший южные подступы к Вэйхайвэю. Лишь фланговый огонь с фортов и поддержка подтянувшихся к новому месту прорыва кораблей позволила китайцам закрепиться на берегу и отразить натиск японских войск. Последние, попав под огонь тяжелой артиллерии, вскоре отошли подальше от береговой линии и принялись за обстрел китайцев из орудий горной артиллерии.

Главные силы японского флота появились к двум часам дня. Собрав в одну кильватерную колонну одиннадцать наиболее крупных кораблей флота, адмирал Ито принялся водить ее напротив острова Люгундао, обстреливая с дальних дистанций его форты. К выстраивавшемуся же вскоре напротив боновых заграждений китайскому флоту, он лезть не рискнул и вскоре отвел свой флот, пару кораблей которого уже получили крупнокалиберные приветы от китайских артиллеристов. Отойдя к острову Цзимин, он вскоре отослал на бомбардировку ближайшего укрепления из восточной группы фортов все старые корабли своего отряда. "Фусо", "Конго", "Цукуси" и "Кацураги", стараясь не приближаться к предполагаемому месту расположения минного поля, в течение часа вели неспешную перестрелку с береговыми батареями, но когда заходящее солнце начало слепить наводчиков, отвернули для соединения с основным флотом.

Тут же вслед за ними из внутренней гавани выскочил "Цзо-И", командиру которого была поставлена задача обнаружить стоянку японских кораблей. Вместе с китайским экипажем в разведывательный рейд ушел минный офицер с "Полярного лиса", чтобы на месте оценить возможность проведения ночной атаки миноносцев. Долго им идти не пришлось — японский флот обнаружился всего в шестнадцати милях восточнее Вэйхайвэя в

одной из бухт мыса Шаньдун близ острова Цзимин. Правда, подходить близко капитан 2-го ранга Ван Пин наотрез отказался и мгновенно повернул назад, стоило ему заподозрить, что какой-то из японских кораблей направился им навстречу. Все же, не смотря на славу полученную за воинские успехи, и ореол истинного героя нежно лелеянного и активно распространяемого им самим, человеком он был трусоватым. И в свете грядущих перспектив, как самого результативного офицера китайского флота, совершенно не рвался рисковать своей жизнью. Не будь на борту русского инструктора, он бы плюнул на приказ и отвернул от японцев еще раньше, сообщив впоследствии, что потерял тех во тьме.

Для атаки обнаруженной стоянки японского флота под командование Иениша адмирал Дин передал минный крейсер "Гуанбин" и шесть миноносцев — то есть практически все относительно крупные миноносные корабли, что не были пущены на запчасти. Помимо тройки, что ходила с "Полярным лисом" в предыдущий рейд, в отряд включили "Фулунг", отремонтированный трофей, включенный в состав флота как N18 и "Цзо-Сан" идентичный первой тройке.

Вывод столь крупного отряда за боновое заграждение и последующая проводка через минное поле, вкупе с последующим сбором заняли целых три часа. Лишь в районе часа ночи выстроившиеся в кильватерную колонну минные крейсера и миноносцы, смогли выйти в путь, лишь на пол часа разминувшись с отрядом японских миноносцев, подошедших к Вэйхайвэю для атаки китайского флота. Поскольку в силу проводимой операции минное поле было отключено, японским миноносцам удалось подойти вплотную к боновому ограждению и к своему немалому удивлению обнаружить отмеченные огнями фонарей проходы. На китайских сторожевых судах охранявших проходы ожидали возвращения своих, ведь потеряться в такой темноте было не мудрено, потому и не гасили огни с момента ухода отряда.

До того как увидевшие входящие в проходы миноносцы экипажи канонерок разобрались в происходящем и подняли тревогу, три японских миноносца успели проскочить во внутреннюю гавань. Еще один подбили, влепив в упор три трехдюймовых снаряда и вынудив того тут же отвернуть. Остальные же шесть японских миноносцев не рискнули лезть в разворошенный улей и поспешили отойти назад.

Поднявшаяся стрельба мгновенно заставила проснуться всех заступивших на ночную смену и по водной глади принялись шарить лучи немногочисленных прожекторов. Непосредственно же к месту прорыва устремились все миноноски и минные катера, наряду с канонерками входившие в отряд сторожевых кораблей, но державшиеся подальше от имеющихся проходов по причине отсутствия серьезного артиллерийского вооружения.

Не смотря на всю кажущуюся полную бесполезность подобных малышей, одному из них все же удалось выполнить поставленную командованием задачу. Минный катер с броненосца "Чженьюань" оказался как раз в нужное время в нужном месте и был протаранен налетевшим на него японским миноносцем N9. Скрежет разрушаемого корпуса и крики погибающих моряков привлекли внимание команды ближайшей миноноски, и вскоре по потерявшему управление из-за поврежденного обломками катера руля японцу практически в упор ударила 37-мм пушка и пара револьверов. Противостояние небольшого миноносца и еще более маленькой миноноски закончилось полным выходом из строя обоих корабликов и потерей до трети экипажа. Но если парящая миноноска N20 находилась на своей базе, среди своих кораблей и имела все шансы уцелеть, то для японского миноносца потерявшего не только управление, но и ход, все было кончено. Утром его обнаружили полузатопленным на

прибрежных камнях у восточных фортов с замерзшим насмерть экипажем.

Из двух оставшихся миноносцев только N23 смог удачно поразить намеченную цель и впоследствии сбежать, перелетев на скорости стальные тросы боновых заграждений, что связывали между собой заякоренные деревянные плоты. Обе выпущенные им мины, штатно подорвавшись, пустили на дно многострадальный броненосный крейсер "Лайюань", на котором так и не успели закончить ремонт. Не прошло и пяти минут как крейсер перевернулся и затонул, оставив на поверхности днище. Из перевернувшегося крейсера до середины следующего дня доносились стук и крики оказавшихся в ловушке людей. Когда с большим трудом удалось прорезать дно крейсера, там уже были только мертвые. Весь экипаж, включая тех немногих, кто успел прыгнуть за борт, погиб вместе с кораблем. Еще одной жертвой ночной атаки стал учебный корабль "Вэйюань", затонувший на мелководье. На его долю пришлась всего одна самоходная мина, поскольку носовой аппарата японского миноносца не сработал из-за намерзшего льда. Уже на отходе миноносец попал в луч одного их прожекторов и вскоре был забросан десятками снарядов разом с нескольких ближайших кораблей, скрывшись в лесу всплесков. Обратно к стоянке японского флота он так и не вернулся, но и в гавани Вэйхайвэя каких-либо следов его гибели обнаружить впоследствии не удалось.

Практически одновременно с прорывом миноносца N23 из Вэйхайвэя, с идущего головным "Полярного лиса" был подан сигнал начала атаки на видимые благодаря ярко горящим иллюминаторам японские корабли. Распознать, кто именно находился перед тобой, нечего было и мечтать, но поделаться что-нибудь с окружавшей корабли тьмой, не выдавая себя, было попросту невозможно. Потому и неся на видневшийся впереди ровный ряд огней "Полярный лис". Кто еще кроме них смог добраться сюда, Иениш не знал, но надеялся, что хотя бы часть миноносцев не растерялась по пути.

Чтобы отработать наверняка, обе мины были выпущены примерно с полутора кабельтов. Вспоминая предыдущий опыт, Иениш сильно переживал на счет намерзшего льда, способного заблокировать пуск мин, но превентивная обработка носа молотками, проведенная еще на базе и обливание его спиртом в течение полутора часов, что занял путь, с постоянным приоткрыванием люка, позволили не осрамиться перед ведомыми.

В момент отворота, тьму ночи озарила короткая вспышка, и над водной гладью разнесся громopodobный рык подорвавшейся мины. Для сигар выпущенных "Полярным лисом" время детонации еще не подошло, и это означало, что кто-то все же добрался вслед за флагманом до не ожидавшего подобной наглости противника. На японских кораблях тут же началось метание. Вспыхивающие один за другим прожектора, прорезая ночную тьму, старались нащупать атаковавшие флот миноносцы, и в сторону любой подозрительной тени мгновенно открывался огонь из десятков стволов. Все это мельтешение сопровождалось редкими громами, сопровождавшими подрывы поразивших намеченные цели мин. Всего Иениш насчитал пять подрывов и что бы кто потом ни говорил, полагал данный результат великолепным.

Ни один китайский корабль так и не был поврежден японцами, но два потерявшихся по пути миноносца, вернувшихся в родную базу раньше срока, оказались обстреляны перевозбужденными японской атакой артиллеристами канонерок и не понимая сложившейся ситуации, ушли в Чифу. Туда же увел свой корабль Иениш, решив, что в ближайшее время японцам будет явно не до этого сугубо гражданского порта, к тому же облюбованного русским флотом и стационарами европейских держав. Слишком много

снарядов и угля оказались потрачены за последнее время, так что вставала острая необходимость их скорейшего пополнения с борта находящейся там же "Находки".

Командир "Гуанбина", честно выпустив по японцам две мины, решил, что с него, его корабля и команды хватит и взял курс к родным берегам. Он прекрасно видел, что Бэйянский флот обречен и был уверен, что командующий Гуанчжоуской эскадры не будет наказывать своего подчиненного за спасение столь ценного корабля от неминуемой гибели или сдаче японцам. Не вернулся в Вэйхайвэй и трофейный миноносец N18, вылетевший в темноте на скалистый берег острова Цзимин. Что стало с его экипажем, так и осталось неизвестным. Остальные же по одиночке вернулись на базу с рассказами о потоплении всего японского флота. Причем, по словам особо впечатлительных персон, японский флот был потоплен дважды, причем в полном составе, если судить по количеству подорвавшихся самоходных мин.

До самого утра не смыкавший глаз адмирал Дин, ждал сообщений о возвращении отряда минных кораблей отданных им под управление русского капитана. С одной стороны, предложенный Иенишем план казался весьма простым, продуманным и выполнимым, так что особо переживать не приходилось. С другой стороны, червячок сомнений не переставал грызть его изнутри, подкидывая все новые мысли одна хуже другой. Шторм, подводные скалы, ошибки навигации и попросту японские снаряды легко могли сорвать минную атаку, которая была едва ли не последним шансом его флота. И он таки дождался минной атаки. Только произвели ее пробравшиеся в гавань японские миноносцы по его кораблям. Звуки начавшейся неподалеку артиллерийской канонады сорвали его из личной каюты на мостик флагманского броненосца. Доклад дежурного офицера не смог прояснить ситуацию и потому приходилось лишь ждать, да вслушиваться в раздающиеся тут и там выстрелы. Единственное, что он мог сделать — отдать приказ включить прожектора, да проверить наличие расчетов у всех орудий. Гром подрыва самоходных мин и исчезающие огни одного из его кораблей ножом ударили по сердцу адмирала. Повторившийся вскоре очередной рык подрыва сотен килограмм взрывчатки заставил его покачнуться и вцепиться в поручень, ведь он мог означать только уменьшение его и так сильно потрепанного флота еще на один вымпел. Зато, с каким удовольствием он наблюдал за агонизированием японского миноносца, нащупанного прожектором одного из крейсеров.

Наступившее же утро принесло лишь сплошные разочарования. Погиб один из сильнейших крейсеров его флота и надежды на спасение немногих выживших, что еще продолжали стучаться из его нутра, с каждой минутой таяли все больше и больше. Из всего выступившего для ночной атаки японского флота отряда назад вернулись лишь три миноносца. И хоть принесенные их экипажами сведения вселяли определенные надежды, заплаченная, пока еще неизвестно за что, цена вгоняла в уныние. Половина миноносцев и оба минных крейсера пропали без вести, а разразившаяся буря грозила неминуемой гибелью любому миноносцу, даже если они уцелели и просто заблудились, сбившись с курса. Впрочем, разразившийся на море шторм с лихвой мог прибрать и минный крейсер. Если уж даже на суше прекратились всякие боевые действия из-за жуткой непогоды, о том, что творится в открытом море, не хотелось даже думать. И даже информация об обнаруженном полузатопленном японском миноносце не смогло хоть сколь-либо поднять его настроение, ведь за его уничтожение флот заплатил потерянным катером и требующей капитальный ремонт миноноской, не говоря уже о погибших моряках.

А пока адмирал Дин пребывал в растрепанных чувствах, Иениш, приведший с первыми

лучами солнца свой корабль в Чифу, поднимал заслуженную рюмку коньяка в компании двух китайских лейтенантов, командиров миноносцев встреченных им при входе в порт, Протопопова, Лушкова и командира зимовавшего здесь "Забияки" Гаупта Николая Александровича. Разразившийся шторм прикрыл Чифу от визита нежеланных гостей лучше любой батареи береговой обороны, и потому Иениш позволил расслабиться как себе, так и всему экипажу, наняв на работы по погрузке угля местных.

— Виктор Христофорович, не томите. — буквально взмолился после второй рюмки капитан 1-го ранга Гаупт, — Газетчики столько всего понаписали о ваших похождениях, что создается впечатление, будто вы в одиночку перетопили едва не весь японский флот. Утолите же мое любопытство, поведайте о своих успехах!

— Газетчики как всегда несколько приврали, Николай Александрович. — усмехнулся Иениш. — Нам действительно удалось потопить или повредить немало японских кораблей. Но не менее половины от этого количества составляли миноносцы. Мне, можно сказать, невероятно повезло повстречать их в такой ситуации, когда они не имели возможности убежать от "Полярного лиса". Наиболее же важные победы в этой войне, к которым я смею быть причастным, были одержаны не мной и моей командой, а нашими совместными действиями с офицерами и матросами Бэйянского флота. Потому, давайте поднимем тост за храбрых сынов Империи Цин, что не побоялись дать отпор агрессору! — Уделив положенное внимание горячительным напиткам и расставленным на столе блюдам, Иениш продолжил, — Вы знаете, Николай Александрович, если бы не эти храбрецы — он указал рукой на уже начавших плыть китайских лейтенантов, — и их коллеги миноносники, результаты морских сражений были бы куда скромней. Большая часть потопленных крупных японских кораблей была пущена на дно именно самоходными минами. Сначала "Хиэй" в битве у Ялу. Пусть он и был к тому времени сильно поврежден артиллерийским огнем китайских броненосцев, но тонуть, отнюдь, не спешил. Точку на его карьере поставил именно небольшой миноносец, поразивший японца двумя минами. После нам удалось подловить ночью один японский корвет, так что его команда даже не успела что-либо предпринять. Несколько дней назад в группе с парой миноносцев мы смогли совершить неожиданный налет на бухту, где японцы высаживали десант. Результат — три подбитых минами корабля без малейших потерь с нашей стороны. И как апофеоз — наша ночная атака на стоянку главных сил японского флота, что мы смогли осуществить менее двенадцати часов назад. О ее результатах говорить пока еще рано. Все же в темноте мало что удалось рассмотреть. Но от трех до пяти японских кораблей были потоплены, либо получили повреждения, что с учетом разразившейся бури вряд ли позволило японцам спасти подранков.

— Невероятно! Вам явно удалось превзойти достижения Степана Осиповича на ниве применения минного вооружения!

— Не мне, дорогой Николай Александрович. А всем нам! Только благодаря слаженной работе команд минных крейсеров и миноносцев нам удалось осуществить задуманное. Действуй мы в одиночку, и о подобных результатах нечего было бы и мечтать.

— Так вы полагаете, что в будущем ведущую роль в морских баталиях будет играть минное вооружение?

— Ни в коем разе. Минное вооружение и их носители — это отлично дополнение к артиллерийским кораблям, но не более того. Они способны добиться невероятных успехов, будучи применены в нужное время в нужном месте. Но попадись они любому

боеспособному крейсеру днем и единственной возможностью уцелеть будет лишь безостановочное бегство. Вы ведь, несомненно, узнавали из газет, как мне удалось проредить японские миноносцы. Так что в данном вопросе речь может идти лишь о дополнении артиллерийских кораблей миноносцами. Причем, уже сейчас я могу утверждать, что нормальный миноносец должен иметь ход не менее 25 узлов и водоизмещение в несколько сотен тонн.

— Так это уже получается минный крейсер, Виктор Христофорович.

— В том то и беда. То, что должно являться миноносцем, мы обзываем минным крейсером. Возьмем, к примеру, наши новейшие "Всадник" и "Гайдамак". Как, по-вашему, Николай Александрович, это хорошие корабли?

— Если та информация о них, что до меня доходила — верна. Несомненно!

— Вот и все остальные господа офицеры и адмиралы уверены в этом.

— А вы полагаете иначе?

— Да. И на то у меня имеются веские причины. Причем целых три веских причины! И названия им "Иосино", "Яеяма" и "Тацута". Любой из трех этих японских крейсеров будет в состоянии догнать наши новейшие минные крейсера и стереть их в порошок. Мы только закладываем серию подобных минных крейсеров, но уже сейчас они являются устаревшими, поскольку имеются крейсера способные их нагнать и уничтожить играючи. Так к чему их тогда вообще строить! К чему строить корабли, способные быть лишь беззубыми мишенями! Знали бы вы, насколько сильно я опасаюсь встретиться с названными мною японскими кораблями, всякий раз как вывожу свой минный крейсер в море. И если при встрече с безбронным "Яеяма" у нас еще имелся бы небольшой шанс уцелеть, то бронепалубный "Иосино" — это верная смерть. От него ни отбиться, ни убежать. Хорошо еще, что адмирал Ито постоянно держит при себе эти быстроходные корабли, а "Тацута" застряла где-то в пути из Англии и не принимает участия в боевых действиях.

— Что же, вы не первый кто поднимает подобный вопрос, Виктор Христофорович. Мы с вами живем во времена, когда технический прогресс идет семимильными шагами. Немудрено, что корабли успевают устареть, еще будучи на стапелях. Но если следовать вашей логике, можно оставить флот вообще без кораблей. А ведь вам прекрасно известно, что нехватка кораблей — это одна из наиболее острых проблем Российского Императорского Флота. Тут будешь рад любому, пусть даже небольшому и посредственному кораблю под своей командой. Это все же лучше, чем сидеть на берегу.

— Ваша правда, Николай Александрович. К сожалению, мы можем позволить себе лишь те корабли, которые укладываются в выделенные бюджеты, а не те, которые заставят потенциального противника трижды подумать, прежде чем предпринимать враждебные действия...

Успокоившееся море позволило уже утром 1-го февраля покинуть Чифу и взять курс к Вэйхайвэю. Вместе с "Полярным лисом" уходили и оба миноносца. Правда, что на "Ули-Сан", что на "Цзо-Сан" не досчитались по паре матросов, но искать их никто даже не подумал. Ситуация в Вэйхайвэе была весьма тяжелой и потому к дезертирству отнеслись с определенным пониманием. Впрочем, сбежавшие матросы не были подчиненными Иениша, и потому он лишь пожал плечами в ответ на мнение командиров миноносцев и приказал продолжать готовиться к выходу.

Сразу соваться всеми силами к Вэйхайвэю он посчитал чересчур рискованным и потому первоначальную разведку проводил "Ули-Сан", как более быстроходный. Лишь когда с

вернувшегося из разведки миноносца передали, что японских кораблей близ порта не наблюдалось, а над фортами продолжают развиваться цинские флаги, Иениш повел весь свой небольшой отряд дальше. К их подходу, море действительно было чисто от японцев, но вот в районе восточных фортов слышалась сильная канонада и даже с подошедших поближе к берегу канонерок и броненосцев то и дело вели огонь по наступающей японской пехоте.

Дождавшись, когда их опознают и вышлют встречающих, оба миноносца и минный крейсер один за другим проскочили на внутренний рейд, где "Полярный лис" тут же присоединился к обстрелу. Выпустив в течение часа сотню снарядов, он внес свой вклад в оттаивание фортов, но вот державшая оборону западнее китайская пехота все же дрогнула и бросая оружие, припустила в сторону города. Подошедшие было на их оборонительные позиции японцы, тут же оказались накрыты огнем артиллерии, как фортов, так и флота, после чего откатились обратно на свои позиции.

Увидев бегство своего флангового прикрытия, дрогнули и побежали солдаты двух ближайших фортов. Сперва ни китайцы, ни японцы не смогли разобраться в произошедшем. И те и другие подумали, что гарнизоны фортов выделили отряды для занятия брошенной линии обороны, но когда те не останавливаясь, промчались мимо и устремились в город вслед за отступившей пехотой, воодушевленные японцы ринулись вперед и игнорируя открытый по ним артиллерийский огонь, ворвались в покинутые укрепления, полностью окружив гарнизоны трех оставшихся фортов.

Прекрасно понимая, какой ущерб могут нанести флоту оставшиеся в фортах орудия, адмирал Дин приказал полностью разбить укрепления огнем корабельной артиллерии и взялся за подготовку десанта силами моряков и солдат проживавших на острове Люгундао. Для перевозки десанта были привлечены все миноносцы и катера, тянувшие на буксирах забитые под завязку джонки и шлюпки. Выбивание буквально вгрызшихся в укрепления японцев стоило такой крови, что из всего десанта в тысячу человек уцелело не более сотни. Но единственное на что хватило их сил — это подорвать находящиеся в фортах орудия и поспешно отступить обратно к берегу. Если кто и оставался раненым в полностью разбитых фортах, вскоре вновь занявшие их японцы добили всех. Понимая, что в сложившейся ситуации три оставшихся форта продержатся лишь до первого серьезного штурма, адмирал отдал приказ об их подрыве и эвакуации гарнизонов. Вновь к южному берегу потянулись вереницы мелких судов. Правда, на сей раз большей частью пустые. Лишь сборные команды саперов составляли основную часть немногочисленных пассажиров.

Начавшаяся было нормально эвакуация, вскоре переросла в повальное бегство. Стоило над фортами раздаться первым взрывом, уничтожившим наиболее опасные для флота 11" орудия, как японцы сорвались в очередную атаку. Тут уже не помогли ни редкий огонь еще не подорванных орудий, ни обстрел с кораблей. Сбив немногочисленные заслоны, они устремились к берегу и как в тире принялись расстреливать штурмующих лодки и джонки китайских солдат. И даже огонь прямой наводкой открытый почти всеми кораблями не смог прервать начавшейся бойни. Японские солдаты гибли десятками, размазываемые крупнокалиберными снарядами по каменистому берегу, но число погибающих под их огнем китайских солдат и моряков шел на сотни.

Эвакуационный флот отвалил от захваченного противником берега, увозя с собой от силы половину солдат составлявших гарнизоны фортов. Долго еще потом на прибрежных камнях лежали сотни замороженных трупов китайских солдат и моряков, которым не посчастливилось добраться до острова Люгундао, где нашли приют последние защитники

Вэйхайвэй.

В отличие от двух предыдущих фортов полностью лишившихся вооружения, здесь китайские саперы успели вывести из строя далеко не все орудия. Кто-то погиб, не успев поджечь бикфордов шнур, кто-то, бросив все, ринулся вслед бегущим артиллеристам, но так или иначе полтора десятка крупнокалиберных орудий некогда захваченных "Полярным лисом" вместе с перевозившим их пароходом, вновь вернулись к своим прежним хозяевам. Лишь отсутствие натренированных обращению с подобными орудиями артиллеристов, да полторы сотни оставшихся не расстрелянными снарядов уберегли остатки Бэйянского флота от скорого уничтожения. Но весь восточный проход в гавань оказался под прицелом, и малейшая попытка воспользоваться им пресекалась японцами на корню. Правда, данное знание далось ценой гибели нескольких моряков и серьезного повреждения канонерской лодки "Мейюань" прилетевшим с берега 120-мм снарядом.

— Господин Иениш, как же я рад видеть вас. — начавшийся с самого утра аврал, закончившийся оставлением всего южного берега Вэйхайвэй, позволил командующему Бэйянским флотом уделить внимание русскому капитану лишь в пятом часу вечера. — Какие только мысли не посещали мою голову, после того как вы не вернулись из ночной атаки японского флота.

— Прошу прощения, что заставил вас изрядно понервничать, господин адмирал. Но обстоятельства вынудили меня навеститься в Чифу перед возвращением сюда.

— Вы там обнаружили оба пришедших с вами миноносца?

— Совершенно верно. Мы практически одновременно появились с ними близ Чифу. Полагаю, что их командиры, возвращаясь после атаки, неверно взяли курс, в результате чего проскочили Вэйхайвэй мористее и лишь когда рассвело, смогли сориентироваться на местности. — постарался отгородить поддавшихся малодушию боевых товарищей от начальственного гнева Иениш.

— Да, я тоже полагаю, что все именно так и случилось. — принял игру своего гостя адмирал Дин, — К сожалению, имевшиеся средства не позволяли мне проводить достаточное количество учений, дабы молодые офицеры не допускали подобные ошибки.

— Но, теперь они снова с флотом, так что все должно быть отлично. Кстати, господин адмирал, я не заметил уходивший с нами "Гуанбин". Вы отослали его на разведку?

— Нет, господин Иениш. Он, как и вы, не вернулся той ночью на базу. Но теперь, с вашим возвращением, у меня вновь появилась надежда, что еще не все потеряно, и он может находиться в каком-нибудь из наших портов в ожидании хорошей погоды.

— А еще кто-нибудь не вернулся?

— Только некогда ставший вашим трофеем миноносец N18.

— Хм. Ну, будем надеяться, что и он где-нибудь отсиживается. А что японцы? Показывались?

— Нет. За два дня к Вэйхайвэю не подходило ни одного их корабля. Правда, как вы сами могли заметить, в ту же ночь когда вы атаковали японский флот, мы сами подверглись атаке их миноносцев.

— Да, мне уже успели рассказать. Жаль погибших.

— Да. Очень жаль. Но насколько мне успели поведать мои офицеры, японцы сполна заплатили той же ночью. Не могли бы вы высказать свои предположения по поводу японских потерь?

— Всего мы смогли засечь пять подрывов самоходных мин, господин адмирал. Отсюда

я делаю вывод о гибели или получении сильных повреждений минимум тремя, максимум пятью японскими кораблями. Об их классе, я, к сожалению, ничего не могу сказать. В той темноте силуэты даже вплотную было не разобрать. А разве вы не отправляли кого-нибудь на разведку?

— Нет. Как-то не до того было. — кинул он взгляд в сторону захваченного противником берега.

— Понимаю. Но сегодня ночью при благоприятной погоде было бы желательно направить туда пару миноносцев. Если какой из подбитых кораблей смог выброситься на берег, нанести ему еще большие повреждения никак не помешает. А если там обнаружится какой-нибудь из японских кораблей, то лишить его японский флот сам Бог велел.

— Вы читаете мои мысли, господин Иениш. — усмехнулся адмирал. — Именно так я и планировал поступить. Но теперь, после вашего возвращения, я отправлю туда не пару, а четыре миноносца. Вдруг нам опять улыбнется удача? Желаете принять участие?

— Сожалею, но у меня не осталось самоходных мин. — последнюю, из числа снятых с японских миноносцев, он решил оставить на самый крайний случай. — Если у вас найдется парочка лишних, то почему бы нет. Нам подходят те мины, которыми вооружен "Фулонг".

— Таких мин у нас осталось всего две. И обе уже находятся на борту "Фулонга".

— В таком случае, не вижу необходимости направлять мой корабль в очередной рейд. Мы больше пригодимся вам здесь. Теперь, когда японцы контролируют весь южный берег, пробираться на внутренний рейд их миноносцам станет куда легче. Вот здесь то мы их и будем ждать. Все же именно для охоты на миноносцы мой корабль и создавался в свое время.

— Не буду отказываться от вашего предложения, господин Иениш. Тем более что опыта в борьбе с подобным противником вам не занимать.

Этой ночью японские миноносцы не потревожили китайский флот, а вернувшиеся по одиночке свои сообщили о поражении двух японских кораблей — по числу сработавших мин. На самом деле одна из них взорвалась, врезавшись в прибрежные скалы, а вторая, пройдя под днищем мелкосидящей канонерки, угодила в борт уже утонувшего "Фусо". Так что никакого нового урона японцам данная атака не принесла.

Зато все заинтересованные лица смогли оценить состояние японского флота утром 2-го февраля, когда у Вэйхайвэя вновь появилась японская эскадра. Море было спокойным, и выстроенные в кильватерную колонну белоснежные японские корабли, проходя на полном ходу мимо Люгундао на удалении 15–17 кабельтов, спокойно вели обстрел острова. Открывшие ответный огонь береговые батареи не смогли добиться ни одного попадания, но и противник не посмел подойти ближе.

В отличие от 30 января, на сей раз в японском ордере отсутствовал старый казематный броненосец "Фусо" и флагманский крейсер "Мацусима". Подобные потери никак не походили на байки, что травил миноносники несколько дней подряд, но все равно радовали душу китайских моряков. Помимо этих двух кораблей получивших по одному попаданию, но успевших отползти на мелководье, до того как опуститься на грунт, в ночь на 31-е января погибла аналогичная "Ямасиро-Мару" плавбаза миноносцев "Оми-Мару", пораженная двумя минами с "Полярного лиса", а также пришедший к эскадре угольщик, случайно прикрывший своим корпусом крейсер "Нанива". И все равно оставшихся у японцев кораблей должно было с лихвой хватить для уничтожения двух еле ковыляющих броненосцев и трех небольших

крейсеров, лишь один из которых был броненосным. Остальные же китайские корабли при начале классического артиллерийского боя в расчет можно было не принимать.

В этот же день, не дожидаясь подхода японских войск, большая часть населения Вэйхайвэя вместе с гарнизоном покинуло город, единственной защитой которого была древняя каменная стена и по горным тропам ушло в сторону Чифу. Остались только те, кто точно не перенес бы этой дороги. Их в свою очередь эвакуировали на остров Люгундао, где находились главная квартира флота, военно-морское училище, угольный склад и пять фортов с 17 крупнокалиберными орудиями. После чего адмирал приказал уничтожить или перевезти на острова все маломерные суда, что находились непосредственно в порту города, а также уничтожить орудия на фортах прикрывавших западный пролив. Ночью же, оба все еще остававшихся в Вэйхайвэе переданных Иенишу транспорта, подняв русский торговый флаг, ушли в Чифу, вывозя по несколько сотен женщин и детей каждый.

В связи с гибелью "Оми-Мару", все японские миноносцы были вынуждены безвылазно сидеть в бухте Жунчэна, пока не подойдет последняя оставшаяся в японском флоте плавбаза. В результате вплоть до 7-го февраля японцы беспокоили по ночам китайский флот лишь редкими налетами канонерок, которые, сделав на ходу выстрел-два в сторону сторожевых судов, скрывались во тьме. Никакого ущерба подобная тактика не принесла, но нервы испортила изрядно. То же самое можно было сказать о действиях основного японского флота. Ежедневно появляясь у Вэйхайвэя, он проводил короткий обстрел островных фортов и быстро уходил от ответного огня.

Ситуация изменилась 7-го числа. По всей видимости, получивший нагоняй за топтание на месте, адмирал Ито принял решение дать остаткам Бэйянского флота бой на внешнем рейде их крепости. Группе ведшей с китайцами переговоры о заключении мира требовался убийственный аргумент для продавливания всех своих требований и взятие Вэйхайвэя с уничтожением китайского флота виделся как раз нужным рычагом давления. Вот и давили на адмирала, не давая ему времени вести войну на истощение. А ведь стоило подождать совсем чуть-чуть и китайцы могли бы сами выкинуть белый флаг.

Тем не менее, приказ был получен и его следовало выполнять. Выстроив свои корабли в две колонны, он вывел их на внешний рейд Вэйхайвэя. Сам адмирал Ито с главной эскадрой и сводным отрядом устаревших кораблей совершал циркуляции перед боновым ограждением у острова Люгундао, а адмирал Цубои с "Летучим отрядом" — перед Жидао.

Японские крейсера и корветы вели беглый огонь, проходя мимо береговых батарей, потом разворачивались для нового прохождения. Вскоре к веселью подключились китайские корабли подползшие к боновым ограждениям.

Продолжавшаяся два часа переброска взрывоопасными подарками закончилась, когда один из японских снарядов поразил пороховой склад форта на острове Жидао, отчего само укрепление и располагавшиеся на нем орудия оказались уничтожены. Не обошлись без повреждений и участвовавшие в перестрелке корабли. Хоть стоявшие на местах китайские корабли и представляли из себя весьма легкие мишени, подобное положение позволило вести их артиллеристам гораздо более точный огонь и то один, то другой японский корабль время от времени вздрагивал от очередного попадания.

Ставший новым флагманом "Ицукусима" лишился штурманской рубки, едва не лишился дымовой трубы, пробитой крупнокалиберным снарядом навывлет и почти не остался без хода, когда бронебойный снаряд с одного из броненосцев или тяжелого орудия береговых батарей, пробив угольную яму и броневую палубу, прошел через минный погреб в машинное

отделение. К счастью всей команды японского крейсера китайский снаряд, как это часто бывало, не взорвался, а лишь развалился на куски.

Помимо флагмана адмирала Ито досталось и старичку "Конго". Он практически полностью повторил судьбу своего погибшего у Ялу собрата. За исключением отправки на дно. Дстойно выдержав попадание пяти снарядов среднего калибра, он едва не погиб, когда броню батарейной палубы проломили две крупнокалиберные бронебойные болванки. Получив повреждения, он был вынужден покинуть линию, но через пол часа вернулся и достойно продержался до самого конца боя. Хотя полученные повреждения и оказались тяжелыми, на скорости и мореходных качествах корабля они не сказались. По паре небольших снарядов получили "Цукуси" и "Кацураги", но оба обошлись без серьезных повреждений и потерь в экипаже.

"Летучий отряд" тоже не остался без внимания. "Иосино" и "Нанива" потеряли по одному орудию вместе с расчетами и обзавелись десятком не опасных пробоин. Все же им противостояло на порядок меньше береговых орудий и всего два небольших крейсера.

Из китайских кораблей больше всех пострадал броненосец "Чжэньюань", на котором было убито или ранено около 50 человек. И пусть результат данного боя остался практически ничейный, данная ничья явно была в пользу японского флота, ведь китайским кораблям практически полностью расстрелявшим свой боезапас неоткуда было взять новые снаряды.

Для развития достигнутого днем успеха, ночью к Вэйхайвэю были высланы последние девять боеспособных миноносцев японского флота. Один раз им уже удалось доказать свою эффективность, да и китайцы наглядно показали насколько опасным может быть отряд этих небольших корабликов подкрадвшийся в ночи. Собранные со всех отрядов по одному — два вымпела под лидерованием бронепалубного миноносца "Котака" они предприняли попытку проскользнуть на внутренний рейд вдоль южного берега, где часть боновых заграждений уже была разобрана японскими войсками. При этом два миноносца, чьи капитаны, потеряв ориентацию в темноте, выскочили на прибрежные камни и были вынуждены повернуть назад, получив небольшие пробоины. Еще один миноносец, наоборот, попытался пройти слишком далеко от берега и врезался в заякоренный деревянный плот, повредив носовую оконечность. И хоть обшивка только промялась, в образовавшиеся между ее листами щели начала просачиваться вода, что в конечном итоге заставило ее командира прервать выполнение задания. Все остальные смогли пробраться на внутренний рейд и сосредоточились в раскинувшейся на юге бухте.

Дождавшись захода луны, оставшиеся шесть миноносцев разделились на два отряда и взяли курс к последнему оплоту китайской обороны. Первый отряд, стараясь держаться как можно ближе к берегу смог успешно проскочить незамеченным через линию сторожевых кораблей, в которую помимо канонерок включили все миноносцы и вооруженные пулеметами гатлинга шлюпки и катера. Второй же отряд выскочил в темноте прямо на миноносец "Фулунг". Шедший головным миноносец N24 протаранил китайского визави в районе кормы, и сцепившаяся пара мгновенно стала центром сосредоточения внимания. Со всех сторон посыпались выстрелы, а с ближайших крупных кораблей, доселе стоявших с полной светомаскировкой, ударили яркие лучи прожекторов, выхватив из тьмы не только уже начавшую тонуть пару столкнувшихся миноносцев, но и еще несколько небольших корабликов. Кто из них был своим, а кто чужим в сложившейся ситуации было уже не понять и потому от находившихся на взводе артиллеристов крейсеров и авизо досталось

всем. Внесли свою посильную лепту в уничтожение миноносцев и начавшие подтягиваться на огонек канонерки. В результате, к утру на дне оказались не только пострадавшая в столкновении пара, но и еще три миноносца. Два китайских и один японский. Третий же японский миноносец второго отряда, хоть и остался на плаву, уйти с полученными повреждениями уже никуда не смог и утром был выловлен дрейфующим посреди внутреннего рейда.

Но именно гибель сослуживцев позволило отряду ведомому "Котакой" сделать то, для чего они собственно и проделали столь нелегкий путь. Вспыхнувшие прожектора позволили им определить верное направление, а прорисовавшиеся вскоре на фоне неба силуэты крупных кораблей, выбрать для атаки наиболее лакомые цели. Как это уже бывало не раз, из-за намерзшего льда выпустить мины из носовых аппаратов не получилось и пришлось ограничиться только палубными. Из шести выпущенных мин, достигли цели и подорвались только две. Но и их оказалось достаточно, чтобы подвести окончательную черту под противостоянием флотов. Одна мина поразила флагманский "Динъюань" в борт около кормы. На броненосце успели задраить водонепроницаемые перегородки, однако в них открылась сильная течь, корабль стал оседать в воду и чтобы не допустить гибель корабля его отвели к берегу, где через несколько часов он сел на дно. При этом палуба броненосца осталась над водой, и потому возможность вести огонь из башенных орудий у него сохранилась в полной мере. Вторая мина ударила последний броненосный крейсер "Цзиюань" в носовую оконечность и его тоже приткнули к берегу. Правда, большая часть его огневой мощи оказалась полностью выведена из строя в результате затопления артиллерийского погреба носовой башни.

Давшим о себе знать столь громким способом японцам спокойно уйти не позволили. Головной "Котак" оказался захвачен лучом одного из прожекторов и вскоре совершенно неожиданно для всех вспух парой мощных разрывов прокатившихся по его верхней палубе — это до сих пор сохранявший полную светомаскировку и оказавшийся поблизости "Полярный лис" смог достать главного обидчика своего флагмана, подобравшись едва ли не вплотную. Потерявший управление, но сохранивший благодаря бронепалубе ход, он на 10 узлах вскоре выскочил на мелководье примерно в полутора километрах от города, позволив уцелевшим членам экипажа, сумевшим находясь по шею в воде добраться до берега, выйти к захваченному пехотными частями Вэйхайвэю до того как они замерзли насмерть. Остальная же пара миноносцев, дав полный ход, смогла уйти без единой царапинки, так что последующие метания минного крейсера и обшаривание внутреннего рейда оказались пустой тратой времени.

Но если Бэйянский флот понес катастрофические потери, команда "Полярного лиса" обзавелась еще одним трофеем. Вернувшись к сидящему на мели японскому миноносцу, заразившиеся от своего командира хомяковатостью русские моряки смогли с помощью шлюпок завести на него буксирные тросы и через час минный крейсер, не особо напрягаясь, сдернул его с места, после чего отбуксировал к Люгундао.

— Безрадостная картина, не так ли, господин Иениш? — постаревший в одно мгновение на десяток лет с красными, воспаленными от недосыпа, глазами, адмирал Дин обвел взглядом остатки своего флота. — Если раньше я еще мучался вопросом, стоит уводить отсюда флот или нет, то теперь хотя бы одной проблемой стало меньше. Нечего стало уводить. — тяжело вздохнул командующий Бэйянского флота. — Я бросил в Люйшунькоу десятки тысяч людей, чтобы спасти свое детище, но, как вы сами видите, убежать от судьбы

мне так и не удалось.

— К сожалению, господин адмирал, мне нечего вам возразить. Даже удайся нам осуществить еще одну атаку японского флота сохранившимися миноносцами, мы не сможем добиться результатов позволивших бы вам вновь обрести паритет. У японцев просто-напросто сохранилось гораздо больше крупных кораблей, чем у нас миноносцев. А для того чтобы не фантазировать на счет возможности уничтожения каждым миноносцем по одному крейсеру, мы с вами повидали слишком многое. Один, максимум два вымпела мы еще сможем пустить на дно или хотя бы вывести из строя, но не более того. Это, если нам удастся обнаружить новую стоянку японского флота. А ведь после сегодняшней ночи из хороших ходоков у нас осталось только два миноносца, да мой минный крейсер.

— Когда у вас заканчивается подписанный с моей империей контракт, господин Иениш? — неожиданно сменил тему разговора адмирал.

— До конца февраля мой корабль будет ходить под флагом Империи Цин, господин адмирал. А после мы вновь превратимся в частную яхту под российским флагом.

— Еще три недели мы точно не сможем продержаться, господин Иениш. Вы, ваша команда и ваш славный корабль многое смогли сделать для моей страны и моего флота. Посему, я бы не хотел прослыть неблагодарным человеком. Сегодня вы получите мой письменный приказ произвести разведку китайских портов, начиная от Шанхая и дальше на юг. Вдруг, японцы уже всю хозяйничают там, а я не располагаю столь важной и необходимой информацией. Как командующий Бэйянской эскадрой, я не могу позволить себе оставаться в неведении. Надеюсь, вы с честью выполните мой очередной приказ. Ну а если по пути вы несколько отклонитесь от курса и сможете захватить еще пароход-другой, я не обижусь.

— Был рад служить под вашим командованием, господин адмирал. — правильно поняв все не высказанные аспекты прощального подарка, Иениш отдал честь остающемуся умирать на своем посту настоящему боевому адмиралу. Более никаких слов не требовалось.

Ночью через западный пролив выскользнули две едва заметных тени и на пятнадцати узлах начали удаляться от обреченной крепости. До конца дня, канибализировав ряд запчастей с разбитых и полностью лишившихся хода миноносцев, главному механику "Полярного лиса" удалось восстановить рулевое управление японского бронепалубного миноносца. Максимально разгруженный, с заделанными на скорую руку деревянными щитами пробоинами в верхней палубе "Котака" смог дать неплохой ход и встав в кильватер перегруженного от обилия на борту раненых и беженцев минного крейсера, самостоятельно покинул военно-морскую базу, где днем ранее натворил столько бед.

Через тринадцать часов оба корабля подошли к Циндао, где и передали китайским властям всех пассажиров, после чего разделились. "Котака" загруженный под завязку углем, продолжил забег на юг к Шанхаю, а "Полярный лис" отвернул на юго-восток. Иениш решил погромче хлопнуть напоследок дверью, воспользовавшись тем, что все боеспособные японские корабли оказались сосредоточены у Вэйхайвэя. Его ждал столь памятный пролив между островом Чеджу и континентальной Кореей. Оставшегося на борту угля как раз должно было хватить, чтобы сделать подобный крюк, а золотое время получения бесплатных пароходов должно было вскоре закончиться. Так что требовалось воспользоваться моментом. И пусть после формирования экипажей для всех уже зачисленных в личное пароходство судов, а также трофейного миноносца на борту минного крейсера осталось менее полусотни человек, на пару призовых партий при большом желании народу можно

было наскрести.

Поскольку напоследок хотелось прихватить что-нибудь действительно ценное, Иенишу пришлось в течение двух дней гонять свой небольшой крейсер, избегая встреч с небольшими пароходами или паровыми шхунами, что время от времени по одиночке или небольшими группами показывались в проливе. И 12-го февраля терпение охотника оказалось вознаграждено стократ. Конвой из трех крупных судов под охраной старой деревянной канонерки "Хосё", которую освободили от службы по охране побережья и выперли в море по причине большой убыли в кораблях, оказался именно тем, ради чего стоило рисковать.

"Кагошима-Мару", "Кинсю-Мару" и "Ямагучи-Мару" срочно выкупленные японским правительством у предыдущих владельцев специально для снабжения армии и флота являлись не только весьма крупными, но и довольно молодыми судами. Можно было даже утверждать, что только эта троица могла принести большую прибыли, чем все суда отловленные командой минного крейсера в этом проливе ранее. К тому же вооруженная охрана намекала на явно ценный характер груза, так что у Иениша непроизвольно зачесались руки от одного взгляда на конвой.

Японская канонерка, которую раньше бы назвали просто трехмачтовым шлюпом, никак не могла предотвратить последовавшего вскоре захвата. Нет, ее экипаж честно попытался преградить путь наглому рейдеру, и даже произвести три выстрела из своих древних орудий, но обрушившийся в ответ с минного крейсера дождь 120-мм снарядов очень быстро разбил небольшой кораблик, который весьма скоро перевернулся и ушел на дно. Естественно, о спасении кого-либо в сложившихся условиях не могло быть и речи.

По причине острой нехватки способных держать оружие рук, в призовые партии не попали разве что корабельный врач, кок, рулевой и действующая смена кочегаров. Иенишу даже пришлось временно передать командование над "Полярным лисом" Протопопову, а самому встать на мостик головного "Кагошима-Мару". Побоявшись вести все это великолепие в Шанхай, Иениш на последних тоннах угля, остававшихся в закромах минного крейсера, смог доставить новые трофеи в Вэньлин, где его как родного встретил весьма опечаленный господин Ван. Из последовавшей за бурным приветствием беседы удалось узнать, что затея, на которую их торговый партнер возлагал огромные надежды, провалилась в тартарары вместе с треском корпуса, шпангоутов и переборок оборудованного им для каперства судна. Нанятый капитан оказался не столь хорош, как расписывал своему будущему работодателю и умудрился посадить снаряженный корабль на прибрежные камни при выходе на первое же дело. И что хуже всего, при эвакуации умудрился свалиться в воду и утонуть, так что даже требований по возмещению ущерба потерявшему огромные деньги господину Вану было некому предъявить. Вот и заливал он последние недели горе в надежде вновь увидеться с принесшим ему столько денег русским капитаном. Денег, которые он в одночасье потерял, слепо погнавшись за халявой, вопреки предостережениям его лучшего русского друга, каким к концу весьма эмоциональной речи неожиданно для самого себя стал Иениш. Лишь прибытие захваченного у японцев миноносца с русской командой смогло вдохнуть в господина Вана второе дыхание, позволив оторваться от бутылки и ждать очередного чуда в исполнении своих русских партнеров. В общем, потоки на Иениша было вылитو столько, что, будь она материальна, отставному капитану 1-го ранга грозила бы неминуемая смерть от удушения, столь плотно облепила бы она все его тело.

И пока "торговые партнеры" занимались оформлением бумаг и подсчетом будущих прибылей, тысячей километров севернее ушел из жизни отдавший приказ о капитуляции

крепости и остатков флота адмирал Дин Жучан. Помимо экипажей кораблей и гарнизона последних фортов, которые по договоренности с японцами должны были быть беспрепятственно пропущены из крепости, удалось спасти лишь три миноносца, ушедших в ночь перед сдачей крепости в Чифу, да бронепалубный крейсер "Чингьюань", для которого сбросились углем со всех остальных кораблей флота. Последний смог проشمыгнуть незамеченным мимо японского флота и после дополнительной бункеровки в Шанхае, уйти на соединение с Гуандунской эскадрой. Не достался японцам и флагманский броненосец подорванный командой так, что о его восстановлении не могло быть и речи.

Вместе со своим адмиралом покончили с собой командиры обоих броненосцев и военный комендант Вэйхайвэя — генерал Дай Цзунцянь, так что у праздновавших победу японцев возникли немалые проблемы с подписанием официального акта о капитуляции. В конечном итоге с китайской стороны подписи поставили гражданский губернатор Вэйхайвэя и британский капитан на китайской службе Мак-Люр. 15-го февраля японские корабли вошли на внутренний рейд Вэйхайвэя. Остававшиеся к тому времени на плаву китайские корабли, в том числе броненосец "Чжэньюань", крейсера "Пинъюань" и "Цзюань" спустили флаги. По распоряжению адмирала Ито китайцам оставили небольшое учебное судно "Канцзи", на котором были перевезены в Чифу тела Дин Жучана и других китайских командиров. Таким образом, японцы отдали последние почести своим противникам, уважая их доблесть. При отбытии "Канцзи" японская эскадра, выстроившаяся в бухте, салютовала поднятому над кораблем флагу адмирала Дина. Нескольким тысячам китайских военных и беженцев, перевезенных японцами с Люгундао обратно в город, было предоставлено право свободно покинуть Вэйхайвэй, либо остаться в городе при гарантиях полной безопасности.

Пусть война все еще продолжалась, но именно в этот день прекртилось всякое противостояние китайского и японского флотов. И лишь одному маленькому минному крейсеру еще две недели предстояло прятаться от разъяренных его успехами японцев, стараясь не попасть на зуб вышедших на охоту "Иосино" и "Яеяма".

Встреча, которой столь яростно жаждали японские моряки, произошла 5-го марта на внешнем рейде Шанхая. И повезло не рыскавшим по портам и бухтам быстроногим охотникам, а оставленной сторожить проходящие ремонт и модернизацию некогда японские, а теперь русские суда числящиеся собственностью парокходства "Иениш и Ко" канонерской лодке "Осима". Заметно уступая в скорости разыскиваемому рейдеру, после проведенного довооружения она вчетверо превосходила минный крейсер по вооружению, а если учитывать тип орудий, то перевес в силе становился еще более заметным. Семь скорострельных 120-мм орудий Армстронга и восемь 47-мм пушек Гочкиса грозили неминуемой гибелью сравнимому по размерам русскому минному крейсеру. Тем большим оказалось удивление ее офицеров, когда очередным утром в подходящем к порту судне они смогли опознать "Полярного лиса" внаглую идущего напрямиком на них.

Тут же была пробита боевая тревога, и десятки артиллеристов со скоростью застуканных на кухне тараканов разбежались по своим боевым постам, в предвкушении поглядывая на будущую добычу. Этот небольшой минный крейсер своими действиями успел настолько достать большое начальство, что за его уничтожение были обещаны не только дождь наград и очередных званий, но и солидное денежное вознаграждение для каждого причастного к его потоплению. Насколько большим было первоначальное возбуждение,

настолько же большим оказалось последовавшее разочарование, когда на повернувшимся бортом к японской канонерке "Полярном лисе" вместо военно-морского флага Империи Цин удалось разглядеть русский торговый флаг. К тому же во избежание никому не нужного эксцесса, вскоре над минным крейсером взвился еще и белый флаг, вводя японцев в еще большее замешательство.

Иениш даже не думал сопротивляться требованиям вскоре поступившим с японского корабля и застопорив ход, принял досмотровую партию во главе с капитаном канонерки, решившим лично разобраться в творившихся непонятках, никак не укладывающихся в его голове. Наверное, этот день был одним из самых счастливых в жизни скромного китайского переводчика Лиу Цуна. Присутствовать при разговоре двух капитанов и видеть, как в глазах японца плещется ярость от осознания собственного бессилия, было настоящим подарком небес. Не давший какого-либо результата осмотр полностью безоружного судна и оригинал подписанного в свое время договора охраны водных границ Империи Цин силами яхты "Полярный лис" с предоставлением 110 инструкторов для обучения китайских моряков, прекратившего свое действие с окончанием последнего дня февраля, надежно прикрыли тыл отставного капитана 1-го ранга Российского Императорского Флота от нападок японского коллеги. От настойчивых же предложений прогуляться до ближайшей японской военно-морской базы Иениш благоразумно отказался и в ответ предложил подождать его на рейде Шанхая, а впоследствии сопроводить во Владивосток, если у моряков японского военно-морского флота найдется свободное время.

Эпилог

Император Александр III, просматривая собранные газетные вырезки, посвященные действиям некоторого числа его подданных в завершившейся полгода назад Японо-Китайской войне, хмыкнул себе в усы и перевернул очередную страницу с красующейся на ней фотографией ведущего огонь "Полярного лиса", над которой жирным шрифтом выделялся заголовок передовицы — "Век КАПЕРОВ не закончился!".

Авантюра, буквально навязанная ему Иенишем, закончилась полнейшим триумфом, как для непосредственных участников похода, так и Российской Империи в целом. Сыпавшиеся поначалу от послов Великобритании и Японии ноты протеста весьма скоро сошли на нет, лишь слегка потрепав нервы российского государя, но эта мелочь окупилась во сто крат удачными действиями всего лишь одного небольшого русского корабля, добившегося больших успехов, чем весь многочисленный китайский флот. И если прежде к русским военным морякам относились просто с уважением, то после столь грандиозной демонстрации выучки и навыков кучки отставников, многие начали поглядывать в сторону всего российского флота с заметной опаской. И такая реклама возможностей одного из двух союзников России стоила многого.

Естественно, большинство военно-морских держав не принимали японцев и уж тем более китайцев за равных. Потому, результат достигнутый одним минным крейсером был воспринят хоть и с удивлением, но весьма положительно — белый человек наглядно продемонстрировал свое превосходство над азиатами. Заодно, действия Иениша заставили серьезно задуматься и самих японцев. И если в начале боевых действий они пытались продемонстрировать свою боевую мощь и удаль находящимся в Японии и Китае экипажам кораблей Русского Императорского Флота, доказывая свое право распоряжаться в этих водах, то к окончанию зимы 1895 года старались держаться как можно дальше от русских, стараясь не нервировать их лишний раз. "Полярный лис" с лихвой выполнил свою скрытую

миссию по предупреждению японцев от резких действий по отношению России и подготовил хорошую почву для дипломатов, которым вскоре предстояло отстаивать экономические интересы империи в Тихоокеанском регионе. Он даже так и не смог для себя решить, какой именно фактор оказался наиболее действенным — вся Средиземноморская эскадра Русского Императорского Флота, наконец добравшаяся до тех краев или один единственный минный крейсер с его предприимчивым капитаном.

В конечном итоге не остались в стороне от сдерживания не на шутку разошедшихся японцев и прочие державы имевшие собственные интересы в Китае. Япония, еще не окрепнув и не заработав достаточный политический вес, нацелилась на слишком большой кусок, что шло в разрез с интересами не только России, но и Франции, Германии, Великобритании, Америки. Но если две последних остались в тени и промолчали, то первая тройка оказала более чем серьезное давление на Японию при подписании Симоносекского мирного договора с Империей Цин. В результате, Китай полностью сохранил все материковые территории, лишившись только Формозы с Пескадорскими островами, да потеряв всякое влияние в Корее. Не говоря уже о громадной контрибуции и торговых привилегиях для японцев.

Убедившись, что Иениш с компаньонами, в отличие от многих прочих, является человеком дела, Александр III частично удовлетворил его просьбу озвученную задолго до начала похода, в одно мгновение превратив отставного капитана 1-го ранга в одного из наиболее влиятельных людей на дальневосточных землях Российской Империи, чему также немало поспособствовал оставшийся у тех берегов небольшой частный пограничный крейсер "Лисенок", переделанный из трофейного большого японского миноносца, в компании с рядом взятых у японцев трофеев принявшийся активно помогать патрульным кораблям Сибирской военной флотилии в деле борьбы с контрабандистами и браконьерами. Не стал император запрещать и частную экспедицию в Трансвааль, что Иениш уже начал снаряжать за свой счет. Золото стране было необходимо, а на собственных приисках царил такой бардак, что сам черт ногу сломит. Не осталась без работы и частная охранная компания, получившая, в связи с развязанной итальянцами войны с Эфиопией, заказ от империи имевшей немало своих интересов в этих землях — одним из немногих сохранивших независимость от колониальных держав на всем Африканском континенте, да к тому же с населением исповедующим христианство наиболее близкое к православию.

Но куда больше Александра III занимали мысли о будущей супруге его старшего сына. После очередного категорического отказа в разрешении жениться на внучке английской королевы, у него с Николаем случился серьезный разлад в отношениях, которые даже год спустя никак не желали нормализоваться. Все же старший сын императора действительно имел немалое влечение к Алисе Гессен-Дармштадтской и чересчур болезненно воспринимал отказы отца на бракосочетание с ней. А подыскать подходящую пару наследнику русского престола было ой как непросто. Нет, желающих то занять столь перспективное место насчитывались десятки, вот только далеко не каждая принцесса удовлетворяла всем запросам как Государства Российского так и будущего мужа. Потому этот вопрос вскоре занял первое место в числе прочих наиважнейших проблем империи, требующих его постоянного личного внимания. И когда от роящихся в голове тяжелых мыслей накатывала апатия и начинали опускаться руки, он всегда доставал из сейфа неприметную папку и раз за разом вчитывался в хранящиеся в ней материалы.

— И как же вам удалось убедить Виктора Христофоровича откровенно врать, глядя мне

в глаза, господин Иванов? — задумчиво пробормотал император, разглядывая размазанное изображение человека случайно попавшего на фотографию вернувшейся команды балтийских кладоискателей, как в прошлом году газетные писаки окрестили Иениша и его партнеров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net